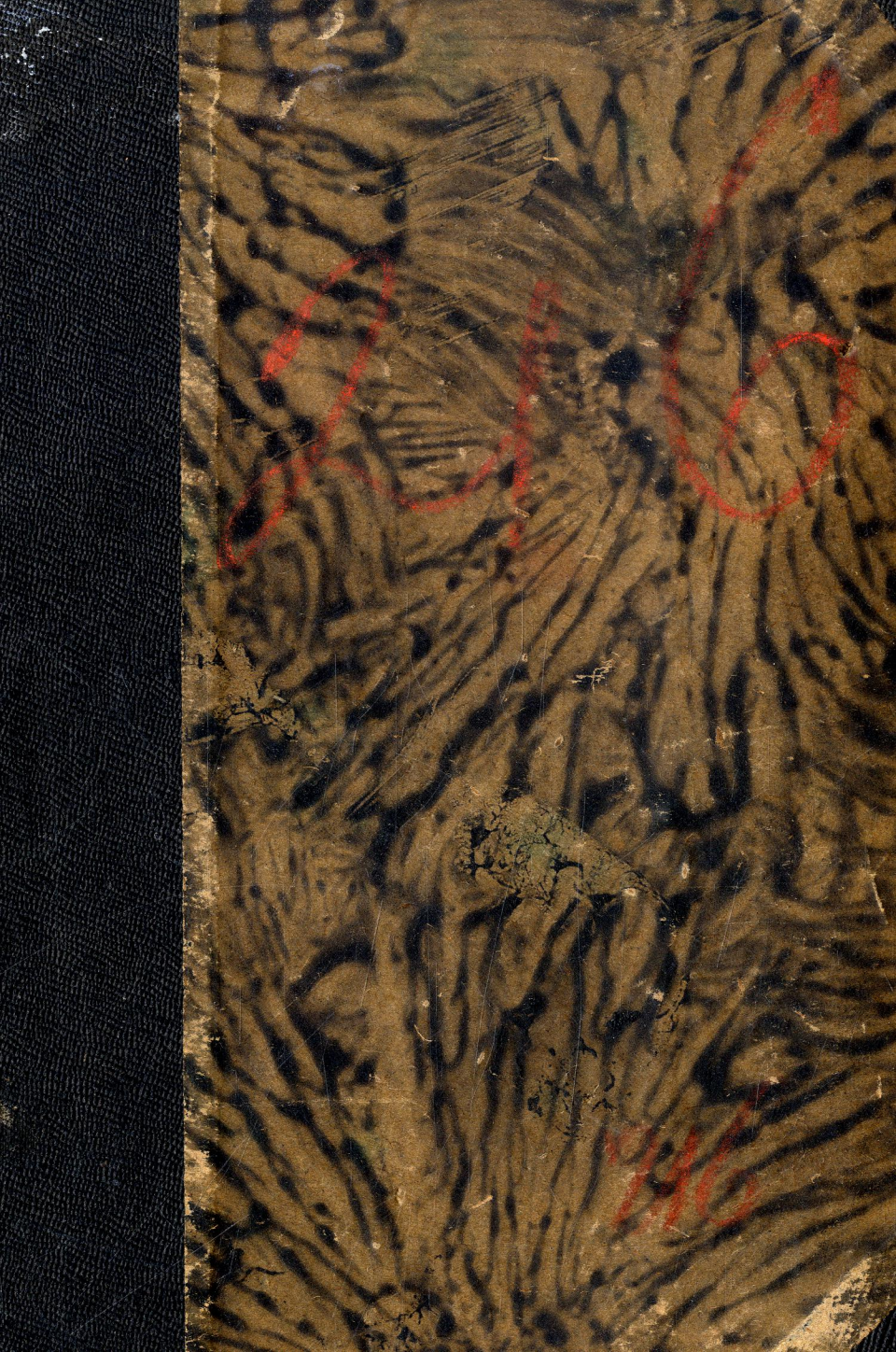

693

216

26
10

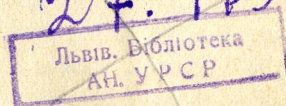
693

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ ХLI

Александръ Амфитеатровъ

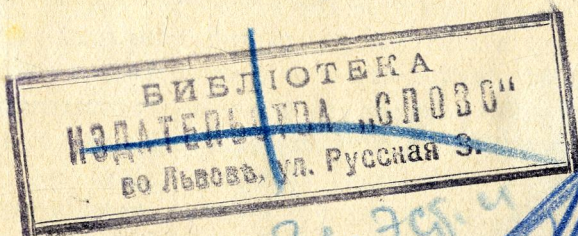
МАРЬЯ ЛУСЬЕВА

РОМАНЪ

Издание седьмое,
пересмотрѣнное и значительно дополненное.

Часть первая

Св. ст. 26. Эср. ч.
24.985-1949

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУТСЬ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37

1

9

2

8

MSA-P/53-644

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ”
Рига, Петродерковная площадь 25-27.

Отъ автора.

Въ настоящемъ изданіи „Марья Лусьева“ выходитъ значительно дополненною, — почти вдвое обширнѣе, — прежнихъ. Въ романъ введенъ рядъ эпизодовъ и сценъ, ранѣе не включавшихся по соображеніямъ цензурнымъ или персональнымъ. Такъ, для читателей, знакомыхъ съ прежними изданіями „Марьи Лусьевой“, будутъ новы главы и эпизоды: „Люція“, „Подвальные барышни“, „Женя Мюнхенова“ и исторія ея портрета, „Живорыбный Садокъ“ москвичи Бастахова, „Похититель неvěсть“, „Ассоціація Фениксъ“ и др.

Такое расширеніе „Марьи Лусьевой“ усугубляетъ ея недостатокъ, не разъ ставившійся мнѣ въ упрекъ: что, по формѣ романа, ведомаго рассказомъ отъ перваго лица, я грѣшу противъ художественной истины, заставляя героиню въ два-три часа, максимально которые могли бы посвятить ей ея слушатели, сообщить столько и такъ подробно, что хватило бы слушать на недѣлю. Это правда, — приѣмлю упрекъ. Но я и раньше заявлялъ неоднократно, и теперь повторяю, что въ „Марьѣ Лусьевой“ я преслѣдую цѣли отнюдь не художественной архитектуры, но публицической иллюстраціи одного изъ наиболѣе опасныхъ золь современнаго „культурнаго общества“: торговли „живымъ товаромъ.“

Зло это, къ великому горю и гибели человѣчества, не измѣняется ходомъ исторіи. Сколько наивныхъ надеждъ возлагалось на социальную революцію! Пришла она, но, если что

перемѣнила въ проституціонномъ недугѣ, то не на лучше, а на — въ десять разъ хуже! Первоначальный очеркъ „Марьи Лусьевой“ былъ написанъ 25 лѣтъ тому назадъ. Однако, работая надъ романомъ для настоящаго изданія, я то и дѣло убѣждался въ печально прочной зеркальности моихъ фактовъ не только для распоясавшейся „подсовѣтчины“, но и вообще для быта большихъ послѣвоенныхъ и послѣреволюціонныхъ городовъ, какъ рисуютъ ее ихъ собственная газетная хроника и бытовая литература.

Поэтому я ничуть не смущаюсь удлинненіемъ цѣпи сообщаемыхъ эпизодовъ. Думаю, что не посѣтуетъ на то и читатель, получающій новый матеріалъ къ освѣдомленію и обсужденію, въ формѣ, надѣюсь, легко воспріемлемой.

Вообще же, позволю себѣ повторить то, что заявилъ при первомъ изданіи „Марьи Лусьевой“, напоминая, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторію ея происхожденія:

„Марья Лусьева“, какъ повѣсть, вымыселъ, но въ „Марьѣ Лусьевой“ нѣтъ ни одного, хотя бы самаго мелкаго эпизода, который былъ бы вымысленъ. Мысль написать „Марью Лусьеву“ далъ мнѣ чиновникъ, изображенный въ моемъ разсказѣ подъ именемъ Mathieu le beau. Онъ, развивая передо мною въ пріятельскомъ разговорѣ свои служебныя воспоминанія, сообщилъ мнѣ, между прочимъ, случай съ интеллигентною барышней въ одномъ изъ южныхъ нашихъ центровъ: она, сойдя съ ума, воображала себя проституткою и надѣлала не мало хлопотъ своему семейству и городской администраціи, прежде чѣмъ удалось изобличить ее въ эротическомъ бредѣ. Что фактъ этотъ возможенъ и даже не можетъ назваться единичнымъ, подтвердили мнѣ ростовскія газеты, огласившія въ зиму 1902 года случай однороднаго помѣшательства, но съ еще болѣе страннымъ осложненіемъ навязчивой идеи, такъ какъ воображалъ себя женщиною легкаго поведенія солидный мужчина. Передъ

некрасовскими праздниками, въ декабрѣ 1902 года, по газетамъ опять прошелъ рассказъ о помѣшанной дѣвицѣ, которая съ надгробнымъ вѣнкомъ въ рукахъ пришла въ полицейскій участокъ читать „Убогую и нарядную“.

Сперва я хотѣлъ было сдѣлать изъ „Марьи Лусьевой“ просто психологическій этюдъ, съ посильнымъ анализомъ перечисленныхъ случаевъ сумасшествія. Но потомъ, взявшись за работу, я соблазнился расширить тему и направить ее къ цѣлямъ болѣе общественнаго характера, чѣмъ описаніе сумерекъ въ двухъ-трехъ повредившихся умахъ... Я рѣшилъ попробовать — сколько могу и знаю — освѣтить лазейки зла и, отказавшись отъ мысли писать „Марью Лусьеву“ сумасшедшею, сдѣлалъ изъ нея одну изъ невольницъ „дома свиданій“, которая, взбунтовавшись, была выдана и принята за сумасшедшую.“

Такъ возникла эта „былевая небылица“, которую характеризовать я считаю себя въ правѣ словами Сухово-Кобылина въ его послѣсловіи къ трилогіи „Свадьбы Кречинскаго“, „Дѣла“ и „Веселыхъ Распяневскихъ дней“:

„Если бы, за всѣмъ этимъ, мнѣ предложень былъ вопросъ: гдѣ же я такъ-таки такія картины видѣлъ?... то я долженъ сказать, положи руку на сердце: — Нигдѣ... и — вездѣ“...

За 25 лѣтъ своего существованія „Марья Лусьева“ была судима и благосклонно, и злобно, имѣла своихъ друзей и своихъ враговъ. Одни, можетъ быть, слишкомъ лично ставили автору въ высокую заслугу прямизну и углубленность обличенія безъ „лживства, лукавства, вѣжливства“, со всѣми точками на і. Другіе довольно идиотски приписывали ему... „лукавое намѣреніе развратить „Марьей Лусьевою“ женщинъ и дѣтей“!... Самъ же авторъ цѣнить въ „Марьѣ Лусьевою“ то достоинство, какъ главное, что, за 25-лѣтнюю свою службу, она ни разу не была опровергнута, хотя бы въ малой какой своей подробности, доказательно и авторитетно.

Въ прежнихъ изданіяхъ романъ сопровождался рядомъ статей по вопросу борьбы съ проституціей. Въ большей части своего содержанія онѣ устарѣли, а потому изъ настоящаго изданія исключены. Меньшую же часть, фактическую, я перенесъ, — къ поясненію и подтвержденію нѣкоторыхъ эпизодовъ, — въ подстрочныя примѣчанія. Подстрочными же примѣчаніями обозначены теперь справки по авторамъ, сочиненіями которыхъ „Марья Лусьева“ проверена въ бытовой своей части. Списокъ этихъ сочиненій приложенъ въ концѣ романа.

Александръ Амфитеатровъ.

Levanto,
1927. VII. 17.

Часть первая.

ГЕНЕРАЛЬША.

I.

Дѣло было въ послѣднихъ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Въ одинъ изъ к—скихъ полицейскихъ участковъ явилась — „ворвалась, какъ буря“, говорилъ мнѣ свидѣтель-очевидецъ — нарядно одѣтая молодая дѣвушка, очень красивая и вполнѣ приличнаго типа, но взволнованная, съ одичалыми глазами, съ щеками, пылавшими огнемъ.

— Кто здѣсь главный? — рѣзко крикнула она.

— Пристава нѣтъ сейчасъ. Я за него, его помощникъ. Что вамъ угодно?

Дѣвушка продолжала такъ же рѣзко и порывисто:

— Меня зовутъ Марья Ивановна Лусьева. Я изъ Петербурга, пріѣхала недѣлю тому назадъ. Я тайная проститутка и доношу вамъ на себя, чтобы вы дали мнѣ желтый билетъ. Вотъ вамъ мой паспортъ.

Драматическій порывъ Лусьевой, возбужденный тонъ ея рѣчи, слишкомъ замѣтная интеллигентность, общая пристойность всего ея, какъ говорятъ нѣмцы, „явленія“, совсѣмъ несогласные съ ея показаніемъ, смутили полицейскаго.

„Дѣло не проста“, подумаль онъ и спросилъ, избѣгая мѣстоименій:

— Изъ какихъ?

— Я же дала вамъ паспортъ, — грубо рванула Лусьева.
— Тамъ все прописано.

Подозрѣнія помощника пристава, что дѣло не просто, увеличилось, когда въ паспортной книжкѣ онъ нашель обозначеніе — „дочь надворнаго совѣтника“, „дворянка“, а въ графѣ документовъ, на основаніи которыхъ выданъ видъ, ссылку на аттестатъ одной изъ лучшихъ петербургскихъ гимназій.

— Гмъ... — сказалъ онъ. — У васъ прекраснѣйшій документъ. Какъ же вы это такъ? А?

Лусьева молчала, съ нервною злобою терзая перчатку на рукѣ. Посмотрѣль на нее помощникъ пристава, — не въ себѣ дѣвка.

„Тутъ что-то мнѣ не по чину разбирать, — рѣшилъ онъ про себя; — чѣмъ мнѣ самому влетать въ эту кашу, пусть расхлебываетъ ее старшее начальство“.

И телефонироваль полицеймейстеру, что, молъ, такъ и такъ — пришла барышня благороднаго званія и отмѣнной наружности, взводитъ на себя вины несоотвѣтственныя и заявляетъ требованія несвойственныя, очень разстроена и даже какъ будто не въ своемъ умѣ; въ виду сомнительности случая, какъ прикажете поступить?

Вышла резолюція:

„Отправить предполагаемую больную въ пріемный покой и вызвать къ ней врача, а тамъ видно будетъ“.

Лусьева, съ истерическимъ упрямствомъ, продолжала кричать, чтобы ей выдали позорное свидѣтельство.

— Успѣте, успѣте, — съ досадою сказалъ ей помощникъ пристава. — Съ этою радостью, мадемуазель, разстаться трудно, а заполучить ее — минутное дѣло.

Врачъ — глупый, старый, равнодушный формалистъ, давно уже переставшій интересоваться судьбами человѣчества, поскольку онѣ выходятъ за границы винта и монополюшки съ груздемъ въ сметанѣ, — не нашелъ въ Лусевой ничего аномальнаго.

— Женскій полъ — какъ женскій полъ. Не понимаю, съ чего вы сполошились. Что въ гимназін учились, такъ всѣ и рты поразинули, аномалій заставляютъ искать. Просто развратная дѣвченка, — вотъ вамъ и вся аномалія.

И, въ концѣ концовъ, Лусьева получила бы роковой документъ, если бы не повезло ей, случаемъ, горемычное счастье.

Давъ резолюцію о врачебномъ изслѣдованіи странной дѣвицы, полицеймейстеръ отправился прямо отъ телефона къ себѣ въ столовую завтракать и, за рюмкою водки, разсказаль:

— Представьте, какое у насъ сейчасъ въ первомъ участкѣ оригинальное романическое приключеніе.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

— А какъ фамилія, — спросилъ его гость, молодой чиновникъ особыхъ порученій при к—скомъ губернаторѣ.

— Какая-то Лусьева... Марья Ивановна...

Молодой человѣкъ даже покраснѣлъ отъ изумленія.

— Марья Ивановна Лусьева? Да это чепуха какая-то! Не можетъ быть. Я Марью Ивановну Лусьеву прекрасно знаю. Это проѣзжая барышня, остановилась въ гостиницѣ „Фениксъ“, я только вчера былъ у нея съ визитомъ. Тутъ — либо самозванство и присвоеніе чужихъ документовъ, либо страшное недоразумѣніе и несчастье. Это надо разслѣдовать. Поѣдемте-ка, Тигрій Львовичъ.

По дорогѣ чиновникъ разсказаль полицеймейстеру, что познакомился съ Лусевой случайно, на музыкѣ въ городскомъ саду. Она была съ теткою, въ высшей степени приличною особою, которую рекомендовала какъ баронессу Ландію. Вчера,

сдѣлавъ прїѣзжимъ дамамъ визитъ въ „Фениксъ“, онъ убѣдился, что тетка и племянница — женщины съ состояніемъ: онѣ занимаютъ хорошій номеръ, везутъ съ собою въ Крымъ собственную прислугу — тоже весьма благопристойную русскую тетушку, что-то среднее между горничною и экономкою. На что-либо сомнительное, подозрительное, нечистое не было даже и намека.

— Ну, стало быть, сумасшедшая, — рѣшилъ полицеймейстеръ. — А знаете ли, — мы ѣдемъ мимо „Феникса“: не завернуть ли къ теткѣ-то? Быть можетъ, она и не подозрѣваетъ, что ея племяннушка откалываетъ съ безумныхъ глазъ. Предупредимъ. Все-таки, баронесса...

Въ „Фениксъ“, на вопросъ столь официальныхъ гостей о баронессѣ Ландіо, управляющій смутился и, вмѣсто отвѣта, пренелѣпо сразу же заявилъ:

— Я, ваше высокоблагородіе, ни въ чемъ не виновать. Документъ у нея былъ въ порядкѣ.

— Никто тебя ни въ чемъ не обвиняетъ, — возразилъ изумленный полицеймейстеръ. — А развѣ что-нибудь случилось?

— У насъ ничего особеннаго не случилось, — сказалъ управляющій, — но только вотъ — нашъ паспортистъ пришелъ сейчасъ изъ участка и говоритъ, будто бароншину барышню взяли въ полицію и хотятъ записать въ публичныя.

— Пустяки. Проводи насъ къ баронессѣ.

Управляющій всплеснулъ руками.

— Да нѣту ея уже у насъ, ваше высокоблагородіе. Уѣхала съ утреннимъ поѣздомъ на Одессу. И прислуга ихняя съ ними. До ужастей какъ спѣшили, въ двадцать минутъ собрались.

Полицеймейстеръ съ чиновникомъ особыхъ порученій переглянулись: дѣло, дѣйствительно, начало становиться романтическимъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что баронесса съ племянницею выѣхали вчера вечеромъ изъ гостиницы,

часовъ около восьми, въ какой-то театръ. Баронесса возвратилась въ послѣспектакльное время, между часомъ и двумя ночи, одна. Барышня Лусьева пріѣхала уже утромъ, часовъ въ шесть, или даже позже; вскорѣ послѣ того у нихъ въ номерѣ началась ссора, раздались нестерпимые визгъ, крикъ и брань, такъ что пришлось постучать къ нимъ въ дверь, прося вести себя тише и не мѣшать сосѣдямъ. Громче всѣхъ раздавался голосъ женщины, которая служила при баронессѣ.

— Такія словечки загинала, что слушать, — на базарѣ фонари лопнуть.

Наконецъ, барышня Лусьева выбѣжала изъ номера въ страшномъ разстройствѣ, въ гнѣвнымъ и рѣшительнымъ лицомъ прошла мимо швейцара и исчезла на улицѣ. А баронесса вскорѣ позвонила и приказала подать счетъ. Она отлично расплатилась и щедро дала на чай. Но ужасно узузилась и испугалась, когда, вмѣсто трехъ паспортовъ, ей принесли изъ конторы только два.

— А гдѣ же видъ Марьи Ивановны? — воскликнула она, искривя лицо.

Лакей, который подавалъ счетъ, объяснилъ, что по требованію барышни, еще третьяго дня контора возвратила ей паспортъ на руки.

— Но... но... какъ же это вы такъ могли поступить... развѣ это можно?.. Вы ужасно что для меня теперь сдѣлали... Вы не имѣли права...

Баронессѣ объяснили, что, напротивъ, гостиница не имѣла никакого права задержать паспортъ, когда его требовала законная владѣлица. Во время этого объясненія прислуга баронессы молчала, но смотрѣла на госпожу свою аспидомъ и, видимо, была не въ духѣ. Затѣмъ онѣ обѣ уѣхали въ дилижансѣ гостиницы, и, — говоритъ кучеръ дилижанса, — всю дорогу до вокзала между двумя женщинами въ каретѣ шла ру-

гань не на животъ, а на смерть, при чемъ баронесса какъ будто плакала и въ чемъ-то оправдывалась, а прислуга твердила:

— Погоди, погоди! дай въ купу сѣсть: я тебѣ щеки нарумяню!

Всѣ эти необычайности, въ связи съ исчезновеніемъ Лусьевой и послѣдующими странными о ней слухами, смутили управляющаго „Фениксомъ“ — онъ встревожился:

— Не гостили ли у насъ торговки живымъ товаромъ?

Удивляло его еще одно обстоятельство: онъ рѣшительно не помнилъ, чтобы возвращалъ паспортъ барышнѣ Лусьевой, а между тѣмъ паспортъ очутился у нея въ рукахъ, и молодой коридорный, служившій при номерѣ, клялся и божился управляющему, что тотъ собственными руками выдалъ ему документъ для передачи.

— Оно, конечно, знаете-съ, возможно: сѣздъ публики сейчасъ очень большой, толчея, умъ за разумъ заходитъ. . .

Во всякомъ случаѣ, онъ по собственному почину собирался уже пойти въ полицію — заявить подозрѣніе о странныхъ гостяхъ, да вотъ — на счастье, заѣхалъ самъ полицеймейстеръ съ его высокоблагородіемъ. Раньше, въ теченіе семи дней, что дамы стояли въ „Фениксѣ“, никакихъ скандаловъ между ними не происходило, жили онѣ тихо, гости ихъ посѣщали рѣдко, а если бывали, то очень порядочные.

— Вотъ и ихъ высокоблагородіе однажды заѣзжали.

Марью Ивановну Лусьеву полицеймейстеръ и чиновникъ застали въ страшномъ возбужденіи. Сухое ли, небрежное обращеніе врача подбавило масла въ огонь, просто ли истерическій припадокъ разрастался, но теперь несчастная дѣвушка, дѣйствительно, производила впечатлѣніе недалекой отъ безумія. Настойчивое требованіе „билета“ не сходило у нея съ языка.

— Вотъ, — закричала она, едва увидѣла чиновника особыхъ порученій (окрешу его наконецъ Матвѣемъ Ильичемъ,

прибавивъ, для краткой характеристики, что губернскія львицы прозвали его „Mathieu le beau“, а губернаторъ, старикъ веселый и насмѣшливый, предпочиталъ для него кличку — „Мотька, гдѣ водька?“), — вотъ и этотъ господинъ можетъ вамъ подтвердить, что я такая... Что, братъ, узналъ? Вотъ и расскажи всѣмъ, какъ я привязалась къ тебѣ на музыкѣ!

— Опомнитесь, Марья Ивановна! — возопилъ сконфуженный чиновникъ, — что съ вами? Никогда не было ничего подобнаго... Ваша почтенная тетушка...

Лусьева промко и нагло захохотала:

— Тетушка? Это баронесса-то? Цѣлуйся съ нею.

— Такъ она не тетка? — встревожился полицеймейстеръ.

— Можетъ быть кому-нибудь и тетка.

— А съ вами — въ какомъ же родствѣ?

— Десять дней тому назадъ я еще и въ глаза ея не видала, не знала, что такая есть на свѣтѣ — ба-ро-нес-са Лан-ді-о... — со злобною ироніей протянула Марья Лусьева.

— Слѣдовательно, она — подложная личность?

— Нѣтъ, паспортъ у нея настоящій. Кажется, въ самомъ дѣлѣ, баронесса. Что вы думаете? Мало на Сѣной въ ночлежкахъ живетъ голоднаго народа съ хорошими паспортами? Заплатите деньги: не то что баронессу, — графиню, княгиню можно выудить... Наемная дуэнья, — при мнѣ въ теткахъ состоятъ была взята. Для языковъ и для аристократичности. И дешевая: дневной расходъ, хорошее платье, проѣздъ по первому классу да три рубля въ сутки. Правда, умѣренно? Потому что, знаете, она хоть представительная, но пить ужъ очень и, пьяная, никакой воли въ себѣ не имѣетъ, всю ее хоть разними...

— Позвольте. Дешево ли, дорого ли, но чей же это расходъ? Кто платилъ? Вы платили?

Лусьева злобно засмѣялась.

— Я? Да у меня уже съ полгода лишняго рубля въ карманѣ не было. „Антрепренерша“ моя платила, „мадамъ, Анна Тихоновна, — вотъ, которая въ гостиницѣ за прислугу при насъ числилась...

— Такъ, — протяжно сказалъ полицеймейстеръ, — ну, теперь все понятно. Дѣло бывалое. Рассказывайте.

— Позвольте, однако, — вмѣшался „Mathieu le beau“. — Если даже правда все, что вы о себѣ говорите, я не понимаю цѣли. Противъ васъ не имѣлось никакихъ подозрѣній, на васъ не поступало доносовъ... Вы могли спокойно продолжать ваше... гм... существованіе... — поперхнулся онъ. — И, между тѣмъ, сами доносите на себя. Понимаете ли вы, какую ужасную будущность себѣ готовите? Вѣдь этотъ билетъ, о которомъ вы просите, просто чортъ знаетъ что... И зачѣмъ?

— Затѣмъ, — съ жестокимъ гнѣвомъ прервала его Лусьева, — что меня такъ испоганили, что, кромѣ какъ продаваться, я уже ни на что не гожусь. Но если продажною быть, такъ ужъ пусть хоть въ чистую — сама собою торгую, а не набиваю карманъ подлыхъ тварей разныхъ, словно раба какая-нибудь...

Полицеймейстеръ присвистнулъ.

— Это у насъ называется — „наказалъ мужикъ бабу: въ солдаты пошелъ“. Рассказывайте.

II

Марья Ивановна Лусьева оказалась дочерью бѣднаго петербургскаго чиновника, которому даровая квартира въ казенномъ домѣ помогли дать дѣтямъ приличное образованіе. Ихъ у стараго Лусьева было много, но ко времени, какъ ему овдо-

вѣтъ, среднія дѣти попримерли, и остались только два мальчика, погодки шести-семи лѣтъ, да старшая дочь, уже четырнадцатилѣтняя гимназистка, Маша. Училась Лусьева отлично. Характера она была веселаго, хохотушка, любила танцовать, бѣгала по театрамъ, садамъ, на музыку, но, благодаря хорошимъ способностямъ, не отставала отъ подругъ въ успѣхахъ. Курсъ кончила отлично. Годовъ съ шестнадцати ознакомилась съ флиртомъ и имѣла огромный успѣхъ у мужчинъ. Нравиться ей никто не нравился особенно, но чтобы ухаживали за нею, она любила очень.

— Ахъ, Маша! — говорили ей подруги: — какая ты счастливая: дастъ же Богъ такую красоту. Если бы ты еще одѣвалась какъ слѣдуетъ, всѣмъ мужчинамъ съ ума надо сойти.

— То-то и есть, что Богъ раздѣлилъ по справедливости, — отсмѣивалась Маша, — кому красоту, кому туалеты.

Однако рядиться хотѣлось. Хотѣлось тоже хорошихъ духовъ, хотя бы дешевенькихъ украшеньицъ, прошивокъ, кружевъ, убрать иной разъ голову модною прическою у хорошаго парикмахера. Но — денегъ нѣтъ, а на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Счастливица! — вздыхали хорошо одѣтыя подруги, завидуя Машиной красотѣ.

— Счастливицы! — вздыхала Маша, завидуя хорошо одѣтымъ подругамъ.

Въ числѣ Машиныхъ пріятельницъ была нѣкая Ольга Брусакова, жительница того же казеннаго двора, дѣвица лѣтъ уже двадцати двухъ, грузинъ, аляповатой красоты и пухлаго, поношеннаго вида. Дурного объ Ольгѣ сказать было нечего. Правда, довольно часто она не ночевала дома и даже иногда исчезала изъ родительской квартиры на цѣлыя недѣли, но всѣмъ въ домѣ извѣстно было, что время отлучекъ своихъ дѣвица Брусакова проводитъ у своей крестной матери, госпожи

Рюлиной, — по слухамъ, важной и богатой барыни, которая ее безумно любитъ дарить, балуетъ и записала на ея имъ крупный кушъ въ своемъ завѣщаніи.

Находили немножко страннымъ, что объ этой великолѣпной крестной матери у Брусаковыхъ въ семьѣ ничего не было слышно до семнадцатилѣтняго возраста Ольги. Въ ту пору у дѣвушки завязался весьма неудачный романъ. Герой его выдавалъ себя за графа ***. Дѣ действительности же, — какъ шушукались подвальные кумушки, — проходимецъ оказался лакеемъ графа, выгнаннымъ за пьянство и покражу барскаго платья и бѣлья. Тогда то вотъ и вдвинулась въ жизнь Ольги величественная фигура знатной и богатой крестной мамашы. Генеральша Рюлина отобрала Ольгу у родителей и поддержала у себя больше года. Добрые языки говорили: чтобы разбить неудачное любовное увлеченіе дѣвушки и дать ей опомниться отъ драмы тяжкаго разочарованія. Злые языки утверждали, — чтобы скрыть беременность и роды.

И то могло быть, потому что Ольга возвратилась отъ Рюлиной къ домашнимъ пенатамъ сильно измѣнившись. И физически: приобрѣла видъ скорѣе молодой дамы, чѣмъ дѣвицы. И морально: изъ рѣзвой и веселой холотушки превратилась въ мрачную лежебоку, страстную курительницу дорогихъ благовонныхъ папиросъ и усердную поглотительницу душистыхъ ликеровъ. Рюлина ее очень избаловала. Такъ какъ покровительство этой барыни вносило благосостояніе въ домъ, то Ольга сдѣлалась въ своей семьѣ главнымъ лицомъ. Жила, какъ хотѣла. Отецъ (горькій пьяница) и мать (азартная игрица по клубамъ) ходили предъ дочкой на ципочкахъ и — что она, какъ она, гдѣ она, съ кѣмъ она — не дерзали допытываться. Было однажды навсегда рѣшено, что, разъ Рюлина взяла Ольгу на свое попеченіе, значить, на Рюлиной и отвѣтственность за

Ольгу, а у родныхъ папаши съ мамашей руки отъ дочки развязаны и совѣсть чиста.

Госпожа Рюлина никогда не навѣщала свою любимицу у ея родителей, но два раза въ недѣлю непременно, а то и чаще, присылала за Ольгою свою карету. И Ольга спѣшно отрывалась отъ дѣла ли, отъ веселья ли, и уносилась съ казеннаго двора на парѣ чудеснѣйшихъ караковыхъ, на мягкихъ американскихъ шинахъ.

— Счастливица! — вздыхало вслѣдъ ей все молодое женское населеніе огромнаго корпуса.

Ольга была добрая дѣвушка. За вялость и молчаливость она прослыла глупою. Крестная мать надарила ей множество вещей, но біжоух Ольги недолго у нея держались: она все раздаривала подругамъ, либо — просто и безъ даренія, — возьмутъ поносить, да и заносятъ, а она не спрашиваетъ. Станутъ Ольгу учить уму-разуму:

— Зачѣмъ зря раздариваешь вещи? Онѣ денегъ стоятъ.

— Великихъ ли денегъ? Грошевая дрянь. Если бы брильянты или валансьенъ, — не бойтесь, не отдамъ...

— Все-таки лучше берегла бы для себя...

Ольга улыбалась.

— У Полины Кондратьевны этой дряни полны сундуки. Скажу, что надо, — еще подарить.

— Счастливица!

Однажды Машу Лусьеву пригласили на свадьбу. Надо было одѣться поприличнѣе. Платье довольно хорошее у нея нашлось. Украшенія пообѣщалась дать Ольга. Приходитъ къ ней за ними Маша. Ольга только что пріѣхала домой отъ крестной матери больная, не въ духѣ, лежитъ на диванѣ, руки за голову, зѣваетъ, еле отвѣчаетъ на вопросы. Вещи она отобрала для Маши отличныя.

— Счастливица ты, — по обыкновенію говоритъ Маша, — чего-чего у тебя нѣтъ. Просто зависть беретъ на твое счастье.

Ольга въ отвѣтъ промывчала что-то не слишкомъ веселымъ и одобрительнымъ тономъ; ее мучилъ жесточайшій мигрень, и она усиленно растирала томимый болью високъ платкомъ, вымоченнымъ въ одеколонъ.

— Золотая душа твоя Полина Кондратьевна, право, золотая. . .

— Богъ смерти не даетъ, должно быть, заживо вознесена въ рай будетъ, — страннымъ, злобно насмѣшливымъ голосомъ возразила Ольга.

— Какъ ты говоришь... — смутилась Маша. — Будто совсѣмъ ее не любишь. . .

Ольга молчала.

— Она тебѣ столько благодарѣтельствуешь... дарить. Развѣ ты ей не благодарна?

— Если бы смѣла... съ удовольствіемъ бы швырнула всѣ эти цапки ей въ рожу... — неожиданно прорвалась Ольга, сверкавъ глазами.

Маша совсѣмъ растерялась.

— Ой, что ты это... За что?

— Да ужъ за то... стоитъ...

Маша подумала, что, должно быть, между крестною и крестницей пробѣжала черная кошка, поссорились, и теперь Ольга нервничаетъ и злится. Она хотѣла смягчить непріятный разговоръ и свести его къ шуткѣ.

— Ну, ты совсѣмъ неблагодарная, — смѣясь, сказала она. — Не стоишь своего счастья. Если бы Богъ далъ мнѣ такую крестную маму, я бы ее вставила въ кіотъ. Слушай. Подари мнѣ свою Полину Кондратьевну, а я тебѣ отдамъ свою крестную.

Ольга посмотрѣла на подругу острымъ, серьезнымъ взглядомъ.

— Вотъ что, Машка, скажу тебя напрямикъ и твердо: ты этимъ со мною не шути. Избави тебя Богъ. И словъ впередъ мнѣ не говори, не начинай, не смѣй...

— Помилуй, Оля, что ты? развѣ я серьезно?

— Знакомиться съ Полиною Кондратьевной не воображай: не допущу, не позволю...

— Я и не мечтала... Тѣмъ болѣе, если ты такъ ревнуешь...

— Я ревную?...

Ольга даже зубами скрипнула, но спохватилась и договорила уже спокойно:

— Ревную я или нѣтъ, — этого ты не поймешь, мое дѣло. А тебѣ по дружбѣ совѣтую: не завидуй ты мнѣ и не мечтай о моемъ счастьѣ. А если столкнетъ тебя дьяволъ гдѣ-нибудь съ моею Полиною Кондратьевной, бѣги ты отъ нея, какъ отъ огня, не лѣстись, не знакомься. И если когда-нибудь я сама стану уговаривать тебя поѣхать къ ней, прошу тебя: не слушай меня, откажись тогда...

— Да ты не уговариваешь... Напротивъ, не хочешь...

Ольга возразила, глядя въ сторону:

— Вотъ и напomini мнѣ этотъ нашъ разговоръ, какъ я не хотѣла... Потому что, Машенька, сейчасъ я тебѣ все это — свои слова говорю, задумевныя, по дружбѣ. А случается, что мнѣ приказываютъ говорить... Я, Маша, живу не на своей волѣ... Не всегда мнѣ можно быть откровенною... А затѣмъ довольно объ этомъ. Ну ее къ чорту... да и меня съ нею тоже!..

„Какая она сегодня непонятная, — думала Маша, уходя отъ Ольги. — Точно — она выпила?!“.

Увы! Если бы подруги поцѣловались на прощанье, —

Ольга уклонилась отъ этого обряда подъ предлогомъ насморка, — то, вѣроятно, даже наивная Маша замѣтила бы, что отъ дѣвицы Брусаковой жестоко разило коньякомъ.

III.

Одною изъ странностей Ольги Брусаковой было, — что она терпѣть не могла показываться въ обществѣ, на улицѣ, въ театрѣ или въ концертномъ залѣ съ кѣмъ-либо изъ своихъ по-другъ. Если случалось ей сойтись публично даже съ Машею, которую она, всѣмъ завѣдомо, очень любила, она дѣлала неприятное лицо, едва здоровалась, уклонялась отъ разговора и всячески старалась отдѣлаться поскорѣе отъ нечаянной и словно противной ей встрѣчи.

Однажды Маша столкнулась съ нею лицомъ къ лицу на Морской. Ольга выходила изъ фруктоваго магазина съ покупками въ рукахъ. Маша обрадовалась. Ольга нахмурилась.

— Ты куда? Домой? — спросила Маша.

— Да, думала уже домой...

— Вотъ и прекрасно, пойдемъ вмѣстѣ...

Ольга слабо покраснѣла, пролепетала что-то невнятное и странно оглянулась по людной улицѣ, кипѣвшей народомъ. Маша подмѣтила этотъ робкій взглядъ и разсердилась.

— Что это, право, Оля, — обиженно сказала она, — мѣшаю я тебѣ, что ли? Право, можно подумать, что ты меня стыдишься...

Ольга Брусакова посмотрѣла ей въ лицо жалкимъ, скрытнымъ взглядомъ.

— Вотъ глупости... — пробормотала она. — Съ чего ты взяла? Пойдемъ, конечно. Очень рада.

— Отчего эта дама такъ пристально смотреть на насъ? —

спросила Маша, когда, обогнувъ уголъ, онѣ приближались къ Полицейскому мосту.

— Какая дама?... Ахъ... Здравствуйте... — растерянно сказала Ольга красивой, нарядной особѣ, которая поровнялась съ ними.

— Здравствуйте... — протяжно сказала та, окинувъ обѣихъ дѣвушекъ любопытнымъ, пронизательнымъ взглядомъ.

Подруги прошли было мимо. Маша съ изумленіемъ видѣла, что Ольга красна и дышетъ тяжело. Чувство оскорбленія снова закралось въ душу Лусевой.

„Какъ она стыдится моего общества передъ своими знакомыми...“ — съ тоскою думала она, уже горько раскаиваясь, что просила Ольгу идти вмѣстѣ, и рѣшая въ умѣ, что сейчасъ же разстанется съ нею подъ какимъ-нибудь предлогомъ, возьметъ извозчика, свернетъ въ переулокъ, лишь бы освободить ее отъ своего непріятнаго присутствія.

— Виновата... Эвелина, мнѣ надо сказать вамъ два слова, — послышался сзади любезный женскій голосъ.

Ольга быстро повернулась: звала красивая встрѣчная дама, — и подошла къ ней.

„Эвелина?!“.

Маша ничего не понимала.

Разговоръ Ольги съ незнакомкою былъ короткій, но пылкій и, замѣтно, очень непріятный. Маша уловила нѣсколько словъ.

— Вы не имѣете права... — нервно говорила Ольга.

Дама спокойно и презрительно улыбалась красивымъ ртомъ и смотрѣла на Ольгу, какъ власть имущая.

— Это ваша подруга? — нарочно повысила голосъ она. — Какая хорошенькая!

Ольга, все болѣе и болѣе разгорячаясь, нагнулась къ ней и зашептала быстро-быстро и какъ бы уже не споря, а просительно.

— Да, да... Я скажу Полинѣ Кондратьевнѣ... — съ такимъ же непріятнымъ спокойствіемъ твердила дама. — А по-друга ваша очень хорошенькая... До свиданья, Эвелина.

Ольгу такъ и передернуло. На ней лица не было, когда она возвратилась къ Машѣ.

— Кто это? — спросила Лусьева, когда онѣ отошли.

Ольга пробормотала:

— А, мерзавка одна... Изъ маменьки крестной прихвостней...

— Ты съ нею въ ссорѣ?

— Какъ ни сойдемся, непременно поругаемся... Гадина!

— Она тебя Эвелиною звала... Какъ странно...

— Ничего нѣтъ страннаго, — быстро отвѣтила Ольга, усиленно глядя себѣ подъ ноги. — Развѣ я тебѣ не говорила? Полина Кондратьевна меня такъ всегда зоветъ... Ну, и всѣ въ домѣ... Она вѣдь чудачиха, у нея каждому человѣку своя кличка... Этой вотъ дряни, что мы встрѣтили, настоящее имя Александра Степановна, а Полина Кондратьевна зоветъ ее Адель... Даже горничную Лушку, и ту перекрестила въ Люцію.*)

— А эта Адель — родственница ей или чужая?

— Чортъ ее знаетъ. Говорить, будто родственница. Просто, любимая приживалка... всѣмъ домомъ управляетъ.

— То-то вы съ нею не въ ладу...

— Да не то чтобы ужъ очень не въ ладу, а... Скверно, что она тебя встрѣтила со мною, — вотъ что... — вдругъ искренно вырвалось у Ольги.

Машу опять кольнуло. Она готова была заплакать.

— Какъ это нехорошо съ твоей стороны, Оля, — горячо

*) О ложныхъ именахъ: *Parent Duchotelet*, 129—135.

сказала она. — Зачѣмъ ты такъ безтактно даешь мнѣ понять, что я тебѣ не пара? Ну, пусть я бѣдная, а твои знакомые — аристократы... Неужели я ужъ такъ тебя срамлю? То ты все шла и оглядывалась по сторонамъ, будто мы что украли, теперь попрекаешь, зачѣмъ насъ встрѣтили вмѣстѣ...

Ольга не отвѣчала, смотрѣла на тротуарныя плиты, и до самого корпуса подруги шли въ глубокомъ молчаніи. Маша чувствовала себя уязвленной до глубины души. Но у своего подѣзда Ольга простилась съ нею тепло и сердечно и крѣпко при этомъ поцѣловала. На глазахъ ея дрожали слезы.

— Все равно, дура, думай обо мнѣ, какъ хочешь... — сказала она трепетнымъ, полнымъ дружбы, голосомъ. — Все равно, ты ничего не понимаешь, и не дай тебѣ Богъ понять...

„Удивительная вещь, — думала потомъ Маша, — отчего она такъ разстроилась? Бѣдная Ольга. Должно быть, у ея благодѣтельница, все-таки, ужасный характеръ. Какъ Оля ея боится“.

IV.

Спустя нѣсколько дней Ольга навѣстила Машу. Видъ у нея былъ совсѣмъ уже другой: холодный, равнодушный.

— Я къ тебѣ сегодня по дѣлу, — сказала она, глядя въ пространство, мимо лица Маши. — Ты, помнишь, говорила, что хотѣла бы познакомиться съ Полиною Кондратьевной? Ну, Аделька эта... помнишь, которую мы встрѣтили на Невскомъ? — наслетничала Полинѣ Кондратьевнѣ три короба, какая ты красавица и симпатичная, и теперь моя старуха совсѣмъ взбѣленилась: вынь ей да подай — привези тебя въ гости... Взяла съ меня слово, что ты у нея непременно будешь... Ужъ поѣдемъ, пожалуйста, а то она меня заѣстъ...

— Отчего же нѣтъ? — отвѣчала Маша. — Я очень рада... Вотъ только ты — какъ?

Ольга пожала плечами.

— А мнѣ-то что? — возразила она съ искусственнымъ равнодушіемъ.

— А помнишь: ты меня предостерегала, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не знакомилась съ твоею крестною?

Дѣвица Брусакова стала густо-малиновою и захохотала дѣланнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты вотъ про что... Тогда? Ну, объ этомъ можешь забыть... Тогда я была сама не въ себѣ... Она мнѣ, за одну штуку, странно обидную сцену сдѣлала.

— Я такъ и поняла, что это было несерьезно, — тоже засмѣялась Маша.

— Ну, конечно, несерьезно... — вяло подтвердила дѣвица Брусакова. — Поѣдемъ.

Маша отправилась къ отцу спросить разрѣшенія на новое знакомство. Родитель, разумѣется, не только позволилъ, но и былъ польщенъ.

Въ богатой квартирѣ Полины Кондратьевны Лусьева была встрѣчена, какъ родная. Красивая Адель была тутъ же.

— Васъ хотѣли отъ насъ спрятать, но это не удалось, — сказала она, шутливо грозя пальцемъ Ольгѣ Брусаковой. Та улыбалась, но очень криво и съ нехорошимъ блѣднымъ лицомъ.

Сама Полина Кондратьевна Рюлина оказалась величавою старухою, лѣтъ уже подъ шестьдесятъ. Она была массивна, какъ башня, одѣвалась молодо, бѣлилась, румянилась и, замѣтно, съ тщательностью старалась сохранить какъ можно долѣе остатки былой красоты и эффектной фигуры. Глаза ея удивляли своимъ выраженіемъ, безпокойнымъ и въ то же время наглымъ, дерзко вызывающимъ.

„Такъ смотрѣла Даша,“ подумала Лусьева.

Даша была горничная, которая, прослуживъ у Лусьевыхъ нѣсколько дней, попала въ воровствѣ, а когда пришла поли-

ція составить протоколъ, то сыщикъ узналъ въ Дашѣ извѣстную профессиональную воровку, обирательницу мелкихъ квартиръ.

Заговорила Полина Кондратьевна съ Машею по-французки и замѣтно осталась довольна. Сама Рюлина странно акцентировала на всѣхъ языкахъ, не исключая русскаго, хотя рекомендовала себя кровною русачкою.

Весь train дома былъ приличенъ до чинности. Маша съ удовольствіемъ чувствовала себя среди „аристократической обстановки“. По приказанію Полины Кондратьевны, Адель показала Марѣ Ивановнѣ всю квартиру — очень большую, старинно и богато отдѣланную, съ множествомъ бронзы, картинъ, objets d'art. Нѣкоторыя картины были затянута зеленымъ сукномъ. Особенно много такихъ было въ роскошной и торжественной спальнѣ хозяйки, сіявшей, кромѣ того, множествомъ зеркалъ: даже уголъ около гигантской двухспальной кровати и квадратъ потолка надъ нею были зеркальные.*) Маша выразила удивленіе. Адель засмѣялась.

— Это вкусъ покойнаго супруга Полины Кондратьевны. Обстановка не мѣнялась послѣ его смерти. Полина Кондратьевна обожаетъ его память, хотя, говоря между нами, онъ былъ большой шалунъ и mauvais sujet... Напримѣръ, хотя бы эти зеркала... Или эти картины... Посмотрите...

Адель отдернула одинъ изъ чехловъ. Марья Ивановна взглянула и потушилась, заливаясь румянцемъ: картина изображала сатира и нимфу поведенія совершенно несомнѣннаго. Адель хохотала.

— Согласитесь, что такую прелесть нельзя держать на виду.

— И всѣ, которыя закрыты, такія? — спросила Маша.

— Всѣ. Это былъ вкусъ покойнаго генерала. Когда-ни-

*) Кузнецовъ, 34. Канкаровичъ, 83.

будь приходите днемъ, — я вамъ покажу... Есть шедевры... Даже Рубенсъ... Только Полинѣ Кондратьевнѣ не говорите: она ненавидитъ, чтобы ихъ открывали, говорить, что мерзость...

— Я бы на ея мѣстѣ просто велѣла вынести ихъ на чердакъ...

— А, милая, говорю же вамъ: она боготворитъ память мужа... Въ квартирѣ — вотъ уже пятнадцать лѣтъ — не тронута съ мѣста ни одна его вещь... Да къ тому же и жалъ: инныя полотна чудно хороши, за нихъ плачены тысячи рублей. Вотъ, напримѣръ...

Адель отдернула другой чехолъ: Леда и лебедь...

— Это изъ мифологіи, знаете, — смѣясь, пояснила она.

Маша знала. Вещь была, дѣйствительно, художественная, чуть ли не майковской кисти. Любопытство преодолѣло стыдъ. Маша посмотрѣла картину, конфузясь, краснѣя, съ угрызеніемъ совѣсти, но и съ любопытствомъ.

— Тутъ Фрина съ невольницей... Тутъ Пазифаэ... — быстро отдергивала и сейчасъ же задерживала полотна Адель, такъ что онѣ едва успѣвали сверкнуть въ глазахъ Маши обиліемъ нагого тѣла и странными позами. — Это рубенсова семья сатировъ... Все очень пикантно... Да вы заходите завтра днемъ... Часа въ два... Полины Кондратьевны не будетъ дома: поѣдетъ съ визитами... Я вамъ все покажу. Только ей — молчокъ, а то мнѣ достанется.

Она призадумалась какъ бы съ нѣкоторой нерѣшительностью и вдругъ хитро подмигнула.

— А, впрочемъ, я и сейчасъ еще покажу вамъ что то интересное. Что же я все забавляю васъ старьемъ? Перейдемъ въ будуаръ, — увидите новую живопись: чудесный Константинъ Маковский... Это уже пріобрѣтеніе... заказъ самой Полины Кондратьевны и, конечно, ничего неприличнаго... такъ, — очень художественное *nudité*...

Картина, дѣйствительно превосходная, изображала нагую женщину, стоящую, во весь ростъ, въ позѣ Венеры Медицейской. Но золотые волосы ея не были убраны *à la grecque*, какъ у безсмертнаго образца, но распущенные по плечамъ и спинѣ, катились волнами именно ужъ „рейнскаго золота“ ниже колѣнъ. Маша Лусьева смыслила кое что въ живописи. Она сразу распознала, что это — портретъ, и ахнула въ изумленномъ восторгѣ:

— Какая красавица! Кто такая?

Адель, съ улыбкой страннаго самодовольства, назвала:

— Евгенія Александровна Мюнхенова. Слыхали?

— Нѣтъ.

Адель высоко подняла черныя брови.

— Не слыхали про Женю Мюнхенову?

— Никогда не слыхала.

— Ну, Мари, вы должно быть, не въ Петербургѣ живете, а въ какой нибудь медвѣжьей берлогѣ... Впрочемъ... вамъ который годъ?

— Съ прошлой недѣли пошелъ девятнадцатый.

— Ага! Значить, когда Женя блистала въ Петербургѣ, вы была еще совсѣмъ маленькая дѣвчурка. Вѣдь это около десяти лѣтъ тому назадъ. Ужъ седьмой годъ, что ея нѣтъ въ Россіи...

— Она... артистка была?

— Н-н-н-ѣ-ѣтъ... — протянула Адель, — не совсѣмъ... Ее, знаете, безумно любилъ великій князь...

Названное имя заставило Машу, вѣрнопопданную обожающую царской фамиліи, округлить глаза новымъ изумленіемъ, почтительнымъ почти до страха.

— Какъ же это, Адель Александровна? — робко возразила она, — вѣдь онъ женатый и у нихъ дѣти взрослые?

Адель разсмѣялась.

— Ахъ вы... наивность! Какъ будто женатые не влюбляются! Что же имъ, подъ вѣнцами, глаза, что ли, выкалываютъ, чтобы не видали больше женской красоты?... Великій князь человекъ съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ... А согласитесь, что между Женей Мюнхеновой и этой жирной нѣмецкой принцессой, его супругой, есть маленькая разниа не въ пользу законной толстухи...

— Еще бы! еще бы! подтвердила Маша, восторженно глядя на красавицу, которая, гордою побѣдительницею, чуть улыбалась ей съ полотна. — Господи, какъ хороша! Просто не вѣроятно, до чего хороша!

— Да, очень хороша. Такъ хороша, что, пожалуй, лучше уже не бываетъ. И смѣю васъ увѣрить: Маковский ей не польстилъ, а, на противъ, на портретъ Жени и въ половину не такъ прекрасна, какъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь она статуйна немножко, — застылыя классическія черты. Константину Егоровичу не удалось схватить жизни ея лица, синяго огня глазъ ея удивительныхъ...

— Богиня! истинно богиня! — повторяла Маша.

Адель бросила на нее лукавый проницательный взглядъ.

— А вѣдь вамъ хочется о чемъ то спросить меня, да не рѣшаетесь? — усмѣхнулась она.

— Я?... что?... Почему вамъ кажется?... Нѣтъ! — удивилась Маша.

Но Адель, безъ вниманія къ ея отрицанію, продолжала:

— Хорошо ужъ, плутовочка вы этакая, я пойду на встрѣчу вашему вопросительному взгляду. Васъ, не правда ли, удивляетъ, почему портретъ Жени Мюнхеновой, да еще въ обнаженномъ видѣ, помѣщается такъ почетно въ будуаръ такой строгой дамы, какъ наша милая Полина Кондратьевна? Очень просто: Женья Полинѣ Кондратьевнѣ немножко сродни... правда, сѣдъ-

мая вода на киселѣ, но все-таки... и почти воспитана ею... Вѣдь и съ великимъ княземъ то она познакомилась здѣсь, у насъ въ домѣ...

— Какъ?! у васъ въ домѣ бываетъ великій князь?! — до мурашекъ по спинѣ ужаснулась Маша.

— Очень часто, — равнодушно подтвердила Адель. — И не онъ одинъ, многіе изъ великихъ князей бываютъ. А этотъ... еще бы ему не навѣщать Полину Кондратьевну, когда покойный генералъ былъ его сослуживецъ и боевой товарищъ? Онъ къ намъ — запросто. Когда нибудь вы съ нимъ у насъ встретитесь.

— Ой, Адель Александровна, что вы! Господи, какъ страшно! Да я, кажется, сквозь землю провалюсь...

— А вотъ я нарочно васъ сведу, чтобы вы не воображали его сверхъестественнымъ существомъ какимъ то... Мужчина, какъ всѣ, и очень простой, любезный, обходительный господинъ... Женя, — кивнула она на портретъ, — была съ нимъ очень счастлива. А онъ съ того времени, какъ она его бросила, не можетъ утѣшаться, все ищетъ замѣны, но... не такъ то легко...

— Я думаю! — согласилась Маша, опять вглядываясь въ портретъ — уже завистливыми, ревнивыми глазами.

Но Адель, съ плутовской улыбкой, — фамиллярнымъ пріятельскимъ жестомъ, — ударила ее по плечу.

— Вотъ, увидить васъ, влюбится и забудетъ Женю...

— Ну ужъ! гдѣ мнѣ! — вздохнула Маша. — Я, послѣ этого портрета, буду стыдиться на себя въ зеркало взглянуть...

— Ужъ будто? — смѣялась Адель. — А вы, хитрая, не напрашивайтесь на комплименты. Униженіе паче гордости. Не повѣрю я, чтобы вы не понимали своей красоты. Вы, душечка, въ своемъ родѣ стоите Жени. У васъ съ нею только разный типъ. Она блондинка, вы темная шатѣнка, — вотъ и вся разница...

VI.

Маша сознавала, что Адель ей безбожно льстить, но слушать было приятно, а къ красавицѣ на полотнѣ въ ея маленькомъ глупенькомъ сердечкѣ зашевелилось не очень то дружеское чувство критическаго соперничества. Захотѣлось искать въ совершенствѣ Жени недостатки, сказать о ней чтонибудь непріятное.

— И, всетаки, — вымолвила Маша не безъ презрительнаго оттѣнка въ голосѣ, — сколько она ни хороша, я не понимаю, какъ же ей не стыдно было такъ позировать?...

— Ну, это то пустяки, — небрежно возразила Адель. — Вы въ Петергофѣ бывали? дворцы осматривали?

— Сколько разъ.

— Значить, должны были видѣть портретъ императрицы Елизаветы, когда она была маленькою великою княжною. Отецъ, Петръ Великій, велѣлъ написать ее тоже совсѣмъ голенькою, чтобы всѣ любовались, до чего она прекрасна...

— Да, но тамъ маленькая дѣвочка... безсознательный ребенокъ...

— А угодно вамъ взрослою, то на Невскомъ, противъ Гостиннаго двора, на лоткѣ у любого формовщика вы найдете гипсовую отдыхающую Венеру Кановы, то есть Полину Боргезе, сестру Наполеона перваго.

— Пусть такъ, но что же изъ того слѣдуетъ? Всетаки, стыдно.

— Слѣдуетъ то, милая, что на настоящихъ высотахъ жизни красота перестаетъ считаться съ мѣщанскими предразсудками и не стыдится себя, а, напротивъ, эстетически гордится своей побѣдительною силой...

— Ахъ, да! Это — какъ въ Греціи... Фрина! — вспомнила Маша изъ запретнаго гимназическаго чтенія страницу,

цѣломудренно зачеркнутую въ учебникѣ исторіи педагогическою цензурою, а потому прочитанную гимназистками съ особенно живымъ интересомъ.

Губы Адели тронула легкая насмѣшливая улыбка, которую она искусно скрыла.

— Вотъ именно, какъ Фрина предъ судьями... А кстати: вамъ не случалось слышать, что въ Петербургѣ есть барышня, нѣкая Юлія Заренко, до того похожая на „Фрину“ Семирадскаго, что такъ и слыветъ въ обществѣ Фриною?

— Неужели настолко хороша?

Адель пожала плечами.

— Камъ вамъ сказать? Конечно, хороша, но, по моему, ужъ слишкомъ захвалена и сама слишкомъ много о себѣ воображаетъ... Я вамъ покажу ее какъ нибудь, она у насъ бываетъ. Вы, на мой взглядъ, гораздо лучше.

— Охъ, вы, кажется, тоже хотите совѣмъ меня захвалить! — смущенно разсмѣялась краснѣющая Маша.

А Адель твердила:

— Я только откровенна, только искренна!... И ненавижу условности... условныя фразы, условныя поступки, условную мораль, отраву всей нашей жизни... Въ особенности, охъ, ужъ эта мнѣ условная мораль петербургскихъ мѣщанъ! За что я больше всего люблю и уважаю мою старуху, это — что въ ней безконечно много истиннаго достоинства и стыда, но ни малѣйшаго страха предъ глупыми условностями, которыми общество само себя сковываетъ, какъ кандалами. Собственной совѣсти бояться — это мы съ нею понимаемъ, но, что люди скажутъ, намъ рѣшительно все равно... Вѣдь вотъ и за Женю эту восхиительную сколько намъ доставалось, когда она жила съ великимъ княземъ, зачѣмъ мы ее принимаемъ у себя, не отвернулись отъ „погибшей женщины“, какъ всякія тамъ злородныя и надутыя мѣщанскія добродѣтели... Изъ которыхъ, однако, каж-

дая, конечно, мечтала втайнѣ: — Ахъ, еслибы мнѣ быть на ея мѣстѣ!... Потому что Женя видѣла у своихъ ногъ всю власть, все богатство, весь блескъ, всѣхъ могущественныхъ и знаменитыхъ людей — да не только Петербурга, а всей Европы... Вотъ вамъ и „погибшая женщина!“...

— Однако, Адель Александровна, — робко протестовала Маша, побуждаемая проснувшимся въ ней недружелюбіемъ къ красавицѣ, — если она пожертвовала своимъ добрымъ именемъ для власти, богатства и блеска, это, согласитесь, дѣйствительно нехорошо... извините, что то даже.. продажное!

— Нѣтъ, это вы извините! — воскликнула Адель, даже съ горячностью. — Ошибаетесь! Женя не продавалась! не способна была! Она сошлась съ великимъ княземъ по глубокой, искренней взаимной любви. А что она такъ рискнула собою, то — что же было дѣлать, если его высочество узналъ Женю слишкомъ поздно, когда былъ давно женатъ? Любовь не разсуждаетъ и не терпитъ, а разводъ на этихъ высотахъ — дѣло недопустимое: династическій скандалъ, нарушеніе политическаго равновѣсія Европы!... А, когда Женя замѣтила, что она ошиблась въ князѣ и разлюбила его, то — какъ благородно и честно поступила! Никакія богатства и почести ее не удержали, не захотѣла кривить душою, — бросила все и ушла...

Маша вынуждена была согласиться:

— Да, если такъ, то, конечно...

Но Адель, все съ тою же пылкостью, напирала:

— Какъ вы думаете: такая *grande dame*, какъ Полина Кондратьевна, женщина стараго институтскаго воспитанія, полная самой взыскательной *pruderie*, стала бы поддерживать дружескія отношенія съ продажной женщиной и вѣшать ея портретъ на стѣну своего будуара?

Столь прямо поставленный вопросъ засталъ Машу врасплохъ. Нѣкоторое сомнѣніе въ великихъ добродѣтеляхъ голы

богини все еще смутно копошилось въ ея мысляхъ. Но Адель и не ждала отвѣта, а съ побѣдоносной наглостью заключила:

— То-то вотъ и есть!... А, милая мѣщаночка, я васъ заставлю перемѣнить мнѣніе, пуританка вы этакая! Я вамъ еще поразкажу о Женѣ... Это не простая женщина, а живая волшебная сказка изъ тысяча одной ночи!... Ну, и вообразите себѣ теперь, что сказка эта, въ угоду мѣщанскимъ предразсудкамъ, вмѣсто своего преступнаго романа съ женатымъ великимъ княземъ, добродѣтельно обвѣнчалась бы съ какимъ нибудь холостымъ или вдовцемъ чинушемъ, столоначальникомъ, начальникомъ отдѣленія или какъ гамъ зовутъ ихъ еще?... Женя Мюнхенова въ средней буржуазной обстановкѣ! Вѣдь это же, просто, противоестественно, дорогая моя!... Женя столоначальница! Женя хозяйка квартиры, гдѣ нибудь въ Рождественскихъ, мать дюжины плаксивныхъ ребятъ! Развѣ не грѣхъ? развѣ не преступленіе?

Случаемъ ли Адель мѣтко попала въ цѣль, Ольга ли Брусакова ее научила, но эти послѣднія слова ея затронули, какъ разъ, самую болѣную струну въ сердечкѣ Маши Лусевой. Въ послѣднее время къ ней упорно свидался столоначальникъ учрежденія, въ которомъ служилъ ея отецъ. Человѣкъ былъ приличный, съ возможностями успѣшной карьеры, на виду у начальства. Словомъ, женихъ — хоть куда. Отецъ Маши очень ему покровительствовалъ и — нудить, не нудилъ, но очень доѣзжалъ дочь безконечными разговорами-нотаціями, что пора ей пристроиться, а лучше случая — и желать нельзя. Но Машѣ женихъ не нравился: казался скучнымъ и пошлымъ, — въ тридцать лѣтъ сухаремъ, а что же дальше будетъ?! Вообще, къ чиновничьему мірку Маша относилась съ недружелюбіемъ и заключиться въ немъ на всю жизнь представлялось ей жребіемъ почти что самоубійственнымъ. Понимая свою красоту, она да-

же къ влюбленнымъ въ нее изъ этого мірка не имѣла вѣры и критиковала ихъ скептически:

— Знаемъ мы, зачѣмъ ему нужна красивая жена. Женится, да и заставитъ себѣ карьеру дѣлать, Предоставитъ комунибудь изъ начальства...

Такъ что сужденіе Адели о бракѣ съ „чинушей“ взволновали Марью Ивановну, какъ эхо ея собственныхъ мыслей, и съ этой минуты злополучный столоначальникъ потерялъ чаемую невѣсту безнадежно навсегда.

VII.

Въ каретѣ, уносившей подругъ къ роднымъ пенатамъ, Маша трещала какъ канарейка: ужъ такъ-то понравилась ей госпожа Рюлина и въ особенности привѣтливая Адель. Ольга угрюмо молчала.

— А картины она тебѣ показывала? — спросила она наконецъ усталымъ, скучнымъ голосомъ.

— Да... Фу, какая гадость!... Не понимаю, какъ ихъ можно держать въ домѣ...

— Правятся инымъ... — съ насмѣшкою протянула Ольга.

— Но, за то, Жени Мюнхеновой портретъ — какая прелесть!

Ольга встрепенулась.

— Какъ? — бросила она порывистый вопросъ, — Адель уже просвѣтила тебя и о Женѣ Мюнхеновой?

— Фу, Ольга! — удивилась Маша, — „просвѣтила!“ какъ ты странно выражаешься!

— Не въ томъ дѣло... Ну, ну! что она тебѣ о Женѣ говорила?

Маша передала. Ольга, хмурая, слушала, покусывая губы. Когда Маша кончила, —

— Ты, всетаки, этого имени дома какъ нибудь не брякни!
— посовѣтовала Ольга, откидываясь въ темную глубь кареты.
— Хотя твой почтенный родитель тоже довольно невинный цыпленокъ для своихъ преклонныхъ лѣтъ, однако можетъ быть какъ нибудь случайно освѣдомленъ... И едва ли ему понравится, это дочка посѣщаетъ домъ, гдѣ на стѣнахъ красуются непристойныя картины, а хозяйки читають дѣвицамъ лекціи о превосходствѣ содержанокъ... хотя бы и великняжескихъ! — надъ порядочными женщинами...

— Да я уже и сама соображаю, что тутъ кое о чемъ лучше будетъ промолчать, — поддакнула Маша съ важностью заговорщицы.

Ольга странно, непріятно разсмѣялась.

— Да, ужъ лучше помолчи!

— Однако, какъ Аделька спѣшить съ тобою... вотъ спѣшить! — вымолвила она послѣ короткой паузы, какъ бы размышляя вслухъ. — Я не запомню, чтобы она съ кѣмъ либо еще такъ спѣшила...

— То есть... какъ это? въ чемъ? Я не понимаю?

— Дружить съ тобой ужъ что то слишкомъ пылко устремилась... Ты, Маша, какъ хочешь, твое дѣло, но, всетаки, мой тебѣ бодрый совѣтъ: не бери очень въ серьезъ, что она тебѣ толкуетъ... Она, вѣдь, у насъ соловей, запоетъ, кого захочетъ...

— Развѣ она мнѣ все неправду говорила? — недовѣрчиво озадачилась Маша.

— М-м-мъ... н-н-нѣтъ... правду то правду, пожалуй, н-но...

— Что же?

— Да талантъ у нея — такъ повернуть и расписать правду, что ужъ лучше бы лгала...

— Однако, Оля, вотъ это, что она хвалилась, будто у нихъ бывають великіе князья, — это то вѣрно?

Ольга опять вся нырнула въ мракъ.

— Всякіе у нихъ бываютъ, — слышался сухой отвѣтъ.

— И великіе князья? — настаивала Маша.

— Ну... иногда и великіе князья... вотъ пристала!

— Такъ таки вотъ — точно мы, въ своей средѣ, другъ къ другу въ гости ходимъ? совсѣмъ запросто?

— О, слишкомъ запросто! — быстрою злою насмѣшкою откликнулась Ольга.

— И ты встрѣчалась съ ними?

— Имѣла это... удовольствіе.

— Господи, какая счастливица! Но какъ же ты мнѣ никогда ничего о томъ не говорила?

— Должно быть, къ случаю не пришлось. Да и Полина Кондратьевна — замѣть кстати и для себя — вообще не любить, чтобы на сторонѣ болтали о томъ, что дѣлается у нея въ домѣ... Знаешь, пословица совѣтуетъ сора изъ избы не выносить...

— Помилуй, Оля, какой же этотъ соръ — визитъ великаго князя? Ты просто деревяшка, ледышка какая то, если можешь равнодушно говорить о подобной чести... Я прыгала бы отъ радости!

— Прыгай, пожалуй, если ужъ ты такая... вѣрноподданная, — съ особенной, до грусти, серьезностью отозвалась Ольга, — но, Машенька, еще и еще повторяю: когда Аделька опять будетъ набивать тебѣ голову эпопеями о великихъ князьяхъ и разныхъ тамъ Женьяхъ Мюнхеновыхъ да Фринахъ, дѣли все, что слышишь, на десять, — девять выкинь, одно оставь... да и то еще обочтешься!

Дѣвушки умолкли — каждая въ своихъ мысляхъ. Карета вкатила ихъ въ родной казенный дворъ.

— Да, — внезапно сказала Ольга, прощаясь съ Машею, — скверныя картины... Ненавижу ихъ... Не увлекайся, не соблазняйся ими, Машенька...

— Ольга, — ты съ ума сошла!... — воскликнула изумленная Лусьева. — Неужели ты думаешь, что онѣ могутъ мнѣ нравиться?

Ольга горячо жала ей руку и говорила:

— Я, когда ихъ вижу, всегда объ одномъ думаю. Хорошо, что всѣ эти госпожи рисованныя — мертвыя, фантазія одна... А если бы живыя?... Ты вообрази только, поставь себѣ на мѣсто женщины, которая была бы такъ... и всѣ бы на нее смотрѣли... разбирали вслухъ ея красоту, ея сложеніе... Каково бы ей было? а?

— Что ты! развѣ это возможно? озадазилась Маша.

— Да вѣдь писано же съ кого-нибудь...

— Ну, ужъ, должно быть, съ какихъ-нибудь совсѣмъ безстыдныхъ... — горячо воскликнула Маша.

— Прощай, — сухо сказала Ольга и скрылась за дверью.

Машѣ спалось отлично, ей видѣлись очень веселые сны въ эту ночь.

VIII

Въ скоромъ времени Марья Ивановна стала въ домѣ Рюлиной своимъ человѣкомъ и, вопреки предостереженіемъ Ольги Брусаковой, особенно дружески сошлась съ красивою, умною Аделью. Лусьева еще не совсѣмъ вышла изъ того возраста, когда „обожаютъ“ интересныхъ старшихъ дѣвицъ и дамъ. Кромѣ Адели, у Маши появилась новая пріятельница, нѣкая Анна Казиміровна Катупкина, по кличкѣ рюлинскаго дома — Жозя, молодая разводка полупольской крови, очень красивая и веселая блондинка съ заманчиво туманными глазами, крупная, породистая, съ языкомъ циническимъ, но острымъ, — неистощимый источникъ каламбуровъ, анакдотовъ и афоризмовъ самой

безпечальной философіи*). Машѣ — впрочемъ, Рюлина успѣла уже и Лусьеву передѣлать въ Люлю, по первому слогу ея фамиліи — Жозя казалась очень мілою, доброю, немножко жалкою, а что — шальная, то съ нея и взыскивать нельзя: жизнь несчастная.

— Влюбчива я, душки! — ахала про себя сама Жозя. — Ахъ, если бы не моя проклятая влюбчивость! Ахъ!... Ко мнѣ князь Свиноплясовъ, за красоту мою, безъ приданого сватался, — десять миллионовъ, душки! — а меня чортъ дернулъ въ Катушкина врѣзаться: онъ у татка въ конторѣ за бухгалтера служилъ... глаза пронзительные, маслинами... ну, и кувыркомъ! и тайный плодъ любви несчастной!... вотъ тебѣ, здравствуй, и княгиня!... Спасибо еще, что хоть самъ-то Катушкинъ не спятился, соблаговолилъ жениться... Но и дулъ же онъ зато потомъ меня, душки, — вотъ дулъ!... Съ Катушкинымъ Богъ развязалъ — банкиръ Балановичъ, — знаете, на Невскомъ? У-у-у! его всѣ боятся, всѣхъ въ лапѣ держать, паучище, — бѣда! — звалъ меня жить за хозяйку... Собою еще молодецъ, усы, духи самые джентльменскіе, квартира, лошади, полторы тысячи въ мѣсяцъ на булавки... Я было и съ лапочками, но тутъ подвернулся юнкеръ Шмидтъ. Выжимаетъ шестьдесятъ килограммовъ, въ рейтузахъ... Говорить: съ милымъ рай и въ шалашѣ, а то застрѣлюсь... Два мѣсяца голодала съ нимъ, какъ собака, да еще — отчаянный: полтора раза стрѣлялъ въ меня изъ револьвера, потому что имѣлъ товарища Шульца... вотъ зубы, душки! ахъ, милые, шульцовскихъ зубовъ нельзя видѣть безъ восхищенія! Жемчугъ! У дантистовъ въ витринахъ не видала подобныхъ!

— Погоди, Жозя, — издѣвалась Адель, — какъ же это Шмидтъ стрѣлялъ въ тебя полтора раза,

*) Ломброзо, 448.

— А во второй разъ осычка вышла. Впрочемъ, это ужъ не изъ-за Шульца. Къ Тартакову приревноваль. Я портретъ Тартакова купила за гривенникъ и спрятала подъ подушку. А Шмидтъ мой, длинноносый, нашель и сейчасъ же — за револьверъ. Это у него ужасно какъ скоро всегда начиналось. Потому что онъ, душки, такъ себя понималь, что папаша у него пьяница, мамаша въ сумасшедшемъ домѣ сидить, а я, говорить наслѣдственный декадентъ и психопать, и никакого суда на свѣтѣ не боюсь, потому что, какого лихого прокурора на меня ни спусти, съ меня взятки гладки... Чуть поругаемся, глядь, револьверъ уже въ рукахъ... И тебя, — говорить! И себя, — говорить! И его, — говорить! И всѣхъ, — говорить! А я съ Тартаковымъ и по это время не знакома... ей-Богу!

— А зачѣмъ покупала портретъ?

— Тутъ, въ аптекѣ сосѣдней, провизоръ былъ, очень похожъ: славный такой еврей, молоденькій, круглолицый, кудрявый... ужасно какъ мнѣ нравился.

— И съ провизоромъ былъ романъ?

— Что! Не стоитъ вниманія: всего два рандеву, а послѣ его мамаша съ папашею въ Вильну выписали и женили на бакалейной вдовѣ... Да! Влюбчива, дѣти мои! Что дѣлать? Судьба. Потгибаю отъ влюбчивости. Весь мой глупый характеръ: не могу. У кого голова кудрявая, — не могу. Сколько я отъ одного подлаго актерья горя претерпѣла, потому что, если мужчина среднихъ лѣтъ очень аккуратно выбрить, противъ этого я ужъ никакъ не могу устоять. Въ одного влюбилась за то, что пиджакъ синій носилъ, очень хорошо сидѣлъ на немъ... А онъ, дуракъ, возьми да явись, на свиданіе въ коричневомъ рединготѣ... ну, и никакой иллюзіи... потеряла настроеніе, прогнала.

— А теперь кто у тебя, Жозя?

— Инженеръ... преогромнѣйшій, душки, мужчина... и все шампанское хлещеть...

И Жозя, захлебываясь, повѣствовала, какъ и гдѣ она познакомилась съ инженеромъ, и какія приключенія у нихъ затѣмъ вышли.

— Стой, Жозька, перестань, — хохоча, обрывала ее Адель. — Съ тобою договоришься. Въ головѣ у тебя дырки, вѣтеръ продуваетъ, языкъ безъ костей... Развѣ можно входить въ такія подробности? У, безстыдница! Тутъ барышня сидитъ, слушаетъ, ей этого нельзя...

— Ну-у-у-у? — отчаявалась Жозя. — Ахъ, я окаянная! Всегда увлекусь, забудусь... Вы, Люлюшечка, простите, не обижайтесь на меня, грѣшницу. Я вѣдь проста.

— Ну, что вы, Жозя? Что это, право, какая вы, Адель? — обижалась Маша. — Развѣ я маленькая? Смѣшно не понимать.

Адель строила строгое лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ... Полина Кондратьева услышитъ, будетъ сердиться. Скажетъ, что мы васъ развращаемъ... Она на этотъ счетъ такая prude... Женщина стараго воспитанія... Ей и генераль покойный анекдотами подобными надоесть...

— Ихъ дома нѣтъ, — спѣшитъ вмѣшаться любимая камеристка Рюлиной, русская красавица Люція, по паспорту ярославская крестьянка Лукерья Куцулупова, всегда фамиллярно вертѣвшаяся въ комнатахъ при барышняхъ, — по фавору у хозяйки дома почти что въ ровняхъ съ Аделью. — Ихъ дома нѣтъ, уѣхали съ визитами...

— Ну, развѣ что дома нѣтъ.

Ольга Брусакова и этой Машиной дружбы не одобряла. О Жозѣ она выразилась кратко, но сильно:

— Хуже Адельки. Мерзавка и предательница.

Это было до того не похоже на правду, что Маша возмутилась.

— Господи! Что съ тобою дѣлается, Ольга? Ты мизан-

тропкою становишься. Откуда это у тебя? Всѣхъ бранишь, ко всѣмъ дурныя подозрѣнія, злость, ненависть какая-то...

— Какъ знаешь. Твоя знакомая, твое дѣло.

— Ты съ нею сама другъ, даже на „ты“.

— Я! Мало ли что я... Если Полина Кондратьевна мнѣ прикажетъ, я и съ Люською буду на ты... А ты человѣкъ свободный, у тебя должна быть своя воля, ты можешь выбирать себѣ подругъ...

— Что ты имѣешь противъ Жози?

— Она поганая.

— Что въ разводѣ съ мужемъ, такъ ужъ и поганая? Это, Ольга, надо знать, отчего.

— Дѣло не въ разводѣ, а... Ну, да поживешь, — сама оцѣнишь эту цацу. Что она, небось, все пакости свои тебѣ вретъ? И книжонки скверныя навязываетъ? Вѣдь она безъ того жить не можетъ. Дрянъ, вся дрянъ. И тѣломъ, и душою. Да и ты, Маша, хороша, нечего сказать: какъ уши не вянутъ слушать?

Маша обидѣлась.

— Скажите, сколько нравственности! Ахъ!... Угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ!...

— Вотъ и это, про поросенка, ты уже отъ нея, отъ Жозьки... Можно поздравить съ успѣхами... Способная ученица!...

— Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ не чувствуемъ бревна. А у самой — „Афродита“ подъ подушкою.

— Я — что? — стихла сконфуженная Ольга. — Ты себя со мною, говорю тебѣ, не равняй. Я уже въ старыя дѣвы гляжу... И сложилось у меня все такъ... особенно... ты не знаешь... Я отравленная, человѣкъ пропащій. А ты дѣвочка свѣжая, молодая... Тебѣ жить да жить...

— И поживемъ, — хохотала Маша. — Еще какъ пожи-

вемъ-то. Что ты, право? Намъ съ тобою только время о женихахъ думать, а ты панихиды поешь. Поживемъ.

— Ну, давай Богъ, живи.

IX

За мѣсяцъ, что Маша, какъ говорится, и легла, и встала у Полины Кондратьевны, она изрядно втянулась въ долги. Адель, Жозя, Ольга одѣвались шикарно. Лусьевой было стыдно оставаться рядомъ съ ними „чумичкою, хуже горничной“, тѣмъ болѣе, что, въ данномъ случаѣ, эта фраза, столь обычная въ устахъ всѣхъ тоскующихъ отъ безденежья модницъ, звучала совершенною правдою: прислуга въ домѣ Рюлиной была одѣта очень хорошо, а Люція франтила, совсѣмъ какъ барышня, по послѣдней модѣ. На одно хорошее платье Маша выпросила денегъ у отца, — онъ далъ съ удовольствіемъ, потому что желалъ, чтобы дочь бывала часто у Рюлиной, воображая, что знакомство принесетъ ей покровительство и пользу. Но въ то же время предупредилъ:

— Больше не проси, — радъ бы, да не осилю.

Поэтому другое платье Маша, скрѣпя сердце, заказала знакомой портнихѣ въ кредитъ, съ ея матеріей, принявъ обязательно уплатить черезъ мѣсяцъ, но сама не зная, на что рассчитываетъ, когда обязательство принимала. Срокъ приближался къ концу. Денегъ, конечно, не было. Маша съ трепетомъ ждала, что вотъ-вотъ портниха предъявитъ ей счетъ... надо либо виниться передъ отцомъ и выдержать жестокую сцену, либо извернуться, перехватить деньжонокъ... Спросила у Ольги: нѣтъ, сама на мели... и не въ ладахъ съ Полиною Кондратьевною, не смѣетъ просить. Маша совсѣмъ загрустила.

Тоску ея замѣтили у Рюлиной, и Адель, оставшись наединѣ

съ дѣвушкою, легко выпытала, въ чемъ заключается ея печальная тайна.

— Вотъ пустяки, — воскликнула она. — Стоить горевать. А мы на что? Сколько вамъ?

— Тридцать два рубля, — съ ужасомъ призналась Маша.

— Ахъ, какъ страшно! — подумаетъ, миллионы... О такой мелочи и Полинѣ Кондратьевнѣ не стоить говорить, я ссужу васъ изъ своихъ. Я ждала все-таки палочку съ двумя нулями...

— Что вы, что вы, Адель, какъ можно! Я ста рублей и въ рукахъ никогда не держала.

— Вотъ, возьмите, Люлю... укротите вашу свирѣпую кредиторшу... Какъ не стыдно было давно не сказать?... Скрытная!... А заказовъ ей впередъ не давайте. Между нами говоря, она шьетъ на васъ отвратительно. Прачкамъ такъ одѣваться прилично, но хорошенькой изящной барышнѣ непозволительно. Развѣ это туалетъ — на тридцать два рубля?

— У меня нѣтъ средствъ одѣваться дороже.

Адель ласково обняла Лусьеву.

— Зато у васъ есть друзья, которые заботятся о вашей красотѣ больше, чѣмъ вы сами. Полина Кондратьевна давно уже просила меня предложить вамъ ея кредитъ у *madame Judith*, но я все забывала... Ну, а теперь, разъ къ слову пришлось, — хотите?

— Въ долгъ? Нѣтъ, Адель, я не могу должать.

— Вотъ?! Почему?

— Долгъ платежомъ красенъ. Я бѣдная. Откуда возьму денегъ расплатиться?

— Съ кѣмъ? Съ *madame Judith*? Полина Кондратьевна платитъ ей два раза въ годъ.

— Нѣтъ, съ Полиною Кондратьевною.

Адель опять ударилась смѣяться и трепать Машу по плечу.

— Съ Полиною Кондратьевною? Полно, не смѣшите, Лю-

лю, когда она требует долги? Съ кого? Это у нея страсть — баловать насъ, молодежь. Я, Жозя, Ольга — всѣ у нея по уши въ долгу, безъ отдачи. Развѣ мы, бѣдныя церковныя крысы, въ состояніи такъ франтить, если бы не она? Всѣ живемъ ея кредитомъ, и никогда ни у кого никакихъ непріятностей. А вы сейчасъ у нея въ особенной милости, фаворитка. Она ради будетъ, вы ее обяжете. Вѣдь ангелъ же, воплощенная доброта. Рада все отдать, если кого полюбить. Хорошо, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ. А то ее давно въ опеку взяли бы, — честное слово.

И, вскорѣ послѣ этого разговора, податливая Маша-Люлю была одѣта, какъ парижская картинка, одною изъ самыхъ дорогихъ модистокъ Петербурга. Поданный счетъ Адель все-таки попросила Машу подписать*).

— Знаете, деликатнѣе... Старуха не любитъ, чтобы ее благодарили, — вообще, чтобы подарокъ имѣлъ видъ подарка... Подарки безъ оплаты, по ея взглядамъ, немножко оскорбляютъ тѣхъ, кто принимаетъ; изъ-за подарковъ всегда потомъ начинаются непріятности, разладъ... Предразсудокъ, конечно... А, впрочемъ, можетъ быть, она и права... Во всякомъ случаѣ, декорацию эту, будто вы должны, красивѣе сохранить... вѣдь и для васъ удобнѣе... Мы всѣ такъ дѣлаемъ, и она очень довольна.

Маша подписала счетъ, при чемъ цифру долга Адель прикрыла рукою.

— Не покажу. Вы еще въ обморокъ упадете.

— Ну, что вы, право... Покажите, Адель... Сколько?

Адель съ обычнымъ своимъ хохотомъ воскликнула:

— Тридцать два рубля!

— Ахъ, Адель, какая вы шалунья!

*) *Корничъ, 29. Cutrera, 37—39.*

— А вы, милочка, красавица! Для васъ — все на свѣтѣ.

Подарки — вообще сила развращающая, но подарки кредитомъ опаснѣе другихъ, потому что при нихъ не такъ осязательно чувствуется благодарность къ дарителю, менѣе смущается совѣсть даропринимателя. Что же, молъ? Вѣдь не свое даетъ, ручается за меня только; я не подведу, ручательство оправдаю, расплачусь... Мало-по-малу, день за день, Маша Лусьева получила кредитъ въ нѣсколькихъ магазинахъ Гостиного двора, у парфюмера на Морской, у фруктовщика въ Милютиныхъ рядахъ, у очень солиднаго, хотя и русскаго, ювелира на Невскомъ.

— Ахъ, — сама на себя ужасалась она, — какая я негодница!... Должаю, должаю и удержаться не могу... Вотъ — какъ Жозя влюбляется, такъ я должаю... Словно демонъ меня обуюлъ!... Какъ буду отдавать?

— Отдадите, милая, — утѣшала Адель. — Вотъ, дастъ Богъ, выйдете замужъ за богача, — тогда мы съ васъ все и потребуемъ.

— Такъ и возьметъ меня богатый.

— Такую-то красотку? Да васъ у насъ съ руками оторвутъ. За милліонера отдамъ. Меньше — не согласна.

— Скромничаешь, невинность! — трунила и Жозя. — А на кого Ремешко смотреть каждый вечеръ, какъ котъ на сало?

Ремешко — молодой и довольно представительный, всегда безукоризненно одѣтый господинъ, съ драгоцѣннѣйшимъ солитеромъ въ булавкѣ галстука — бывалъ у Полины Кондратьевны довольно часто. Какъ-то разъ Маша упомянула его фамилію у себя дома. Отецъ ея оживился:

— Ремешко? Изъ какихъ Ремешковъ?

— Не знаю. Адель говорить, что съ юга откуда-то, овцеводство тамъ у него какое-то особенное... Очень богатый человекъ.

Старикъ такъ весь и встрепенулся.

— Какое-то? О-го-го! Дурочка! Если этотъ Ремешко тотъ самый, то — передъ нимъ всѣ шалки долой: архимилліонеръ. Понимаешь? О немъ вотъ что рассказываютъ. Встрѣчается онъ гдѣ-то, въ клубѣ, что ли, тоже овцевода одного, хвастуна великаго. А въ лицо его, Ремешко, хвастунъ не знаетъ, да и фамилію не разслышалъ, мимо ушей пустилъ. „Вы, — спрашиваетъ, — чѣмъ занимаетесь?“ — „Я, — скромно отвѣчаетъ Ремешко, — чимѣю свое хозяйство, овцою пробавляюсь...“ Хвастунъ давай ему въ перебой расписывать про свое хозяйство, како оно превосходное... Надоѣлъ. Ремешко спрашиваетъ: „И много у васъ овецъ?...“ Хвастунъ говоритъ: „Двадцать тысячъ. А у васъ?...“. Ремешко отвѣчаетъ: „Овецъ не считалъ, но собакъ при овцахъ у меня вдвое больше...“ Вотъ онъ каковъ, этотъ господинъ Ремешко!

Тотъ ли, не тотъ ли, но Ремешко, дѣйствительно, ухаживалъ за Машею очень скромно, почтительно, какъ человѣкъ хорошаго воспитанія и честныхъ правилъ. Хотя онъ Машѣ не нравился, однако послѣ родительскаго анекдота объ овцахъ и собакахъ Лусьева стала поглядывать на архимилліонера съ большимъ, чѣмъ прежде, интересомъ. Тѣмъ болѣе, что архимилліонеръ не разъ проговаривался многозначительными фразами, что жениться богатому на богатой безъ любви — преступленіе. „Я женюсь только по сильной старости; мой идеалъ — дѣвушка, выросшая въ небогатой, честной семьѣ, не избалованная, со скромными вкусами и привычками“... Адель, при подобныхъ заявленіяхъ, толкала Машу подъ столомъ ногою, и Маша мало-по-малу выучилась въ отвѣтъ на нихъ краснѣть, словно бы они именно къ ней относились...

— Вотъ, будетъ у тебя сорокъ тысячъ собакъ, — ты намъ все собаками заплатишь, — острила Адель.

Острила Адель, острила Жозя, острила Полина Кондрать-

евна, острила сама Маша, — всё острили и смѣялись. Ужасно много было въ этомъ домѣ остротъ и смѣха, а подѣ смѣхъ и остроты Маша все забиралась да забиралась въ кредитъ*).

Ольга Брусакова вѣшалась было:

— Не зарывайся, Марья! Серьезно тебѣ говорю: это скверно кончится. Ты Полины Кондратьевны не знаешь... Она съ большими капризами...

— Да вѣдь не у тебя беру, — выучилась уже отгрызаться Маша. — Жаль тебѣ чужого? Что взяла, то и отдамъ...

— Когда? Чѣмъ?

— Ждутъ, не требуютъ, — чего же мнѣ заботиться? Я все помню, сколько куда, кому, на что... Отдамъ.

— То-то, надо помнить. Отдать, Машенька, придется. Будь ты Люлюша-Разлюлюша, а придется, — въ этомъ я тебя завѣряю. И заставятъ тебѣ заплатить гораздо скорѣе, чѣмъ ты надѣешься. Ты Аделькѣ не вѣрь, у нея свой расчетъ въ головѣ.

Маша призадумалась было, посдержала себя, стала экономѣе. Отъ Адели не укрылась ея новая осторожность, она узнала причину и пришла въ страшное негодованіе.

— Охъ, ужъ эта мнѣ Ольга-Эвелина! — съ досадою кричала она. — Вѣчно суетъ свой носъ, куда не спрашиваютъ. Ревнива, какъ бѣсъ, жадная, злая... Ужъ, кажется, ей-то пора бы быть сытою и совѣсть знать: задарена выше головы, избалована, какъ принцесса... Нѣтъ, всего мало, все недовольна: за чѣмъ хоть что-нибудь достается не ей, а другимъ!.. Глаза завидущіе!.. А главное, что за низость? Какое право имѣетъ она возстановлять васъ противъ Полины Кондратьевны? Ну, противъ меня, — я понимаю: меня она всегда ненавидѣла, потому что я ее вижу насквозь и не разъ выводила на свѣжую во-

*) Корнищъ, 29. Cutrera, 37—39.

ду разныя ея подлыя штуčky, — но противъ Полины Кондратьевны? Это гадко, это черная неблагодарность... это — предательство!

Слушая эти патетическія причитанія, произносимыя самымъ благороднымъ и горькимъ тономъ (Адель, дѣйствительно, разсвирѣпѣла на Ольгу очень искренно), — Маша тоже вознегодовала. Отношенія между двумя подругами были, такимъ образомъ, что называется, подсалены. Когда въ тотъ же вечеръ пріѣхала къ Рюлиной Ольга, Полина Кондратьевна пригласила ее къ себѣ въ спальню для объясненій. Разговоръ былъ очень недолгій, но, должно быть, слишкомъ выразительный. Ольга вышла отъ крестной съ глазами, распухшими отъ слезъ, а щеки ее горѣли румянцемъ, какъ огонь.

Домой Ольга и Маша, по обыкновенію, ѣхали вмѣстѣ. Маша дулась на коварную подругу и молчала всю дорогу. А Ольга обмолвилась только одною фразою:

— Ты, Марья, такая дура, что больше я ничего тебѣ совѣтовать не стану. Ботъ съ тобой. Изъ-за тебя сама въ бѣду попадешь.

— И очень рада, — сухо отрѣзала Маша. — Никогда въ твоихъ совѣтахъ не нуждалась.

Х.

Машу часто оставляли ночевать у Полины Кондратьевны, и она любила оставаться. Бывало очень весело. Обыкновенно почевала за компанію и Жозя. Адель укладывала подругъ въ своей комнатѣ, приходила вальяжная и фамиллярная Люція, и молодое общество трещало, какъ пѣвчая стая, до бѣлаго свѣта, при чемъ Жозя, по обыкновенію, сыпала анекдотами, стихами, амурными воспоминаніями; Адель ее подстрекала и ей подпѣвала, и такъ — покуда всѣхъ не сморить сномъ...

Поутру — ванна. Молодой визгъ, рѣзвые шутки, хохоть, шалости... Ванна у Полины Кондратьевны была устроена надиво, послѣднее слово гигиены, даже съ приспособленіями въ комнатѣ для домашней гимнастики.

— Mesdames, — предлагаетъ Жозя. — Давайте представлять статуи...

— Живыя картины!

— Нѣтъ, — хохочетъ Адель. — Лучше, какъ въ циркѣ, составимъ пирамиду. Люлю, Жозя, становитесь, а Люська — къ вамъ на плечи...

Шалили опять-таки потихонку: Боже сохрани, чтобы не услышала Полина Кондратьевна!.. А Адель, бывало, смотритъ-смотритъ на разыгравшихся подрутъ...

— Фу, — скажетъ, — какія вы, негодныя, всѣ красивыя!.. Заглядѣнье!.. Подождите... Стойте такъ, останьтесь: я васъ сниму... ужъ очень хорошо!..

Она усердно занималась фотографіей и имѣла превосходный аппаратъ, съ цейссовымъ объективомъ. Чуть не по цѣлымъ днямъ щелкала машинкою. Съ Машки, какъ новенькой въ домѣ, нащелкала особенно много негативовъ, — въ томъ числѣ не малое количество „живыхъ картинъ“ въ ванной комнатѣ.

Однажды съ Машею приключилось у Рюлиной довольно странное происшествіе. Сѣла она въ ванну, и вдругъ закружилась у нея голова, и она сразу потеряла сознание. Слышала, какъ сквозь сонъ, что ее какъ будто куда-то несутъ. Очнулась — въ ванной же, на диванчикѣ. Жозя, Адель, Люція хочучуть около, даютъ ей нюхать спиртъ.

— Она, какъ ты насъ напугала! Мы думали, ты умерла...

— Долго я была безъ чувствъ?

— Съ четверть часа.

— А зачѣмъ вы меня куда-то носили?

— Что вы бредите, Люлю! — удивилась Адель, — только и было, что перенесли васъ изъ ванны на диванъ...

— Никуда васъ не носили, барышня, — подтверждаетъ и Люція. — Это вамъ показалось въ обморокъ...

Но глаза у всѣхъ трехъ были живые... Посмотрѣла Маша на часы: половина двѣнадцатаго. А она хорошо помнила, что сѣла въ ванну въ пять минутъ одиннадцатаго. Стало быть, обморокъ ея продолжался не четверть часа, а часъ слишкомъ.

— Зачѣмъ вы меня обманываете? — разсердилась Маша. Жозя покраснѣла и говорить:

— Мы боялись, чтобы ты не испугалась, что у тебя былъ такой долгій обморокъ.

— Знаете, Люлю, — поддакиваетъ Адель, — это не хорошо, вы обратите вниманіе, вамъ лѣчиться надо...

Тѣмъ дѣло и кончилось. У Маши поболѣла дня два голова, и затѣмъ все прошло и забылось.

Когда Лусьева рассказала про свой обморокъ Ольгѣ Брусакowej, та ужасно взволновалась.

— Обморокъ въ ваннѣ? Отчего?

— Сама не знаю, раньше никогда не бывало.

— Ты передъ тѣмъ ѣла что-нибудь? пила?

— Чай съ вареньемъ пила, въ постели...

— Ага! — съ какимъ-то злораднымъ отчаяніемъ промычала Ольга. И принялась уговаривать Машу:

— Слушай, Марья Ивановна, такими внезапными обмороками не шутятъ. Такъ начинается острое малокровіе, это опасно... Я по себѣ знаю. Я, въ твои же годы, отъ обмороковъ этихъ чуть на тотъ свѣтъ не отправилась. Искренній мой тебѣ совѣтъ: посоветуйся съ женщиною-врачемъ...

Маша была жизнелюбива, за здоровье боялась, — струсила.

— Да я съ радостью бы, но у меня нѣтъ знакомой.

— Я тебя отвезу, у меня есть... Анна Евграфовна, старая пріятельница...

— Отлично, поѣдемъ.

Женищина-врачъ, послѣ долгой и внимательной консультаціи, признала Машу совершенно здоровою и въ порядкѣ. Ольга, послѣ пріема, переговорила съ нею еще разъ наединѣ. Та повторила свой прежній діагнозъ. Ольга осталась въ большомъ удивленіи:

„Странно... — размышляла она, трясаясь рядомъ съ Машею на плохомъ извозчикѣ. — Зачѣмъ же онѣ въ такомъ случаѣ опоиы ея?*) Какую подлость еще мастерять? Очень странно...“.

XI.

Быстро легло время. Маша все глубже и глубже входила въ рюлинскій домъ и его бытъ. Рюлинскіе нравы все крѣпче и крѣпче впивались въ Машу, все острѣе и острѣе ее заражали. Перерожденіе дѣвушки изъ скромной, мелко-буржуазной куколки въ бойкую и вертлявую бабочку, — она думала, что большого свѣта, въ дѣйствительности — демимонда, совершалось послѣдовательно и неуклонно. Почти каждое гостеванье у Полины Кондратьевны приносило Машѣ новыя знакомства — все больше мужскія и съ такими громкими именами, что старикъ Лусьевъ, слыша ихъ отъ дочери, ужъ и не зналъ, восторгаться ему или трепетать: привелъ же Богъ Машѣ вращаться въ такомъ избранномъ кругу! И благословлялъ благодѣтельницу Полину Кондратьевну, которой онъ, конечно, былъ представленъ и очень ею обласканъ, но ограничился единственнымъ къ ней визитомъ: куда моль мнѣ, маленькому челоуѣку,

*) *Генне-Амъ-Ринъ*, 117.

садиться въ такія большія сани — съ посконнымъ рыломъ да въ суконный рядъ! Препирательства съ дочерью о женихъ-столоначальникѣ прекратились: у старика теперь тоже нетъ мечты зашумѣли въ головѣ. Въ обществѣ генеральши Рюлиной — чѣмъ чортъ не шутить? Полина Кондратьевна въ Машу — ну, просто, влюблена! Захочетъ ея превосходительство сдѣлать счастье дѣвушки, — то и высватаетъ ее за какогонибудь этакаго съ золотымъ эксельбантомъ... Вонъ вѣдь тамъ князья да графы, какъ шмели, толкутся... Маша говоритъ: даже великіе князья биваютъ... шутка ли! воликіе князья!...

Упованіями своими старый Лусьевъ усердно дѣлился, по близкому сосѣдству, съ матерью Ольги Брусаковой, дамою молчаливою и слушательницею охотною, но нѣсколько странною. Внимая старику, она ни разу вѣряла его въ надеждахъ, ни поощряла ихъ, а только, въ концѣ, непременно совѣтовала — не распространяться много о Машиномъ фаворѣ у Рюлиной при постороннихъ, особенно при сослуживцахъ. А то, молъ, по зависти, подстроить какуюнибудь пакость, такъ что всѣ ваши планы-прожекты разлетятся прахомъ... Пессимистическія предостереженія эти старикъ находилъ разумными и принималъ ихъ къ свѣдѣнію и исполненію, — молчалъ.

Великихъ князей Маша видѣла, покуда, только въ посулахъ Адели, но раза два или три Полина Кондратьевна допустила Машу на свои интимные вечерки для друзей, на которыхъ бывали только мужчины, — всегда понемногу, трое, четверо, все старички, при томъ истые тузы. Вечерки эти проходили опять-таки очень благопристойно, только тонъ старческой французской *causerie* держался невозможно скабресный. Къ удивленію Маши, Полина Кондратьевна, вопреки своему обычному показному пуризму, выслушивала сквернословіе дряхлыхъ гаменовъ съ весьма благосклонною готовностью и зачастую даже сама давала имъ толчекъ къ „милымъ мерзо-

стытъ“, какъ выражался одинъ изъ ея именитыхъ гостей, крупный биржевикъ и предприниматель на всѣ руки, Илья Николаевичъ Сморчевскій. Еще казалось Манѣ страннымъ, что въ свои вечерки Рюлина ни за что не позволяла ей заночевывать и довольно рано отправляла ее домой, словно скрывая отъ нея какія-то домашнія тайнства, которыя должны начаться послѣ ея ухода. Маша спросила Ольгу Брусакову.

— Очень натурально, — возразила та, безглаголиво пожимая плечами. — Конечно, мы, молодая, не къ мѣсту и только мѣшаемъ старичью. Вѣдь у нихъ тамъ чуть не восемнадцатый вѣкъ *ancien régime*. Отставные Ловеласы въ подагрѣ и среди нихъ крестная въ роли сѣдой Клариссы.

— Я такъ полагаю, — язвила по тому же поводу Адель, — что старушка наша просто ревнуетъ насъ, молодежь, къ своимъ селадонамъ... каждому въ субботу сто лѣтъ! Ахъ, вѣдь сердце не камень! Я прекрасно знаю, что графъ Иринскій въ 1859 году предлагалъ Полину Кондратьевну свою сіятельную руку и сердце, и въ 189* онъ, коварный измѣнникъ, мнѣ глазки строить: полагайтесь послѣ этого на мужчинъ! Какой женщины пріятно видѣть, что старый поклонникъ гуляетъ на сторону? Полина Кондратьевна оберегаетъ своихъ юношей отъ нашего легкомыслія и прекрасно дѣлаетъ.

И дѣйствительно, Адель едва-едва показывалась на вечерки, Жозю и Ольгу Маша на нихъ тоже ни разу не встрѣтила. Кстати сказать, — когда Лусьева, неудовлетворенная отвѣтами Ольги и Адели, стала разспрашивать о рюлинскихъ вечеркахъ Жозю и Люцію, то первая фыркнула и, захлебываясь смѣхомъ, убѣжала отъ нея въ другую комнату, а степенная Люція, хотя тоже смѣясь, сказала нравоучительно:

— Много будете, барышня, знать, — скоро состаритесь. Всему свой чередъ. Придетъ ваше время, и вы попируете...

А что пировали на вечеринкахъ сильно, было несомнѣнно. Послѣ каждаго сборища запахъ вина и сигаръ долго не исчезалъ изъ нарядныхъ комнатъ Полины Кондратьевны, до спальни включительно, не поддаваясь куреньямъ, лѣсной водѣ и усиленной вентиляціи...

Должать Маша окончательно перестала опасаться, потому что, въ самомъ дѣлѣ, было очевидно, что Ремешко не сегодня-завтра будетъ просить ея руки. Онъ, влюбленною тѣнью, ходилъ за Машею по пятамъ, подносилъ ей конфеты, букеты, доставалъ дорогіе билеты въ театры, экипажи для прогулокъ, глядѣлъ въ глаза, ловилъ желанія и выражалъ всѣмъ лицомъ и всею фигурою:

„Прикажи, — и я твой, и овцы мои твои, и собаки, и пастухи, и страусы“.

Ибо, ко всѣмъ великолѣпнымъ слухамъ о богатствахъ Ремешки, прибавилась еще легенда, будто въ его необозримыхъ поляхъ производятся опыты работъ верблюдами, ламами и страусами — въ первый разъ въ Европѣ.

— Правда, что у васъ въ имѣніи на страусахъ воду возять? — спрашивала его Адель.

Ремешко скромно улыбался.

— Да вѣдь что такое страусъ? Только что слово громкое... А то — какъ журавль или аистъ... Ну, конечно, ростомъ вышелъ... Но, все-таки, — кто привыкъ, ничего особеннаго: птица...

Милліонеръ давно уже познакомился съ отцомъ Маши, совсѣмъ его очаровалъ, пообѣщалъ стипендію брату ея, какъ скоро тотъ кончитъ гимназію, — словомъ, жениховствовалъ, сколько умѣлъ, — только вотъ все запинался съ предложеніемъ.

— Робокъ, — извиняла его г-жа Рюлина, — застѣнчивъ очень. Что же? Тѣмъ лучше для васъ, Люлечка. Скромность въ женихѣ не порокъ. Между нынѣшнею молодежью такіе смиренные — рѣдкость. Изъ него, дѣточка моя, золотой мужъ выйдетъ... Да и куда вамъ спѣшить? Вы молоденькая. Что ужъ такъ прытко — едва изъ коротенькаго платища и сейчасъ же въ мамашу? Надо поглядѣть на свѣтъ и людей, повеселиться, перебѣситься, какъ говорить мужчины... Вѣдь вы въ него не влюблены?

— Н-н-нѣтъ... не очень...

— А если не очень, такъ и потерпите, пока будетъ очень... Нехорошо быть разборчивою невѣстой, но выскакивать замужъ за перваго жениха, который навернулся навстрѣчу... знаете, — оно мескинно какъ-то... Можетъ быть, онъ и не судьба ваша, можетъ быть, Богъ вамъ еще лучше счастье готовить... *Les mariages se font aux cieux!*.. Живите, Люлечка, веселитесь, пользуйтесь жизнью, пока вы такой рѣзвый, маленькій котенокъ. А онъ у васъ всегда останется въ запасѣ... Я ужъ вижу: у него это очень серьезно, онъ отъ васъ никогда не откажется...

— Ну, Полина Кондратьевна, — протестовала Адель, — философія ваша прекрасна, но, воля ваша, если онъ думаетъ еще долго мямлить, я его возьму за ушки, насильно приведу къ Люлюшѣ и на колѣнки поставлю!.. Мнѣ его влюбленные глаза опостылѣли... Милліонеръ, а тряпка какая!.. Это на нервы дѣйствуетъ...

— Ага, кажется, мы завидуемъ? — поддразнивала Рюлина.

— Еще бы не завидовать: сорокъ тысячъ собакъ!.. И еще овчарокъ!.. Обожаю овчарокъ!.. Мохнатые!..

Маша общала:

— Я вамъ, Адель, половину подарю.

ХП.

Подрути — Адель, Жозя, Маша, иногда Ольга — много выѣзжали вмѣстѣ по вечерамъ.

— Вы куда сегодня? — спросилъ Рюлина.

Адель чуть замѣтно подмигнетъ Машѣ и отвѣчаетъ спокойно:

— Въ консерваторію. „Демонъ“ идетъ, съ Баттистини... Ремешко привезъ ложу.

— А, — одобряетъ старуха, — въ консерваторію — это прекрасно. Туда совершенно прилично и однѣмъ... А то эти Аквариумы, Фарсы, Неметти... Фи!.. Не понимаю, какъ туда ѣздить порядочныя женщины?.. А Баттистини поетъ „Демона“ очаровательно, я знаю, стоитъ послушать... Поѣзжайте, поѣзжайте, насладитесь... Только, ради Бога, мои дѣвочки, не волнуйте меня: послѣ спектакля прямо домой...

— Конечно, домой, Полина Кондратьевна. Куда же еще?

Рюлина лукаво прищуривалась, какъ старый котъ, и грозила пальцемъ:

— Знаю я васъ, плутовки, знаю! Вы думаете, что если старуха въ постели съ одиннадцати часовъ, то ничего уже и не замѣчаетъ? Въ которомъ часу вернулись третьяго дня, негодныя? А? Свѣтало уже. Я слышала, знаю...

— Ну, Полина Кондратьевна, — шутливо извинялась Адель, — одинъ разъ не въ счетъ. Совсѣмъ исключительный случай. Если бы одинъ Ремешко звалъ, мы ни за что не поѣхали бы, а тутъ и Сморчевскій, и Фоббель, и инженеръ этотъ, поклонникъ Жози... неловко было отказать: всѣ просятъ. Сморчевскій на колѣни всталъ, всѣхъ надо обидѣть... Ну, нечего дѣлать, позволили себя уговорить, поѣхали на полчаса къ „Медвѣдю“, да и — вотъ...

Она комически развела руками.

— Ужъ очень развеселились тамъ, у „Медвѣдя“, не замѣтили, какъ пробѣжала ночь...

— Если со Сморчевскимъ и Фоббелемъ, это ничего, — примирялась старуха. — Они свои люди, почтенные. Сморчевскаго я съ дѣтства знаю...

Выбравшись изъ доме, подруги хохотали...

— Держи карманъ! Очень намъ нужны твоя консерваторія и Баттистини! Не слышали скуки?

И ѣхали въ „Фарсъ“. Тамъ ихъ окружало огромное знакомство: золотая молодежь и дѣйствительные статские папильоны, львы, онагры, мышинные жеребчики, бритые актеры, модные журналисты въ воротничкахъ *à la Rostand* и блистательное офицерство. Ложа съ тремя-четырьмя красивыми головками привлекала всеобщее вниманіе.

— Кто такія? — услышала однажды Маша вопросъ въ фойѣ и отвѣтъ — какимъ-то, какъ показалось ей, и завистливымъ, и вмѣстѣ презрительнымъ тономъ.

— Рюлинскія...

— Ага!.. Это извѣстная „генеральша“?

— Ну, да...

— Эффектныя штучки! Познакомиться бы?

— Ну, братъ, это — съ посконнымъ рыломъ въ калашный рядъ. Тутъ сотнями и тысячами пахнетъ...

Маша передала слышанный разговоръ Адели.

— Очень просто, — невозможно объяснила та, — эти господа принимаютъ насъ за кокотокъ... Очень лестно: доказываетъ, что мы хорошо одѣваемся... Вы говорите, — они сказали: „пахнетъ сотнями и тысячами“?.. Ну, вотъ, и поздравляю: теперь мы по крайней мѣрѣ знаемъ, сколько стоимъ, если намъ случится сдѣлаться кокотками...

Нѣкоторое недоумѣніе Маши: почему же эти господа при-

няли ее, Жозю и Адель за кокетокъ, разъ имъ извѣстно, что дамы — „рюлинскія“, — Адель умѣла ловко замаять и заговорить такъ, что оно уже и не всплывало наверхъ...

Почти послѣ каждаго спектакля знакомые увлекали по-другъ ужинать къ Кюба или „Медвѣдю“, либо мчали ихъ на тройкахъ къ Эрнесту и Фелисьену.

— Чортъ знаетъ что за жизнь мы ведемъ, — зѣвала на другой день часу во второмъ дня, въ постели, усталая Адель. — Право, даже ужъ и неестественно какъ-то стало — засыпать безъ шампанскаго и не слыхавъ румынскаго оркестра.*)

Первый ужинъ и тонъ, который господствовалъ за столомъ, очень смутилъ было Машу. Какъ ни „развила“ ее Жозя, какъ ни испортили душу ея бездѣлье и пустословіе рюлинскаго дома, но когда сальные намеки, распущенный флиртъ, грязные анекдоты, жесты, нелѣпѣйшія шансонетки, самый наглый канканъ — все, что до сихъ поръ говорилось и продѣлывалось наединѣ между подругами, интимно, запретной шалости ради, — когда все это пришлось увидеть и услышать, какъ нѣчто самое заурядное и общепринятое въ кружкѣ смѣшанномъ, въ разговорѣ и обращеніи „порядочныхъ“ мужчинъ Люлю растерялась и не сумѣла сразу попасть въ тонъ. И когда старый, наглый, гнусавый каботинъ Сморчевскій, другъ и покровитель невскихъ кокетокъ въ трехъ поколѣніяхъ, сообщилъ Лусьевой на argot парижскихъ бульваровъ каламбуръ, отъ котораго стошнило бы и сутенера, — Маша страшно оскорбилась, расплакалась и, оставивъ французскія тонкости, обругала нахала на простѣйшемъ и тончайшемъ русскомъ языкѣ „свиньею“. На что забубенный старичина ни мало не обидѣлся, а наоборотъ, пришелъ въ самый дикій и глупый восторгъ.

*) Ср. Корнищъ, 35 Роль ресторана въ тайной прост. — Канкаровичъ, 92—95.

— Dame! Quelle verve! Hein?! En voilà un tempérament!.. А? И какимъ контраalto!.. Какая сочность!.. „Свинья-а-а-а“... Avez vous entendu, messieurs: она тянеть!.. „Свинья-а-а!“... Поеть... Une chanson de Wolga!.. Дичокъ... Черноземъ... „Свинья-а-а-а“... C'est pour la première fois que j'entends, чтобы ругались такъ красиво... Bast! En ce cas je me fais nationaliste! Ну, m'selle Loulou. Ну, милая! Allons donc, ma chère! Allons donc! Encore un petit „свинья“! Je vous supplie... Я васъ умоляю, еще только одинъ разъ: свинья-а-а!

Всѣ смѣялись за столомъ, а Жозя, на которую сосѣдь ея, бородатый и усатый, изъ опасной породы серьезныхъ и молчаливыхъ развратниковъ, шведъ Фоббель, надѣлъ рогатую tiару, свернутую изъ салфетки, кричала черезъ столъ:

— Не ругай его даромъ, Люлю! Если нравится, пусть за каждую „свинью“ платитъ по большому золотому!

— Въ пользу моихъ бѣдныхъ!

И Адель, взявъ со стола тарелочку изъ-подъ фруктовъ, кокетливо протянула ее Сморчевскому.

— Ахъ, съ удовольствіемъ... — заторопился тотъ. — Когда я доволенъ, мнѣ не страшна никакая контрибуція... Сдѣлайте одолженіе, вотъ... Eh bien: c'est payé. Allons donc, Loulou! J'attends mes dix beaux cochons de Wolga... Пожалуйте порцію „свиньи“ на сто рублей!..

И онъ даже жмурился, предвкушая. Машѣ стало уже и смѣшно.

— А одиннадцатую и двѣнадцатую я вамъ такъ и быть, говорю даромъ... — скокетничала она такъ ухарски, что Жозя заплодировала съ своего конца стола.

Но на завтра и она, и Адель дружно напали на Машу за ея обидчивость.

— Стыдитесь, Люлю, милая. Нельзя, душечка, держать

себя недотрогою. Вы ведете себя *comme une oie blanche*. Времена, когда это правилось мужчинамъ, прошли безвозвратно. *C'est du moyen âge*. Нынѣшняя дѣвушка должна все понимать, ко всему быть готовою, на все умѣть отвѣтить... Въ модѣ демивьержки, а не Агнесы и бѣлыя гусыни...*)

— Но, право, стыдно, *mesdames!*.. Этотъ Сморчевскій такъ скверно вретъ, что я не могу, уши вянуть...

— Да вамъ-то что? Вѣдь онъ вретъ, а не вы!.. Пусть вретъ. Развѣ вы слиняете отъ его словъ? Если бы онъ позволилъ себѣ по отношенію къ вамъ что-нибудь нехорошее, — ну, тогда еще я понимаю... Я сама терпѣть не могу, когда этакій мухоморъ вдругъ вздумаетъ давать волю рукамъ и лѣзть цѣловаться... Но — слова? что вамъ слова?

Адель съ недоумѣніемъ и даже какъ бы не безъ негодованія воздымала плечи къ ушамъ. Жозя скалила зубы:

— Оставьте старцу слова его... Въ возрастѣ Сморчевскаго, — знаете? — *moralement on est physique, mais physiquement on est moral...*

И завертѣлась мельница, пошла писать губернія, посыпались двусмысленности, дрянные анекдоты о разницѣ между словами и дѣломъ...

— Право же, онъ не дурной человѣкъ, нашъ бѣдный Сморчевскій, — заступалась Адель. — Очень добрый, съ большимъ тактомъ. Хотя бы и вчера: вы наговорили ему дерзостей, а онъ премило обратилъ все въ шутку и еще пожертвовалъ для моихъ бѣдныхъ десять золотыхъ. *C'est un vrai gentilhomme*, это надо цѣнить. Нѣтъ, Люлю, вы его не обижайте: увидите, что когда-нибудь онъ очень и очень вамъ пригодится... Да и Полина Кондратьевна его уважаетъ и не будетъ довольна, что

*) *Школа распущенности и шикъ ея: Кузнецовъ, 26.*

вы съ нимъ такъ рѣзко... Она ему тоже все позволяетъ... Это старый другъ дома, пріятель еще покойнаго генерала.

— Да мнѣ теперь ужъ и самой совѣстно, что не сдержалась, обидѣла его.

А Жозя хлопала Машу по спинѣ.

— Ничего! Это она у насъ по молодости и глупости! Утеночъ учится плавать. Дайте Люлюшечкѣ срокъ: стерпится — слюбится...

И, дѣйствительно, стерпѣлось и слюбилося. Ужина три оттерпѣвъ, Маша усвоила ихъ каботинный тонъ въ совершенствѣ. Пустить ей Сморгчевскій грязную остроту, она, не сморгнувъ, отвѣтитъ вдвое круче; либо, если сконфизившись, не найдется, что отвѣтить, посмотреть на стараго сатира мутнымъ, глупымъ, ничего не говорящимъ, но какъ будто веселымъ взглядомъ, которому выучилась у Жози.

— Oh-là-là!..

Или:

— Et patati, et patata!..

И захохочетъ. Безмысленны восклицанія, безмысленны глаза, безмысленъ хохоть, но это методъ, — политичный исходъ изъ щекотливаго положенія.

— Такъ, душечка, и кокотки, — поучала Жозя. — То ли имъ, бѣдняккамъ, случается терпѣть отъ мужичинъ? А онѣ все смѣются. Надо трещать и смѣяться, смѣяться и трещать. А слушать и думать какъ можно меньше, и все, что мужчины соврутъ уже очень подло, пропускать мимо ушей... И тогда всѣмъ очень пріятно и весело. По-моему, женщина, которая все замѣчаетъ и обижается словами, не имѣетъ такта, не умѣетъ себя вести. Она не на высотѣ своего положенія, душечка. Женщина для общества должна быть вся восторгъ. Надо, чтобы — розы и весело!.. смѣяться и трещать!..

На одномъ изъ ужиновъ появилась и Ольга Брусакова.

Отъ присутствія Маши ей было сначала замѣтно не по себѣ: она хмурилась, смотрѣла на тарелку и едва отвѣчала Фоббелю, который за нею ухаживалъ. Но Адель вызвала ее на минутку въ уборную, и Ольга возвратилась преображенная: столь разбитная и веселая, столь „смѣясь и треща“, что за нею померкла даже неунывающая Жозя.

— Наконецъ-то я узнаю нашу милую Эвелину!.. — гнулъ Сморчевскій. — А что вы дѣлали тамъ въ уборной? Отчего такая перемѣна? Сафо объяснялась въ любви Фринъ, или получили подарокъ въ десять тысячъ?

Ольга думала:

„Перемѣнишься, когда Аделька грозитъ жаловаться старой стервѣ, чтобы та надавала мнѣ плюхъ...“.

Но говорила, кривляясь:

— J'ai eu mal au ventre! C'est passé — et me voilà! Connu? Oh-là-là! Va-t'en, gros pignouffe!

— Такъ вотъ ты какая!.. Не ожидала... Прелесть, лучше всѣхъ!.. — съ веселымъ удивленіемъ говорила Ольгѣ Мама въ уборной же, собираясь уже къ отъѣзду съ ширшества. — Вотъ ты умѣешь быть какая!

Ольга красная, какъ кумачъ, съ мутными, безумными глазами, поправляла передъ зеркаломъ спутанную прическу, пошатывалась, присѣдала и хохотала:

— Да, я такая... А ты думала, — что? Ха-ха-ха!.. Есть о чемъ тужить!.. Дряни!.. Да!.. И Аделька дрянъ, и всѣ!.. И я дрянъ!..

— Тише ты! Какія слова? Развѣ можно?

— Не желаю тише. Имѣю право, чтобы громко. Кричи во всю! Ругай! Бей! Ничего не будетъ! Это ничего... Сдѣлай твое одолженіе! Еще деньги заплатятъ.

— Ты ужъ очень много шампанскаго вышила.

— Еще бы съ поганцами трезвою сидѣть!.. А Аделькѣ я покажу, какъ меня въ морду...

— Оля!... Богъ съ тобою! Что ты говоришь?

Ольга опомнилась, посмотрѣла на Машу пьяными, мрачными глазами, оправилась и спустила тонъ.

— И то... экъ меня разобрало!.. — съ усиліемъ засмѣялась она. — Нивѣсть что плету... Фу-у-у!.. Налей мнѣ воды, пожалуйста.

— Надѣюсь, ты съ нами, къ Полинѣ Кондратьевнѣ? — спросила встревоженная Маша.

Ольга отрицательно замотала головою.

— Ой, Оля, — встрепенулась Маша, — ой, голубчикъ, поѣдемъ лучше съ нами! Ужъ мы тебя какъ-нибудь спрячемъ отъ крестной. А домой какъ ты покажешься такая? Всѣхъ перепугаешь... Не надо, Олечка!..

— Фю-ю-ю-ють!.. — засвистала Ольга. — „Идѣ домувъ мой?“ — слыхала, хоры поють? Когда еще я попаду домой-то?!.. меня Фоббель провѣтривать везетъ... За Лахту, въ охотничій домикъ... чай пить... у! Ненавижу! Кровь мою выпьетъ, шведъ проклятый!.. Ну, да ладно! погоди!..

И вдругъ насупилась.

— А Ольгою называть меня здѣсь не смѣй... Я для кабака Эвелина, а не Ольга... Ольга, Марья — это мы дома. А Эвелинка, Люлюшка — для кабака...

ХІІІ.

Какъ-то разъ Маша прихворнула на нѣсколько дней и, смертельно скучая, должна была отсидѣть ихъ въ полномъ одиночествѣ. Даже Ремешко не заѣзжалъ, потому что его не было въ Петербургѣ: онъ отпавился по дѣламъ въ Москву. При-

бывъ по выздоровленіи къ Полиѣ Кондратьевнѣ, Маша еще на подъѣздѣ, по перекошенному лицу красивой Люціи, которая вышла на ея звонокъ, замѣтила, что въ домѣ неладно.

— Не приним... — начала было Люція, но, узнавъ Машу, улыбнулась и махнула рукою. — Охъ, это вы, барышня! Вотъ до чего замоталась: своихъ не узнаю. Пожалуйте. Вамъ-то можно. — А то никого не принимаютъ — ни сама, ни Адель Григорьевна...

— Что случилось? — испугалась Маша.

— Сама больна... Третьи сутки... Сегодня съ утра пятую истерику закатываетъ. Швейцаръ за докторомъ Кранцемъ въ каретѣ усланъ... Такая тамаша идетъ третій день, что не дай Богъ лихому татарину...

И, наклонясь къ уху барышни, горничная прошептала:

— На биржѣ пробухалась. Сормовскія подкузьмили.

Адель, сидѣвшая въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ, мрачная, блѣдная, злая, обернулась на Машу тигрицею какою-то разъяренною, но, узнавъ ее, смягчила взглядъ.

— А, Люлю! Поправилась? Слава Богу, очень кстати. А то я одна просто съ ногъ сбилась. Слышали, старушка-то наша отличилась? Чтобъ ее чортъ побралъ, не говоря худого слова!.. На сорокъ одну тысячу! Можете себѣ вообразить?

Маша не могла вообразить. Про такія суммы она только въ романахъ читала.

— Главное, что досадно, — желчно продолжала Адель, роясь въ бумагахъ на столѣ, — что досадно... Если ты хочешь крупно играть, то умѣй владѣть собою. А то извольте радоваться: хлопнулась въ обморокъ въ банкирской конторѣ!.. ну, и скандалъ на весь Петербургъ! Сейчасъ же закричали: Рюлина разорилась, Рюлина банкротъ! А ничего подобнаго. Она не сорокъ одну тысячу, а четыреста десять тысячъ въ состояніи потерять, и все-таки у нея останутся прекрасныя

средства на дожитіе... Да!.. Конечно, если не хлынуть потопомъ вотъ этакія бумажки.

Адель бросила Машѣ голубой листокъ, въ которомъ m-me Judith вѣжливо и сухо просила m-me Рюлину какъ можно скорѣе очистить счетъ по ея магазину.

— Понимаете? Мерзавка какая! Часа не прошло послѣ этого глупаго обморока, какъ мы уже получили эту прелесть... Я всегда говорила и говорю, что Петербургъ по сплетнямъ хуже всякаго захолустья... Часа не прошло, а уже всюду молва, что разорилась, и счетъ!.. И вотъ еще!.. вотъ еще...

Адель нервно подавала Машѣ счетъ за счетомъ.

— Денежныя катастрофы поражаютъ людей, какъ молніи. Вы не успѣли опомниться, какъ кредитъ вашъ — уже на днѣ пропасти...

Маша видѣла на счетахъ фирмы знакомыхъ магазиновъ, гдѣ она должна, и сердце ея сжалось.

— Что же теперь дѣлать? — пролететала она. — Адель злобно мотнула головою.

— Надо платить. Но — чѣмъ, вотъ вопросъ... не знаю!.. Не предвижу никакихъ поступленій. У насъ до ста тысячъ въ долгѣхъ, и никто не платитъ... Я не про васъ говорю, — рѣзко бросила она въ отвѣтъ на робкое движеніе вспыхнувшей Маши. — Что вашъ долгъ? Капля въ морѣ. Заплатите вы, не заплатите, — намъ отъ того ни лучше, ни хуже не будетъ. Да и съ какой стати вамъ платить свои проши, когда другіе такъ безсовѣстны — не платятъ десятки тысячъ? За что вамъ быть святѣ остальныхъ?

Тонъ Адели — даже не укоризненный, а какой-то необычайно свысока пренебрежительный, точно и въ Машѣ, и въ долгъ ея видѣла нивѣсть какую ребяческую, даже недостойную разговора, мелюзгу, — больно укололъ Лусьеву. А Адель, сердито усмѣхаясь, подавала жару:

— Вотъ тоже Жозька... сумасшедшая... Можете себѣ представить? Какъ услышала про нашу бѣду, сейчасъ же бросилась въ ломбардъ, вся заложилась, осталась въ одномъ платьѣ... Пятьсотъ тридцать рублей принесла... Ну, спрашивается, на что намъ ея пятьсотъ тридцать рублей? Конечно, благородно... Я всегда знала и утверждала, что другой такой души, какъ Жозя, не найти днемъ съ огнемъ... Но — какая польза? къ чему?

— Нѣтъ, Адель, — твердо возразила Маша. — Нѣтъ, это она прекрасно поступила, какъ должно... Всѣмъ намъ надо такъ. Я увѣрена, Адель, что и вы сдѣлали то же... что-нибудь очень хорошее.

Адель нахмурилась.

— Я... что обо мнѣ?!.. Если я не постараюсь для Полины Кондратьевны, то кому же? Мы съ Люціей безъ башмаковъ останемся, а старухи своей не выдадимъ. Довольно предательницъ и безъ насъ...

Когда Маша уходила отъ Адели, Петербургъ для нея дѣлился рюлинскимъ домомъ на двѣ, рѣзко распредѣленныя половины: на бѣлыхъ агнцовъ, которые стараются всѣми своими средствами и силами помочь бѣдной Полинѣ Кондратьевнѣ, какъ Адель, Жозя и Люція, и на смрадныхъ козлищъ, ничего не сдѣлавшихъ и не желающихъ сдѣлать для своей благодѣтельницы, какъ (покуда) она, Маша, и, быть можетъ, „вѣчная эгоистка“ — Ольга Брусакова. Сдѣлавъ визитъ къ послѣднему козлищу, Маша, дѣйствительно, нашла его возмутительно равнодушнымъ къ злополучію Полины Кондратьевны, отъ чего и пришла въ величайшее негодованіе. Само собою разумѣется, что Лусьева послѣдовала великодушному примѣру Жози и немедленно заложилась въ ломбардъ тоже до послѣдней нитки. Вырученные сто восемьдесятъ четыре рубля — жалкія крохи — она при-

несла къ Адели со слезами на глазахъ, понимая ничтожность своего дажня.

— Вотъ... все, что выручила... больше не даютъ... — сказала она и горько заплакала.

Адель нетерпѣливо отмахнулась отъ нея.

— Я говорила вамъ, Люлю, что это лишнее, возразила она довольно сухо. — Въ всякомъ случай *merci*. Но самое лучшее и умное, что вы можете сдѣлать, — возьмите эти деньги, займите у меня еще немного, сколько тамъ слѣдуетъ, на проценты за полмѣсяца, какъ это водится, и выкупите ваши вещи обратно. Молодой дѣвушкѣ нельзя безъ этого, а сто восемьдесятъ четыре рубля, все равно, честное же слово даю вамъ, намъ не въ помощь!.. Сами посудите; у одной *Judith* вашъ долгъ на тысячу семьсотъ шестьдесятъ восемь рублей...

— Что?.. Ахъ!

Маша въ ужасѣ схватилась за голову. Адель сдѣлала гримасу: „а ты, молъ, легкомысленная дармоѣдка, какъ полагала?“ — и продолжала:

— Да. Почти двѣ тысячи одной *Judith*. А *Maurice*? А *Alexandre*? А ювелиръ Карпушниковъ? Что же тутъ сто восемьдесятъ четыре рубля? По пятаку за рубль...*)

Маша рыдала.

— Вы убили меня, Адель! Я просто не знаю, какъ теперь глядѣть вамъ въ глаза... Я такъ несчастна, чувствую себя такою жалкою, неблагодарною... Но что же я могу сдѣлать? Ничего, ничего, ничего...

— Ну, это — положимъ... — пробормотала Адель, устремляя на нее загадочный, предлагающій взглядъ. — Сдѣлать-то вы можете много, только захотите ли...

*) *Искусственная фабрикація долговъ. Елистратовъ, 18. Кузнецовъ, 186. Cutrera, 37—39.*

— Что? что? Скажите мнѣ, — обрадовалась Лусьева, — я все, что велите...

— Нѣтъ ужъ, велѣть я вамъ ничего не буду, — не то обидчиво, не то презрительно возразила Адель. — Я совѣмъ не желаю предъявлять къ вамъ требованія, чтобы вы потомъ имѣли поводъ хоть въ чемъ-нибудь упрекать насъ съ Полиною Кондратьевною. Всякое требованіе съ моей стороны сейчасъ было бы нравственнымъ насиліемъ... Нѣтъ ужъ! Если хотите, ищите и догадывайтесь сами!.. Вонъ — Жозя догадалась... Она мнѣ три тысячи принесла...

— Три тысячи? Да кто же ей далъ?

— А ужъ это вы ее спросите, ея дѣло...

XIV.

Маша бросилась къ Жозѣ, въ ея грязноватыя меблированныя комнаты, гдѣ она, какъ первая жилища, царила, окруженная чрезвычайнымъ уваженіемъ прислуги и обожаніемъ холостыхъ жильцовъ. Застала Жозю Лусьева за піанино, довольно сквернымъ и разбитымъ.

— Ахъ, душка? — воскликнула веселая особа, не отрываясь отъ клавишей, выпѣвавшихъ фальшиво и не безъ запинокъ „Бурю на Волгѣ“: какъ всѣ женщины мажорнаго характера въ жизни, Жозя любила въ музыкѣ мрачный и сентиментальный миноръ. — Ахъ, душка, нѣтъ ничего легче и проще!.. Я удивляюсь, почему Адель ломается, ничего вамъ не сказала... Вы не три, а пять, семь, десять тысячъ можете достать... Пустяки!.. Вамъ стоитъ сказать одно слово...

Маша покраснѣла.

— Вы, можетъ быть, намекаете, Жозя, чтобы я попросила взаймы у Ремешко? но это такъ совѣстно, да его сейчасъ и нѣтъ въ городѣ.

Жозя перестала играть и круто повернулась къ Лусьевой на табуретѣ.

— Ремешко?... — воскликнула она, округляя голубые глаза. — Да что же это? Вы словно съ луны свалились, душечка!.. Развѣ Адель и про Ремешку вамъ ничего не сказала?

— Нѣтъ...

Жозя всплеснула руками.

— Ну, она чудачиха, совсѣмъ чудачиха!.. Ремешку, душечка, у Полины Кондратьевны не вѣльно принимать.

— Почему? — блѣдная, едва выговорила Маша.

— Ахъ, душка! — затараторила, махая руками передъ своими лицомъ, проворная Жозя, вы и вообразить себѣ не можете, какой онъ оказался ужасный мерзавецъ! Видите ли: все обнаружилось. И онъ, хотя Ремешко, совсѣмъ не Ремешко, то есть не Ремешко, у котораго собаки; а Ремешко, у котораго собаки, жаловался полиціи, что Ремешко называетъ себя Ремешко, а у Ремешки, душка, собакъ нѣтъ, и ничего нѣтъ, и онъ мѣщанинъ изъ Либавы, и кромѣ того арапъ.

— Жозя, Богъ съ вами!.. что вы?... что вы?..

Но Жозя махала руками и мчалась впередъ, какъ Иматра.

— Арапъ, душка, арапъ!.. По всѣмъ клубамъ извѣстенъ!.. арапъ!

— Да онъ же бѣлый, Жозя!.. помилосердуйте!

Жозя только досадливо отряхнулась, точно собака, на которую брызнули водою.

— Ахъ, душка, я совсѣмъ не о томъ арапѣ, который черный! Онъ — въ высшемъ смыслѣ арапъ. Арапъ — это называется человѣкъ, который, когда въ клубахъ идетъ игра, примазывается къ крупнымъ игрокамъ. Увидить, кто ставить большіе куши, и пристанетъ къ нему, будто бы въ долю. Если тотъ выигралъ, арапъ сейчасъ же тутъ какъ тутъ: позвольте, душечка, получить, я съ вами вмѣстѣ игралъ, душечка. Ну, а

когда тотъ, душка, проигрываетъ, арапъ прячется подъ столъ или въ какое-нибудь низкое мѣсто... пропадаетъ, душечка, какъ сатана или нечистая сила!.. И полицію, душечка, уже спрашивали, и полиція говоритъ, что Ремешко — арапъ, да и арапъ-то не простой, а самый что ни на есть надъ арапами арапъ, и давно уже запримѣченъ, такъ что многіе на него жаловались, и хотѣли его даже просить выгнать изъ Петербурга... Да, душка!.. И брильянтъ этотъ у него, который въ галстухѣ, тоже арапскій, у Alexandre за восемь съ полтиною купленъ. Вотъ онъ каковъ господинъ Ремешко. Да! А мы, дуры, ему вѣрили, васъ за него замужъ прочили!.. Это спасибо сказать Люціи, душка, она все открыла, потому что ея сестра служить въ судомойкахъ въ той самой гостиницѣ, гдѣ этотъ арапъ проживалъ. Да! За арапа васъ чуть-чуть не выдали, Люлечка бѣдная! И были бы вы теперь арапка... Да что же вы бѣдная такая? Люлечка... Господи, да она падаетъ!.. Люлечка!.. Изъ-за арапа?! Стоитъ ли?.. Люлечка... Фу, глупая какая!..

XV.

Открытія о Ремешкѣ свергнули Марью Ивановну въ обморокъ вовсе не по обманутымъ нѣжнымъ чувствамъ къ фальсифицированному магнату, но просто потому, что, покуда Жозя изъясняла ей его продѣлки, Лусьевою съ необычною рѣзкостью представлялась мысль, что, стало быть, весь ея долгъ, сдѣланный въ расчетъ на замужество за Ремешко, теперь ляжетъ на нее, какъ неотвратимая груда, быть можетъ, на много лѣтъ жизни... Когда она пришла въ себя, оттерпѣла хорошую истерику, выплакалась и успокоилась, Жозя заговорила о дѣлахъ. Достать денегъ, при томъ въ количествѣ, какое угодно Мамѣ, оказалось, дѣйствительно, очень легко: надо было только на-

писать вексель на желаемую сумму, на имя Полины Кондратьевны Рюлиной, и подписать этот вексель именемъ Машина отца, Ивана Артемьерича Лусьева.

— По какому же праву я подпишу вексель именемъ отца?

— Ахъ, душка, кто же говорить, что по праву? Нѣтъ права... Но, видите ли, душка, это не вы виноваты, что такъ надо, а законъ такой глупый, потому что, душка, женскіе векселя, вообще, не охотно учитываютъ, а вы еще вовсе не имѣете кредита и даже не можете выдавать векселей, потому что вы несовершеннолѣтняя...

— Я боюсь, Жозя... Я, конечно, ничего не понимаю въ дѣлахъ, но изъ этого, мнѣ кажется, легко можетъ выйти что-нибудь дурное...

— Ахъ, Люлечка, да что же можетъ выйти дурного изъ векселя, по которому никогда не придется платить? Вѣдь Полина Кондратьевна его учтетъ, понимаете? — учтетъ...

— Нѣтъ, Жозя, не понимаю...

— Ахъ, душка, какъ же вы не понимаете, когда такъ просто, что я не знаю, какъ вамъ объяснить?! Это значить, душка, что она свезетъ вексель къ знакомому дисконтеру, въ банкирскую контору одну, и дисконтеръ ей дастъ денегъ, только вычтетъ тамъ сколько-то процентовъ, и потомъ вексель можетъ лежать у дисконтера какъ вы хотите много времени, душка, хоть тысячу лѣтъ, только его, душка, надо часто переписывать и аккуратно платить проценты... Да! И когда, душка, проценты дисконтеру платятся аккуратно, то ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ знать, что есть такой, душка, вексель, и отецъ вашъ, душка, тоже никогда не узнаетъ. Никакъ, никакъ ему нельзя этого узнать, душка, потому что это коммерческая тайна, кто какіе пишетъ векселя, и если дисконтеръ кому-нибудь о васъ откроетъ, то его за это въ Сибирь!... понимаете, душка?... Нечего вамъ бояться, не знаю, чего вы боитесь. Я вотъ всегда

такъ. Если Полина Кондратьевна велить, или самой нужны деньги, а у нея занять нѣту, я сейчасъ же беру за бока своего разведеннаго благовѣрнаго и катаю на его векселя, — я катаю, Полина Кондратьевна учитываетъ!... Тутъ нѣтъ ничего дурного, Люлечка. Что же особеннаго? И ты, Лусьева, душка, и отецъ вашъ Лусьевъ душка... Вы только именемъ пользуетесь... А что въ имени? Дисконтеру — что Лусьевъ, что Лусьева, все равно. Дисконтеръ, душка, даже не спросить, что таковъ Лусьевъ, и есть ли онъ на свѣтѣ. Вѣдь онъ не вамъ и не отцу вашему повѣрить, а Полинѣ Кондратьевнѣ. Это ея кредитъ, и только такъ ужъ заведено, душечка, форма такая глупая, что кредитъ-то ея, а вексель нуженъ на ея имя отъ кого-нибудь другого, чтобы были двѣ подписи, — она поставитъ бланкъ и получить деньги... И всѣмъ очень пріятно, душка, и чрезвычайно просто!

Вдохновенное лганье Жози дурманило Машу. Перспектива достать кучу денегъ подъ залогъ клочка бумаги и нѣсколькихъ буквъ начала представляться ей заманчивою... Жози говорить, что всѣ такъ дѣлають. Если всѣ, то почему же и не попробовать?

— Только, все-таки, я не знаю, право... страшно какъ-то... сама не понимаю, чего, но чего-то боюсь...

— Ахъ, душка, — обидѣлась даже Жозя, — какъ будто я васъ уговариваю?! Никто васъ не неволить, поступайте какъ знаете!... Я только думала, что вы, какъ всѣ мы, хотите помочь бѣдной Полинѣ Кондратьевнѣ, которая васъ такъ любитъ. Это у насъ, въ компаніи, самое обыкновенное: когда ей нужны деньги, мы всѣ пишемъ для нея векселя, — и я, и Адель, и Ольга...

— Какъ, и Ольга тоже? — живо переспросила Маша.

— Еще бы! И еще сколько! Спросите Адель: она вамъ покажетъ.

Лусьева вздохнула съ облегченіемъ.

— Ну, если ужъ Ольга, — хорошо, въ такомъ случаѣ я согласна...

— Ишь какая, нехорошая! — ревниво попрекнула Жозя.
— Ольгѣ своей противной вѣрить, а мнѣ нѣтъ!...

— Да не то, Жозенька, — какъ вы можете думать?... Но она такая осторожная, благоразумная... Только ужъ вы, Жозя, научите меня, какъ что надо сдѣлать тамъ, съ векселемъ... Я вѣдь на этотъ счетъ круглая дура, ничего не знаю...

— Да вы обратитесь къ Адели!... хотите, я сегодня же ей скажу, что вы желаете?... Она вамъ все устроить...

Разумѣется, фантастическій шестимѣсячный вексель, выданный въ тотъ же самый день Марьею Ивановною Лусьевою, за подписью Ивана Артемьича Лусьева, очень изумилъ бы всякую банкирскую контору, въ которую былъ бы представленъ къ учету, но — онъ никогда ни въ какую банкирскую контору и не предназначался, а очень мирно и спокойно улегся въ несгораемомъ шкафу госпожи Рюлиной, въ плотный полотнояный конвертъ большого формата, съ помѣткою лиловыми чернилами: „Люлю“. Такихъ конвертовъ, плотно набитыхъ какими-то бумагами, покоилось довольно много въ шкафу. Были конверты Жози, Ольги, даже Люци, — всѣхъ, кромѣ Адели. Хотя денегъ по векселю Рюлина, конечно, ниоткуда не получала, тѣмъ не менѣе благодарность за то, что Маша „выручила“, была разыграна очень трогательно, а счета изъ магазиновъ, касавшіеся Машиныхъ заборовъ, были съ благородствомъ изорваны на глазахъ дѣвушки. Надо ли говорить, что дѣйствительная сумма къ уплатѣ по счетамъ была вѣятеро меньше цифръ, представленныхъ Аделью? Вмѣстѣ съ тѣмъ Машѣ дали понять, что платить проценты по векселю — конечно, входитъ въ ея обязанность, и что проценты будутъ довольно много, а вексель придется переписывать часто, такъ какъ кредитъ-де — самый трудный и краткосрочный.

XVI.

Прошло три мѣсяца, сильно двинувшихъ Марью Ивановну впередъ по пути „просвѣщенія“. Каждый мѣсяцъ вексель ея переписывался, и каждый разъ надо было доставать денегъ для процентовъ — дѣйствительно, огромныхъ, звѣрскихъ процентовъ: сперва Адель потребовала двѣсти рублей, во второй разъ уже триста, а на третій мѣсяцъ пришлось найти и всѣ пятьсотъ. Минули тѣ времена, когда у Маши Лусьевой дрожала пенугомъ душа при одномъ звукѣ такихъ цифръ. Теперь она знала, что рубли въ сотняхъ — очень небольшія деньги, для хорошенькой барышни, „которая не дура“, и доставала ихъ очень легко.

Стоить только поплакать да надуться на цѣлый вечеръ, — Сморчевскій заплатитъ. А не Сморчевскій, такъ Фоббель. А не Фоббель, такъ Бажоевъ...

Измѣнился и тонъ, которымъ Адель спрашивала проценты. Въ первыхъ двухстахъ рубляхъ она извинялась, умоляла занять ихъ, сконфуженная, увѣряла, что охотно внесла бы свои, если бы стояли лучшія времена, а то все еще никакъ не соберется съ деньгами и не оправится отъ недарнаго разгрома. На второй мѣсяцъ извиненія были уже гораздо слабѣе.

— Прямо несчастіе мнѣ съ вами, Люлю, по этому векселю: какъ ему срокъ, такъ у меня касса пуста!... фатумъ какой-то!.. Ужъ нечего дѣлать, попросите опять у Сморчевскаго... старикъ выручить: онъ васъ любить!...

А въ третій платежъ она просто увѣдомила — почти что приказала:

— Люлю, черезъ четыре дня вамъ платитъ пятьсотъ... Старайтесь, дѣточка Люлюшечка, добывайте!...

И „дѣточка Люлюшечка“ добывала: хныкала, капризничала, жаловалась на судьбу, на злыхъ людей, плакала, увѣряла,

что „лучше отравиться“, и „дѣточку Люлюшечку“ спѣшили развеселить и утѣшить. А затѣмъ:

— Кажется, я заслужилъ поцѣлуй?

— Сморченька, миленькій! Да хоть двадцать!

— А Люлюша споетъ намъ „*Connaissez vous l'histoire d'un vieux curé de pays*“?

— Фи, Бажоевъ, вамъ бы только гадости слушать!... Ну, да ужъ хорошо, спою, спою!... для васъ!... противный!...

Раздобывала Маша такими способами деньги для „процентовъ“ Адели, раздобывала и для себя. При всемъ томъ, — хочется человѣку всегда хорошо о себѣ думать! — она и не воображала, что она продается, и очень бы удивилась, если бы ее укорили въ томъ. Продаются кокетки, камеліи, проститутки. Продаваться — это значитъ принадлежать мужчинѣ тѣломъ за деньги, а два, три пьяныхъ поцѣлуя, даже объятія, скабрезная пѣсенка, фривольный жестъ... какая же тутъ самопродажа? Помилуйте? Что за невидаль при добрыхъ дружескихъ отношеніяхъ? И, наконецъ, это добрая воля Сморчевскаго — дать или не дать денегъ. Чѣмъ Маша виновата, если онъ такой нервный и щедрый человѣкъ, что согласенъ лучше заплатить за хорошенькую женщину всѣ маленькіе долги ея, чѣмъ видѣть ее въ слезахъ. А когда выпадаетъ такое счастье, глупо имъ не пользоваться. Маша не миллионерка, Сморчевскій и прочіе добродетельные датели отъ того не обнищаютъ, а бѣдной дѣвушкѣ будетъ на что поправить свои обстоятельства и выполнить обязанности къ своимъ друзьямъ.

Впивая эту мораль, Маша, тѣмъ не менѣе, иногда смущалась втайнѣ своимъ поведеніемъ и испытывала угрызения совѣсти. Стали проявляться у нея и кое-какія подозрѣнія, что среда, гдѣ она увязла, не только веселящаяся, но и жуликоватая, и развратная. Рюлина и ея приспѣшницы еще скрывали отъ Маши кое-что, и даже очень многое, и даже самое главное,

но уже часто проговаривались словами и попадались на фактахъ, совѣтъ не согласныхъ съ первоначальнымъ высокимъ тономъ, который Лусьева встрѣтила въ домѣ. Такъ, напримѣръ, узнала Маша, что, столь часто поминаемый всеу, покойный „генераль“ Полины Кондратьевны, якобы повинный въ безобразныхъ картинахъ ея спальни и во многихъ другихъ неприличіяхъ, никогда ни генераломъ, ни даже военнымъ не былъ, и по паспорту госпожа Рюлина писалась вдовою губернскаго секретаря. А, кромѣ того, никто и никогда этого таинственнаго губернскаго секретаря Рюлина при великолѣпной супругѣ его не видывалъ, и прозябалъ онъ и померъ невѣдомою смертию гдѣ то за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, не то въ Асхабадѣ, не то въ Благовѣщенскѣ. Само собою разумѣется, что столь отдаленный губернскій секретарь никакъ не могъ быть ни сослуживцемъ, ни тѣмъ болѣе боевымъ товарищемъ великаго князя, любовника Жени Мюнхеновой, которымъ Адель хвалилась Машѣ въ первый день знакомства. Вообще, великокняжескія сказанія Адели, — права была Ольга Брусакова! — мало по малу очень слиняли и выщѣбли.

Напримѣръ, оказалось, что тотъ великій князь, герой романа Жени Мюнхеновой, не только не близкій другъ дома, какъ увѣряла Адель, но и всего то лишь дважды, за всю жизнь свою, удостоилъ укромный рюлинскій особнячокъ высочайшимъ посѣщеніемъ инкогнито. Одинъ разъ, ненарокомъ, прямо съ какого то гвардейскаго полкового праздника, полупьяный, съ компаніей офицерской золотой молодежи, наговорившей ему чудесъ о волшебной красотѣ Жени Мюнхеновой, которая тогда проживала у Полины Кондратьевны на положеніи воспитанницы: тутъ то онъ, дѣйствительно, и влюбился! А въ другой разъ — уже нарочно, чтобы увести Женю изъ подъ гостепріимнаго генеральшина крова въ пріобрѣтенный для нея домъ на Англійской Набережной.

Въ качествѣ устроительницы и посредницы сего незаконнаго союза, генеральша содрала съ его высочества какой то едва вообразимо огромный куртажъ. Такъ что даже сама сконфузилась и восчувствовала признательность къ виновницѣ такого успѣшнаго грабежа. Женя Мюнхенова сдѣлалась для нея самымъ любимымъ, поэтическимъ воспоминаніемъ, почти до культа. Исторія Жени развилась въ эпопею дома, которою обязательно „просвѣщаются“ рано или поздно всѣ, вновь входящія къ Полинѣ Кондратьевнѣ, дамы и барышни: вотъ молъ примѣръ для васъ, поучайтесь и подражайте!

Однако, по сплетнямъ Жози, сама то Женя, какъ скоро выбралась съ Сергіевской, порвала съ генеральшей всѣ сношенія, ни къ ней не бывала, ни ее у себя не принимала. Даже ея портретъ знаменитый былъ вовсе не заказанъ генеральшею, какъ хвастала Адель, но попалъ къ ней совершенно случайно.

Когда Женя, наскучивъ любовью великаго князя, сбѣжала отъ него на манеръ Периколы или Беттины изъ „Маскотты“, покинутый любовникъ въ неистовомъ бѣшенствѣ, приказалъ убрать съ глазъ долой всѣ вещи, напоминавшія ему коварную измѣнницу. Портретъ же (къ слову сказать, писанный совѣтъ не Константиномъ Маковскимъ, а какимъ то случайно заѣзжимъ и мало вѣдомымъ французомъ) — уничтожить. Камердинеръ князя, разсудивъ, что хорошая живопись денегъ стоитъ, спустилъ портретъ за двѣсти рублей маклершѣ, а та предложила его Полинѣ Кондратьевнѣ за тысячу и отдала за пятьсотъ. Такъ какъ манера француза напоминала Константина Маковского, то Адель нашла, что будетъ шикарно приписать картину этому послѣднему и, владѣя нѣсколькими кистью, намазала внизу портрета, въ углу, довольно искусно поддѣланную подпись русской знаменитости... А затѣмъ сфабрикованный кумиръ водрузили въ святилище, и вокругъ него обвили легенды, столь увле-

кательныя, что въ концѣ концовъ, имъ едва-ли не вѣрили и сами, ихъ творившія.

XVII.

Прошлое Полины Кондратьевны тоже тонуло въ легендахъ. По видимому, она была дѣйствительно хорошаго происхожденія, потому что, даже сквозь налетъ многолѣтняго авантюризма, проблескивала слѣдами прекраснаго воспитанія, какое давали только благороднымъ дѣвицамъ строгіе институты пятидесятихъ годовъ. Она знала множество анекдотовъ изъ быта Смольнаго въ его славную „Леонтьевскую“ эпоху и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, была заблудшею овцою изъ стада смольнянокъ.

Но далѣе слѣдовали провалъ и мракъ. Вспоминали одно: что смолоду Полина Кондратьевна существовала (и весьма шикарно) на иждивеніи того самаго графа Иринскаго, который и по сейчасъ не оставляетъ ее, хотя уже старуху, своими милостями. Вся великолѣпная обстановка рюлинскихъ апартаментовъ, до скверныхъ картинъ включительно, — отъ графа и его друзей; а въ числѣ ихъ, и впрямь, имѣются два-три высокопоставленныя лица, болѣе извѣстныя распутствомъ и казнокрадствомъ, чѣмъ служебными доблестями, и нѣкоторые великіе не столько князья, сколько князьки второстепеннаго значенія въ фамиліи, но первостепенно громкой скандальной репутаціи и въ російской, и въ чужеземныхъ столицахъ. Графъ Иринскій страшный потайной развратникъ, но онъ остороженъ и не довѣряетъ страстей своихъ никому, кромѣ Полины Кондратьевны; она, когда-то его любовница, теперь осталась его альковною поставщицею и вознаграждается за то огромными суммами. На таинственныхъ рюлинскихъ „вечеркахъ“ графская компанія чувствуетъ себя гораздо болѣе дома, чѣмъ сама хозяйка, и безобразничаетъ такъ, что плюнуть хочется, — потому-то По-

лина Кондратьевна и выживаетъ изъ дома на это время лишніе глаза и уши...

Объ Адели Жозя насплетничала Машѣ на ушко, что у той есть старикъ, къ которому она ѣздитъ въ Царское Село каждыя вторникъ и субботу. Адель же, даже не на ушко, сообщила прѣ Жозю, что у нея старики имѣются чуть ли не на всѣ дни недѣли, кромѣ воскресенья, оставленнаго для молодыхъ. Люція то и дѣло выходила изъ роли горничной, обмолвливалась на „ты“ съ Жозею, съ Ольгою, даже съ Аделью... Однажды, когда Маша ночевала у Адели, Люція возвратилась откуда-то на разсвѣтъ, вмѣстѣ съ Жозею и еще съ какою-то незнакомою Машѣ, но весьма фамиллярною ко всѣмъ, дѣвицею. Всѣ три были мертво пьяны, а Люція даже до безпамятства. Жозю и фамиллярную дѣвицу Адель быстро спрятала куда то. Но Люція бродила по всей квартирѣ, ругаясь площадными словами, утѣлась къ роялю и добрые полчаса колотила по клавиатурѣ кулаками, визжа фабричныя пѣсни. Никто — ни Адель, ни Полина Кондратьевна — не посмѣлъ къ ней подступиться, покуда ее самое не сморило сномъ. Тогда она безъ церемоніи повалилась на кровать Адели и захрапѣла. Маша была увѣрена, что негодяйку немедленно расчитаютъ, но на завтра Люція, какъ ни въ чемъ не бывало, снова служила въ домѣ, и только щеки у нея какъ будто немножко поприпухли, да глаза покраснѣли, заплаканные... Вообще, правда дома начала сквозить изъ-за временныхъ декорацій его очень ярко: Лусьеву считали благопріобрѣтенною уже настолько крѣпко, что очень далеко прятать карты отъ нея не стоитъ...

XVIII.

Въ одинъ роковой день, тоже послѣ ночевки въ домѣ Рюлиной, Маша, ненарокомъ, изъ сосѣдней комнаты, подслушала

странный дѣловой разговоръ между Аделью и утреннимъ визитеромъ, нѣкимъ господиномъ Криккелемъ, — пшотомъ и дѣльцомъ, всему Петербургу извѣстнымъ, необходимымъ въ каждомъ пикарномъ кружкѣ и клубѣ, въ каждомъ громкомъ предпріятіи, въ каждой модной забавѣ. Столица еще не успѣла разобрать, кто онъ — капиталистъ или мошенникъ. Въ газетахъ его величали „финансистомъ“, а люди опытные усматривали въ немъ вызрѣвающий „прокурорскій фруктъ“. Но онъ шелъ въ гору, и настоящіе финансовые тузы-дѣльцы смотрѣли на него, туза-аплике, уже довольно благосклонно. Ему очень хотѣлось проникнуть интимно въ тѣсный кружокъ Сморчевскаго и Фоббеля, и онъ дѣлалъ для этого множество шаговъ, заигрываній, усилій.

— Не могу, Оттонъ Эдуардовичъ, — говорила Адель. — Честное слово, не могу. Вы знаете, я для васъ, по старой дружбѣ, готова на все, что угодно. Но вѣдь я не хозяйка. А Полина Кондратьевна — кремень: знаетъ только свой *prix fixe*. По полтораста на рыло, за Люлюшку три „сотерна“. *Entweder — oder*. Если я сдѣлаю вамъ уступку, мнѣ придется доложить изъ своихъ: „генеральша“ у насъ строгая...

— Дьявольски дорого, Адель.

— Что же дѣлать? На то мы рюлинскія. Буластиха или Перхунова устроить дешевле. Подите къ нимъ. А то Юдишь...

— Все это, Адель, я знаю, да — что пустяки болтать? Не тотъ шикъ...

— А если шикъ нуженъ, не скупитесь.

— Да! не скупитесь! У меня миллионъ нѣтъ.

— Будутъ.

— Вашими бы устами медъ пить. И за что такъ дорого? Ну, за что? Только что посидятъ за столомъ въ самомъ избранномъ обществѣ, скушаютъ отличный ужинъ, проведутъ весело время...

(Въ 1902 году московскій оберъ-полицеймейстеръ обратилъ

вниманіе на странный новый классъ женщинъ, приличныхъ по имени, званію, состоянію, живущихъ на хорошихъ квартирахъ одиноко или полуодиноко и почему-то выставляющихъ на доскѣ подъѣзда вымышленную фамилію — не ту, что значится въ паспортѣ и домовоѣ книгѣ. По разслѣдованію причинъ, вызвавшихъ въ свое время приказъ, тоже усердно цитированный газетами, оказалось, что ложныя имена псевдонимныхъ дамъ хорошо извѣстны въ міркѣ шикарныхъ сводницъ, ходоубицъ и богатыхъ прожигателей жизни. Дамы откровенно признавались, что источникомъ средствъ къ жизни являются для нихъ ужины въ веселыхъ мужскихъ компаніяхъ, къ которымъ приглашаютъ ихъ, черезъ разныхъ посредниковъ и посредницъ, московскіе кутилы и, въ особенности, наѣзжіе „бразилъянцы“: дѣльцы и жуиры изъ провинціи. Это — уже *demimonde*, но нѣтъ уликъ и „состава преступленія“, чтобы причислить ужинающихъ дамъ къ проституціи. На первомъ показномъ планѣ здѣсь — веселое времяпровожденіе, а торговля полоть такъ ловко тушуетъ за флиртомъ и ухарскимъ житьемъ, что многія профессиональныя *soupeuses* совершенно искренно считаютъ себя женщинами хотя шальными, безумными, порочными, но отнюдь еще не падшими и продажными. Въ Петербургѣ классъ этотъ особенно быстро и широко развился въ послѣдніе годы, когда роскошь модъ, прогрессируя съ каждою зимою, передѣлала множество слабыхъ семей въ *menages à trois*, составляющіяся изъ жены, мужа и богатаго содержателя или богатыхъ содержателей, платящихъ счета за туалеты. Въ числѣ извѣстныхъ *soupeuses* много наѣзжихъ провинціалокъ, при чемъ югъ оказывается наиусерднѣйшимъ поставщикомъ.)

— А вамъ бы еще чего? — засмѣялась Адель. — Ишь, баловникъ! А сидѣть съ вами, кутилами безобразными, развѣ не трудъ? Изъ вашего брата теперь озорники пошли хуже, чѣмъ изъ купцовъ. Вонъ — Бажоевъ, чортъ старый, третьяго

дня Жозѣ на платьѣ бутылку шамбертена опрокинулъ... Платьѣ триста рублей стоило, а его бросить надо: хуже этихъ бургонскихъ винъ нѣтъ, ни за что пятно не сойдетъ... А получила-то я тѣ же полтораства...

— Не врите, Адель, — ужъ, навѣрное, Бажоевъ заплатилъ...

— Да, онъ-то заплатилъ, потому что онъ ужасно какой благородный, а другой не заплатитъ, и ничего съ него не возьмешь. Насъ обидѣть легко... Мы не хористки, не кокетки, скандала поднять не смѣемъ, должны репутаціей дорожить...

Криккель считалъ:

— Слѣдовательно, вы, Эвелина, Жозя — по полтораства, да Люлю триста... семьсотъ пятьдесятъ... Уфъ, даже въ жаръ бросаетъ!...

— Можетъ быть, Люську къ концу ужина привезти?

Криккель оживился:

— Эту? Горничную-то? Которая русскую пляшетъ и пѣсни поетъ? Привезти, непременно привезти! Панамидзе отъ нея безъ ума...

— Двѣсти пятьдесятъ рублей, — сказала Адель.

Криккель инда крякнулъ.

— Это почему же?

— Для круглости счета. Чтобы ужъ ровно тысяча.

— Но за что?

— За оригинальность.

— Вы цѣните эту особу выше себя самой?

— Нашей сестры въ Питерѣ много, а Люська — въ своемъ родѣ, единственный экземпляръ.

— Полно, пожалуйте. Кого вы морочите? На Никольскомъ рынкѣ, — вотъ гдѣ прислугу нанимаютъ, этихъ ванпихъ Люсекъ — прямо изъ деревни — сколько угодно.

— Вотъ и поищите себѣ Люську на Никольскомъ рынкѣ,

— спокойно сказала Адель, — а наша пусть останется при насъ.

— Тьфу! Ну, только ради Панамидзе... человѣкъ-то больно нужный...

— Не скаредничайте, не жалѣйте, — ласково говорила Адель. — Вѣдь ужъ не даромъ вы затѣяли этотъ ужилъ. Истратите двѣ-три тысячи, а дѣлишекъ обдѣлаете на сто. Такъ не грѣхъ за то побаловать и насъ, бѣдненькихъ...

— Скидки не будетъ?

— А ни-ни. *Prix fixe*. Съ какой стати? У насъ клиентуры — хоть отбавляй. И то придется обидѣть кого-нибудь для васъ. Ей Богу, всѣ вечера расписаны на двѣ недѣли впередъ.

— Министръ вы, Адель.

— Да, ужъ министръ ли, нѣтъ ли, а денежки пожалуйте.

— Но я буду надѣяться: все будетъ аккуратно и благо-родно?

— Такъ, что благодарить прѣдете и браслетъ мнѣ отъ Фаберже привезете.

— И ужъ безъ всякихъ гримасъ, обидъ, жеманствъ и фокусовъ?

— Говорю: браслетъ привезете.

XIX.

Криккель уѣхалъ. Проводивъ его, Адель замѣтила за дверью растерянную, встревоженную, недоумѣлую Машу.

— Ага, ты слышала... — хмурясь, сказала она (въ послѣднее время всѣ молодыя женщины въ рюлинскомъ домѣ сошлись на „ты“). — Ну, что же? Очень жаль... То есть, правду-то говоря, вовсе не жаль, а отлично. Я очень рада, что

такъ вышло, наконецъ... Мнѣ смертельно надоѣло кривляться. У Полины Кондратьевны свои расчеты играть съ тобою въ жмурки да прятки. А, по моему, напрасно; давно пора — карты на столъ и въ открытую.

— За что ты требовала съ Криккеля тысячу рублей?

— За то, что мы — ты, я, Жозя, Ольга, Люція, — сдѣлаемъ ему честь, поужинаемъ съ нимъ и съ его пріятелями.

— А больше... ничего?

Адель сухо улыбалась.

— *Vous avez un esprit mal tourné.* Больше, покуда, ничего.

Она ударила Машу по плечу.

— За больше, Люлюшенька, и сдеремъ больше.

Но Маша серьезно смотрѣла ей въ глаза.

— Потомъ — какъ же это? Насъ ужинать зовутъ — и Люцію съ нами? Горничную? Стало быть, мы на одной съ ней доскѣ?

Адель съ досадою тряхнула головою.

— Ахъ, какой аристократизмъ напалъ внезапный!... Да тебѣ-то что? Если это ихъ капризъ? Вѣдь ты слышала, какія деньги платятъ... И притомъ можешь успокоиться, Люцію зовутъ совсѣмъ не ужинать, а послѣ ужина — проплясать русскую и спѣть нѣсколько ея глупыхъ пѣсенъ...

— Но она не умѣетъ пѣть. У нея и голоса-то нѣтъ, визгъ какой-то...

Адель согласилась:

— Совершенно вѣрно, что не умѣетъ и визгъ... Но вотъ, поди же: находятся дураки, которымъ это нравится, и Люська сейчасъ положительно въ модѣ.

И прибавила нравоучительно:

— Мужчины вѣдь удивительно глупый народъ. Чортъ знаетъ что иной разъ ихъ прельщаетъ. Ну, Люська хоть кра-

сивая, — и лицомъ, и фигуурою вышла... А то жила тутъ у насъ, у Полины Кондратьевны гостила, одна киргизская или бурятская, что ли, княжна... Да врала, небось, что княжна, — такъ азиатка изъ опойковыхъ. Ростомъ — вершокъ, дура-дурой, по-русски едва бормочетъ, лицо желтое, какъ пупавка, глаза враскосъ... И что же ты думаешь? Отъ поклонниковъ отбоя не было. Первый же твой Сморчевскій съ ума сходилъ... „Ахъ, — кричить, — это изъ Пьера Лоти!... „Дайте мнѣ женщину, женщину дикую“... Кризантѣмъ!... Раррагю!“... Много онъ тогда на нее денегъ ухлопалъ...

Мама, не слушая, рѣзко прервала:

— Ты и съ Сморчевскаго такъ берешь? И съ Фоббея? И съ Бажоева?

— Конечно. Чѣмъ они святѣе другихъ? Со всѣхъ.

Мама подумала и всплеснула руками.

— Но, Адель! Мы бываемъ въ разныхъ компаніяхъ такъ часто... Если ты берешь за это деньги, значить, ты ужасъ сколько получаешь.

— То есть, не я, — поправила Адель. — Я тутъ рѣшительно ни при чемъ... Получаетъ Полина Кондратьевна, а я только ея довѣренное лицо. Да, старуха зарабатываетъ очень хорошо.

— А мы?

— Что „мы“?

— Мы ничего не получаемъ?

— Какъ ничего? — засмѣялась Адель. — А это что?

Она дернула за рукавъ Машина платья, коснулась браслета на рукѣ, ткнула указательнымъ пальцемъ на брошь.

— А это?.. это?.. это... А шесть тысячъ подъ вексель?.. Развѣ мало затратъ?.. Вотъ она ихъ и возвращаетъ, — и согласись, что очень деликатно: ты вотъ и сама не знала, какъ ей отработывала...

— Адель, ты поражаешь меня!.. я совсѣмъ растерялась въ мысляхъ... Я думала, что Полина Кондратьевна...

— Даромъ бросить на тебя деньги? — захохотала Адель. — За что же это? Гдѣ ты видывала такихъ благодѣтельницъ рода человѣческаго?

— Я думала, что она просто — потому, что мнѣ симпатизируетъ... А тутъ выходитъ какой-то промыселъ...

— Да что ты — малолѣтняя, что ли? Гдѣ и когда бывало, чтобы за симпатію давали тысячные кредиты? Если Полина Кондратьевна рискуетъ на тебя рублями, то, конечно, имѣетъ свой расчетъ, ищетъ получить съ тебя прибыль...

— Ужасно, ужасно, что ты говоришь, Адель!.. Это — какъ во снѣ!.. Тебя ли я слышу?.. Ты прежде мнѣ говорила не то, совсѣмъ не то...

— Мало ли что было прежде? — огрызнулась Адель. — То — прежде, а то — теперь. Да и что тутъ во всемъ, что ты слышала, удивительнаго? И изъ-за чего ты такъ кипятишься? Кабы мы заставляли тебя дѣлать что-либо постыдное... А то вѣдь, сознайся, ни къ чему такому мы тебя не приглашали и не принуждали... И не намѣрены...

— Извини меня, Адель, но, все-таки, наши ужины, разъ они за деньги, это — что-то очень нехорошее... Если бы я знала, что всѣ эти камни и платья приобрѣтаются такою цѣною, то лучше бы ихъ не было...

— Ну, милая, — холодно возразила Адель, — объ этомъ было нужно раньше думать и спрашивать, а теперь вонъ сколько на тебѣ понавѣшано... Да и что ты въ самомъ дѣлѣ — все на меня да на Полину Кондратьевну? А сама ты? Развѣ не брала денегъ у Сморчевскаго съ Бажоевымъ? Вѣдь знаю я...

Маша бормотала, разводя руками:

— Я просто не знаю... Что же это? Я теперь буду стыдиться въ глаза смотрѣть Сморчевскому... и тѣмъ другимъ...

Если наше общество можно покупать за деньги, кто же мы для них оказываемся? Что они о нас думают? Какая же разница между нами и кокотками?

Адель зло закусила губу.

— Та разница, — язвительно сказала она, — что, если бы ты была кокотка, тебѣ не платили бы триста рублей только за то, чтобы ты сидѣла за ужиномъ въ *cabinet particulier* и плела пьянымъ дуракамъ демивъержные разговоры. Ты, покуда, порядочная барышня изъ общества, за это ты и въ цѣнѣ*).

— А почему же для себя, для Ольги, для Жюзи ты выговариваешь только половину.

Лицо Адели исказилось невеселой усмѣшкой.

— Вѣроятно, потому, что мы не имѣли счастья такъ хорошо сохраниться, какъ ты.

— Адель!

— „Будто мы кокотки“, — передразнила Адель. — Ну, и конечно кокотки!... А кто же еще? Это я не знаю, какою дурою надо быть, чтобы не разобрать, что мы кокотки!...

— Ты просто съ ума сошла и не знаешь, что говоришь.

— Нѣтъ, я-то въ своемъ умѣ, а вотъ ты — удивительно наивная... особа.

— Можешь врать, что угодно. Я дѣвушка. Я знаю, что я не кокотка.

Адель насмѣшливо присѣла.

— Съ чѣмъ и поздравляю. Честь вамъ и мѣсто.

— Да и на себя, и на нихъ, на Жюзи и Ольгу, — я ума не приложу, — зачѣмъ ты взводишь такое страшное? Вѣдь клеветашь!...

— Кой чортъ, я клевету? — и озлилась, и захохотала

*) См. примѣчаніе выше — *les soupeuses*.

Адель. — Нѣтъ, Люлюшка! — Думала я, что ты глупа, но все же не до такой степени.

И быстрымъ, рѣзкимъ, циническимъ языкомъ своимъ она пустилась разоблачать передъ Машею до конца всю подноготную страшнаго дома...

XX.

Бросилась Маша къ Ольгѣ Брусаковой и, къ счастью, застала ее дома и одну. Та, съ первыхъ же словъ, даже съ удовольствіемъ и облегченно какъ-то подтвердила ей всѣ рассказы и признанія Адели.

— Ничего, Машенька, не подѣлаешь, — говорила она, лежа на кушеткѣ въ полутемной своей комнаткѣ и попыхивая папироскою. — Это петля. Тебя такъ захлестнули, что не вырваться. Ты у нихъ вся въ рукахъ: что хотятъ, то съ тобою и сотворять. Вотъ — попробуй, откажись ѣхать на ужинъ къ Криккелю...

— Да, и не поѣду! Неужели ты можешь думать, что поѣду... послѣ всего, что теперь знаю? — стиснувъ зубы, мотая головою, твердила Маша...

Ольга уныло возразила:

— Ну, и скрутятъ тебя въ бараній рогъ.

— Да чѣмъ же, наконецъ? Что онѣ могутъ мнѣ сдѣлать?

Ольга только рукою махнула,

— Все. Говорю тебѣ: все. Вексель твой, ты сказывала, у Полины лежитъ?

— Я не знаю... У нея или въ банкѣ, что ли, какомъ-то...

— Вреть: у нея. Ну, вотъ тебѣ и — чѣмъ.

— Я несовершеннолѣтняя, съ меня искать нельзя. Я Сморгчевскаго — такъ обиняками — выпытывала, а онъ, сама знаешь, какой знаменитый юристъ... Онъ говорить, что не

только векселя несовершеннолѣтнихъ недѣйствительны, но еще, если ты берешь вексель съ завѣдомо несовершеннолѣтней, то тебя можно судить. Стало быть, по векселю имѣ съ меня ничего взять нельзя.

— Да, деньгами нельзя... Но вѣдь ты забыла: вексель-то твой — не твой, а отцовскій.

— Ну?

— Значить, онъ фальшивый.

— Какъ ты странно выражаешься... Развѣ я стала бы писать фальшивые векселя? Неужели я способна? Адель и Жозя увѣряли меня, что вексель никогда не будетъ представленъ ко взысканію. Такъ что — отецъ написалъ, я ли, — это все равно... только форма...

— Очень вѣрю, что никогда не будетъ представленъ ко взысканію, но лишь въ томъ случаѣ, если ты будешь слушаться Полину и Адель во всемъ, что онѣ тебѣ прикажутъ. А если ты вздумаешь сопротивляться, вексель увидитъ свѣтъ. И тогда судъ не станетъ разбирать, почему онъ фальшивый, довольно и того, что фальшивый. А это уголовщина, за это въ Сибирь. Ну, засудить-то тебя, по молодости и глупости твеей, пожалуй, не засудятъ, — но все равно: куда ты послѣ такого дѣла годишься? Скандалъ, срамъ, газеты разслаивать... Одно средство: можетъ быть, отцу признаешься? Можетъ быть, онъ заплатитъ, не доводя дѣла до огласки?

Маша съ ужасомъ покачала головою:

— Откуда ему взять такія деньги? Да никогда и не признаюсь я ему... что ты!.. Онъ меня убьетъ!.. Какъ я смѣю? Не одна я у него: два брата... Заплатить — значитъ нищими стать, въ конецъ, до послѣдней нитки разориться.

Ольга согласно кивала въ тактъ ея словамъ.

— Я такъ и понимала. Конечно, разореніе и скандалъ. Изсрамать тебя, а срамъ на семью падетъ. Пожалуй, отцу и

должности пришлось бы лишиться... А уже о тебѣ самой, — повторяю тебѣ, нечего и говорить: если и оправданная выйдешь изъ суда, дорогъ тебѣ, „подсудимой“, дальше нѣтъ, — ни службы, ни занятій, ни замужества порядочнаго... Слѣдовательно, одинъ выборъ: въ кокотки же — больше некуда!.. Ну, и стало быть, какъ ты тогда ни вертись, а опять къ нимъ же придешь, — къ Полинѣ Кондратьевнѣ съ Аделью, либо того хуже — къ Буластихѣ какой-нибудь или Перхунихѣ... Либо запутаешь тебя, одинокую и безъ грошика, какая-нибудь простая факторша, отъ нихъ же ходебщина... Я, Машенька, знаю: у меня самой съ Полиною другіе счеты, моя кабала по-иному строена, а видать, какъ онѣ съ другими такое мастерили, видала не разъ... Комаръ носа не подточить, — вотъ какъ! Да! Связана ты, голубчикъ, этимъ векселемъ проклятымъ по рукамъ и ногамъ!.. Да и однимъ ли векселемъ? Видѣла я: хвасталась мнѣ Аделька, въ какихъ позахъ она тебя наснимала!.. Хороша и ты тоже, Марья, — нечего сказать, есть за что тебя хвалить: такую мерзость надъ собою допустила!..

— Да что же я могла? И какъ было мнѣ ожидать?

— Ну, милая, — строго возразила Ольга, — какая ни будь ты наивность, а есть же у женщины и природный стыдъ. Настолько-то соображенія должна имѣть дѣвушка и сама, безъ чужой указки, чтобы понимать, что если ее фотографируютъ, чортъ знаетъ какъ, съ мужчиною, то добра изъ этого не выйдетъ...

Маша широко раскрыла глаза.

— Съ мужчиною? Я фотографировалась съ мужчиною?

— Съ Мutowкинѣмъ. Видѣла снимки своими глазами.

— Съ Мutowкинѣмъ? Ольга, ты бредишь! Я никогда никакого Мutowкина не знала.

— Ну, какъ не знала? Даже замужъ за него собиралась...

— Ремешко?

— Ну, да, по паспорту Ремешко. А по-нашему, по-рюлинскому, по-буластовскому и такъ далѣе, Мutowкинъ... Кличка его такая въ этомъ міркѣ...

— Ты видала мой портретъ съ нимъ вмѣстѣ?

— Да еще какой, — смотрѣть стыдно!..

— Ольга, я клянусь тебѣ всѣмъ, что свято: я никогда не снималась вмѣстѣ съ Ремешко. Даже и въ мысляхъ не имѣла подобнаго!.. Даже и разговора о томъ между нами не было!..

Ольга воззрилась на подругу съ любопытствомъ.

— Тѣмъ хуже, — протяжно сказала она. — Значить, васъ, голубчиковъ, Аделька фотографировала, — конечно, по уговору съ тѣмъ мерзавцемъ, — когда ты не подозрѣвала... Тѣмъ опаснѣе... Эхъ, Маша, Маша!.. Не ждала я отъ тебя, что ты такъ легко скрутишься!.. И какъ только угораздило тебя унизиться? Вѣдь прохвость же онъ, на рождѣ у него написано, что прохвость!..

— Ольга, — кричала Маша, хватаясь за виски, — что ты говоришь? Объяснись! Какъ унизиться? Что тамъ у нихъ на карточкѣ? Я ничего, — ну, слышишь ли ты: ровно ничего изъ всѣхъ твоихъ словъ не понимаю!.. Никогда, — вѣришь? — никогда между мною и Ремешко не было ничего стыднаго и неприличнаго!

— Ты не врешь?

Глаза Ольги загорѣлись тревожнымъ любопытствомъ.

— Никогда!.. Никакой близости, интимности!.. Нельзя было, нечего было фотографировать съ насъ компрометантнаго!

— Откуда же взялась фотография?

— Я не знаю, но — чѣмъ хочешь буду божиться!.. Да и зачѣмъ мнѣ теперь врать?.. И, наконецъ, самъ онъ, Ремешко,

хотя оказался потомъ дурнымъ человѣкомъ, но я рѣшительно не могу на него жаловаться: онъ велъ себя совсѣмъ не такимъ, — былъ всегда очень приличный, скромный, почтительный...

Ольга нахмурилась.

— Ну, а на портретъ вашемъ этотъ скромный и почтительный сидитъ на кровати, безъ сюртука, въ разстегнутомъ жилетѣ, а ты — лежишь у него на колѣняхъ, въ костюмѣ праматери Евы...

Маша остолбенѣла.

— Это безуміе какое-то!.. — сказала она такъ искренно, что Ольга сразу увѣрилась въ ея правдивости. — Я? я? Ты увѣрена, что я?

— Какъ въ томъ, что сейчасъ тебя вижу.

— Можетъ быть, похожая на меня какая-нибудь?

— Ну, вотъ! Не знаю я тебя? Ты, Маша. Даже родимыя пятнышки твои всѣ обозначены, чтобы и сомнѣнія не оставалось.

Маша, усталая отъ волненія, присѣла у ногъ Ольги, почти въ суевѣрномъ трепетѣ какомъ-то.

— Я не знаю, что... Это колдовство! — воплемъ вырвалось у нея. — Онѣ волшебницы!.. такъ просто, человѣческими средствами, нельзя этого сдѣлать...

— Поддѣлать-то, положимъ, можно, — возразила Ольга. — Даже очень легко. Обыкновенное средство, которымъ разные негодяи-лоботрясы дурачатъ ревнивыхъ мужей: берутъ неприличную карточку подходящаго размѣра, приклеиваютъ женской фигурѣ голову съ портрета дамы, которую хотятъ компрометировать, переснимаютъ на новую пластинку, ретушируютъ, — и готово... Но это уже старая штука, на это, кромѣ сумасшедшихъ отъ ревности, теперь никого не поймашь. И экспертизы не надо, чтобы разобрать, что фотографировано съ натуры, что переснято съ рисунка или фотографіи... Я бы

сразу отличила. И вотъ то и ужасно, и удивительно выходитъ, что, какъ ты ни спорь, а фотографіи дѣланы съ тебя, съ живой тебя...

— Волшебницы! — шептала Маша.

Ольга что-то соображала.

— Нѣтъ, не волшебницы, — медленно сказала она наконецъ, — а это — твой обморокъ, вотъ что. Помнишь?

— Да, да... — пролепетала Маша. Мыслье ея прояснились. Она вспомнила и свое долгое безпамятство, и странное общее смущеніе, когда она очнулась.

— Несомнѣнно! Въ обморокъ сняли. То-то у тебя тамъ глаза полужакрыты!.. Да! Въ обморокъ! Ловки, нечего сказать!

Ольга въ волненіи вскочила съ кушетки.

— Я думала тогда, что тебя опоили для еще худшаго. Оказалось, нѣтъ. Онѣ тебя для кого-то берегли и берегутъ. Потому такъ долго и комедіи съ тобою тянули. А безпамятство твое понадобилось именно для того, чтобы нахлопать съ тебя компрометантныхъ снимковъ...

— Но, значить, этотъ Ремешко... или — какъ ты его? — Мутовкинъ... тоже изъ ихъ компаніи и заодно съ ними?

— Еще бы! А ты какъ думала? Давній прихвостень. На жалованіи и сдѣльную плату получаетъ. Извѣстный „пробочникъ“.

— Какъ?

— „Пробочникъ“. Такъ эти господа у госпожъ Рюлиныхъ называются. Онъ-де пробку изъ бутылки вытягиваетъ, а мы вино выпьемъ...*) Его обязанность — заманить въ долгъ или опозорить дѣвушку такъ, чтобы ей потомъ выхода не осталось, чтобы она вся очутилась въ лапахъ у Полины Кондратьевны.

*) *Живаревъ, 21. Генне-Амъ-Ринъ. Commenge. 338, 347.*

Ты думаешь, я умнѣ тебя? не считалась когда-то въ его невѣстахъ? Было, другъ!... Тебя вотъ ругаю, а сама во дни оны въ такую лужу, по его милости, сѣла, что страшно вспомнить!.. куда хуже твоего! Было, всего было... Это его должность, Мутовкина, по генеральшиной методѣ, разыгрывать богатаго влюбленного, чтобы мы, дуры, не боялись ей должать... Ну, что же? Мастеръ! Разигрываетъ джентльмена и креза. — лучше невозможно, надо къ чести приписать!.. Но какъ только заберется наша сестра у Полины выше ушей своихъ да выдастъ какой-нибудь красивый документикъ, въ родѣ твоего, тутъ конецъ его роли: онъ исчезаетъ, яко воскъ отъ лица огня... Онъ нуженъ, чтобы петлю надѣть, а затягиваютъ уже безъ него. Ему даютъ сотню, двѣ, три — и отправляютъ изъ дома, подальше отъ скандала... Ты не безпокойся: еще насладишься обществомъ этого душеньки!.. Не тебя первую, не тебя послѣднюю „генеральша“ ловить... увидитесь!..

— Я плюну ему въ глаза, — сказала Маша.

Ольга горько засмѣялась.

— А онъ скажетъ: Божья роса. Увидишь его! Самый подлый звѣрь.

XXI.

Маша рыдала.

— Оля, Оля!.. Какъ же тебѣ-то не грѣхъ и не совѣстно? Какъ же ты-то — все знала о нихъ и меня не остерегла?

— Я ли тебя не предупреждала? — грустно отозвалась Брусакова. — Что ты говоришь? Я вся извертѣлась передъ тобою въ намекахъ, а ты, — нѣтъ, все не хочешь понимать, всѣмъ вѣришь больше, чѣмъ мнѣ. Въ старуху влюбилась, въ Адель влюбилась, въ Жозьку-поганку... На меня же за нихъ кошкою фыркала! Развѣ я виновата, что тебя Богъ догадливостью обидѣлъ, а чортъ тебѣ глаза слѣпотою застлалъ?

— Но зачѣмъ же было намеками и обиняками? Ты бы прямо, на чистоту...

— То есть, такъ-таки вотъ сразу и признаться тебѣ: бѣги, Машенька, отъ насъ, куда глаза глядятъ, мы всѣ здѣсь распутныя и тебя ловимъ, чтобы сдѣлать такую же, какъ мы?.. Ну, голубчикъ, духа не хватило!... Я тебя очень люблю, но пожертвовать собою, чтобы ты такъ ужъ все знала про меня... нѣтъ, этого я не могу!.. стыдно очень, себя жаль!..

— Да, вѣдь, Оля, — теперь же вотъ, все равно, открылись всѣ ужасы эти...

— Э, теперь! — страдальчески морща лобъ, отозвалась Ольга. — Теперь мнѣ все равно!.. Обѣ въ одной ловушкѣ сидимъ... теперь мнѣ тебя не стыдно... Примѣрай по себѣ: въ состояніи бы ты была признаться во всемъ, что съ тобою сейчасъ происходитъ, — кого бы назвать изъ нашихъ порядочныхъ подругъ? — ну, хоть Катѣ Заряновой?

— Ни за что на свѣтѣ!.. Сохрани Богъ!.. Лучше умереть!..*)

— Ну, а со мною ты говоришь очень просто, по-дѣловому... и съ Аделью будешь говорить, и съ Жозькою, и съ Люською... и съ другими. Да! Порядочная ты очень была, стыдилась я тебя безмѣрно... и никакъ этого стыда не одолѣешь. Жалость сильна, а онѣ и жалости сильнѣе... Ну, а потомъ, если ужъ всю правду до конца говорить, то я, Маша милая, и за намеки-то мои тебѣ сколько разъ бита!

— Бита?

— Да, бита... — всхлинула Ольга. — Ты не удивляйся: у насъ это часто и скоро. Я и пригласить то тебя въ домъ къ „генеральшѣ“, согласилась только съ битья; цѣлыя двѣ недѣли отвиливала, отговаривалась, врала небылицы и на тебя, и на

*) Ломброзо, 450—451. Parent Duchatelet, I, 111, 112, Дальтонъ, 53. Мартино, 66, 67.

себя, почему ты не можешь придти... Ну, Аделька, — вѣдь все это несчастье началось съ той нашей встрѣчи на Невскомѣ, — выслѣдила какъ-то, что я плутую, подвела, наядбедничала, — отъ старухи сейчасъ же мнѣ таска!.. А помнишь, какъ ты провралась, что я отговаривала тебя входить въ долги? „Генеральша“ тогда полчаса истязала меня у себя въ спальнѣ... У нея система: сама съ комфортомъ въ кресла садеть, тебя на колѣни передъ собою поставить, кольца съ пальцевъ своихъ снимаетъ, — чтобы убойныхъ знаковъ не дѣлать, — и пошла лупить со щеки на щеку...

— И ты давалась?

— Да — что же я могу? Ужъ лучше пусть бьетъ наединѣ... А то позоветъ Адельку, Люську, велитъ держать... еще хуже!.. и срамъ...

— Я бы скорѣе ее убила, себя!..

Ольга взглянула на Лусьеву съ сомнѣніемъ.

— Не убьешь... — проворчала она.

— Нѣтъ, убью!

— Не убьешь! слышали мы! Это только говорить, дружокъ, легко, что убью. И я когда-то кричала: ее зарѣжу, сама утоплюсь! Ты думаешь, однѣ мы съ тобою у нея? Мало другихъ, такихъ же закабаленныхъ? погоди, теперь отъ тебя прятаться перестанутъ, — перезнакомитесь!.. И всѣ-то — всѣ до единой — вопили въ свое время: убью!.. убьюсь!.. Но ни въ каторгу, ни на позоръ судебный, ни на тотъ свѣтъ раньше времени, какъ видно, идти никому не въ охоту... Такъ что убила-то себя покуда только одна Розя Пантормова... Помнишь Розю? Въ Озеркахъ, на вокзалѣ блистала... Навѣрное, помнишь!.. Впрочемъ, тому уже года четыре... Ты тогда еще дѣвочкою была...

— Въ Озеркахъ? Позволь... Брюнетка?.. Дочь свя-

щенника?... Помню!.. Говорили, что она отравилась отъ несчастной любви...

— Никакой несчастной любви не было. Просто, попала въ силокъ къ „генеральшѣ“, какъ и мы, грѣшныя. Розя хорошенькая была, живая, съ образованіемъ, неглупая, правилась мужчинамъ ужасно. Торговала ею Полина широко... А та пылкая, гордая, гнѣвная. Неволю-то нести надоѣло... ну, да и зазналась: думала, что очень ужъ необходима она генеральшѣ, можетъ пошвыривать ею, какъ хочетъ. Адели страшно грубила, ненавидѣла та ее. Въ одинъ прекрасный день Розя совсѣмъ взбунтовалась. Довольно, говорить, вы мою кровь пили, хочу на волю, больше я вамъ не слуга!.. Старуха съ Аделью на нее съ кулаками, съ дрекольемъ, а Розя револьверъ вынула... онѣ и осѣли... Ушла побѣдительницею. А дней десять въ своей комнатѣ да къ слѣдующему утру душу Богу и отдала... Да! Вотъ что!*)

— И ты на такой же цѣпи, какъ я... и всѣ? — тихо и робко спросила Марья Ивановна.

Ольга угрюмо поникла головою.

— Болше, чѣмъ всѣ. Она меня хоть въ ступѣ толки, хоть масло изъ меня жми, — я бороться не смѣю. Я изъ рабынь рабыня. Ну, да объ этомъ лучше и не спрашивай!.. Велить воровать — буду воровать; велить сводничать — должна сводничать!.. У меня сердце кровью обливалось, когда ты пошла на ихъ удочку, а раскрыть тебѣ весь планъ и ужасъ ихній я все-таки не смогла... страшно!.. Ужъ очень тоже одинъ мой секретъ у нея въ шкафу запаанъ... И — вотъ что, Маша: до сихъ поръ я, хоть и робко, но все возстановляла тебя противъ нихъ. Ты не слушала, завязала... Ну, а теперь я сама тебѣ говорю, первая: не убереглась ты, — такъ лучше

*) *Петербургскій фактъ.*

повинуйся, дѣлай, что велятъ... сопротивляться ты опоздала! Если ты озлишь „генеральшу“, она погубитъ тебя, какъ муху, — раздавить, и мокро не останется. Если же слушаться ея, не фордыбачить, то она — пожалуй, еще и не изъ худшихъ мерзавокъ по своей части. Секретъ держать хорошо, — объ Аделькѣ нечего и говорить: могила! — и обращается недурно. Безъ толку не дерется, вѣдь другія бываютъ ужасныя, словно не люди, а звѣри ихъ родили! — въ деньгахъ карманныхъ, въ кредитѣ, въ вещахъ никогда отказа нѣтъ. Но чуть ты вздумала явить передъ нею свою волю, — шабашъ: за малую вину избѣесть смертнѣмъ боемъ, за серьезный бунтъ загубить, какъ Розю Пантормову... Она, когда молоденькая была, то, говорятъ, у графа Иринскаго, покровителя своего, въ имѣніи крѣпостныхъ собственноручно порола, а теперь мы у нея вмѣсто крѣпостныхъ. Она одной Адели только и боится, потому что — одного поля ягода, и та, по натурѣ, сама чортъ хуже ея...

XXII.

— Что же? — признавалась своимъ слушателямъ Марья Ивановна. — Я не героиня... характера у меня нѣтъ, трусиха я, дрянъ!.. отстоять себя не сумѣла! Всему, чего отъ меня потребовали, покорилась, на все пошла и сдалась, — а тогда очутилась уже совсѣмъ въ ихъ рукахъ... Да, надо правду говорить — не скрывать: мало-по-малу и сама опустилась, втянулась въ эту подлую жизнь... Натуришка у меня слабая... аппетиты развернулись: и сѣсть я хорошо люблю, и вина отличать стала мастерица, и туалеты изящныя мнѣ подай, и шляпную модель, и камушки... Безъ этого уже досадно и скучно: что за жизнь, если нѣтъ? — какъ это — у другихъ все есть, а у меня вдругъ не будетъ?

(Въ Петербургѣ ловушка затыгиванья въ проституцію сперва черезъ „живыя картины“ и задолженіе, потомъ черезъ шантажъ, работала въ началѣ девяностыхъ годовъ настолько открыто, что, когда первая половина „Марьи Лусьевой“ была уже напечатана, извѣстный столичный журналистъ Д. А. Линевъ-Далинъ прислалъ мнѣ старую, пожелтѣлую вырѣзку изъ „Новаго Времени“ съ фельетономъ покойнаго Жителя какъ разъ объ этомъ мрачномъ промыслѣ. Отъ другого, весьма извѣстнаго петербургскаго журналиста, М. М. Кояловича, я получилъ письмо съ вопросомъ, не рассказываю ли я въ „Марьѣ Лусьевой“ исторію нѣкой его знакомой, погибшей, при очень похожихъ условіяхъ, въ шикарномъ петербургскомъ домѣ свиданій на Морской улицѣ? Фамилія дѣвушки оказалась мнѣ совершенно неизвѣстной. Совпаденіе же вымысла съ фактомъ, во всякомъ случаѣ, достойно вниманія и характерно (1904). Да наконецъ, чтобы подкрѣпить мой рассказъ большимъ и привычнымъ литературнымъ авторитетомъ, вспомните молоденькую невѣсту Свидригайлова, сосватанную ему шельмою нѣмкою Ресслихъ, въ расчетѣ, что „я наскучу, жену-то брошу и уѣду, а жена ей достанется, она ее и пуститъ въ оборотъ; въ нашемъ слою, то есть, да повыше“.)

Къ тому же развратъ, какъ его продавала „генеральша“, былъ тонкій, подкрашенный, даже раззолоченный: кліенты ея принадлежали къ самому блестящему кругу Петербурга, — значить, были люди негрубые, — по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ, — хотя поношенные, но элегантныя, съ пріятными манерами и кроткимъ обращеніемъ, ищущіе и въ продажной любви нѣкоторой иллюзіи флирта; такъ что ужасъ своего положенія жертвы госпожи Рютиной, если не очень грызла собственная совѣсть, не ощущали очень назойливо и рѣзко.

Уже болѣе полгода будучи „живымъ товаромъ“, Лусьева тѣломъ оставалась дѣвушкою: „главнаго“ условія женскаго

торга собою отъ нея не требовали очень долго, покуда въ Петербургѣ не пріѣхалъ человѣкъ, которому ее именно въ этомъ „главномъ смыслѣ“ предназначали и, какъ общала Адель, „за большее и содрали больше“. То былъ „стальной король“ изъ Германіи, архимилліонеръ, личность, по рассказамъ Лусевой, мрачная, жалкая и трагическая. Марья Ивановна вспоминала о немъ съ ужасомъ.

— Жестокъ что ли былъ? Безобразничалъ очень?

— Нѣтъ, довольно сдержанный, даже изъ смирныхъ... Но маньякъ. Я съ нимъ сама чуть съ ума не сошла... Вы представьте себѣ: одержимъ боязнью мѣстности!..

— То есть пространства? — поправилъ Лусеву чиновникъ особыхъ порученій.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не пространства, а именно мѣстности. Онъ не въ состояніи оставаться въ одномъ и томъ же городѣ больше недѣли: страхи на него нападаютъ. У него на родинѣ, говорятъ, и дворцы, и виллы чудеснѣйшія, парки, охоты, а онъ мечется метеоромъ безпривязнымъ по земному шару, обогащая отели и промышленницъ въ родѣ Полины Кондратьевны... Болѣзнь свою онъ скрываетъ довольно ловко. Всѣ думаетъ, что вѣчные разъѣзды его — дѣловая горячка: кипитъ-де человѣкъ энергіей, самъ во всѣ свои аферы вникаетъ. Ну, а мы-то, женщины, знаемъ, какая у него энергія! Первые три-четыре дня онъ — ничего себѣ, совсѣмъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, а потомъ, глядь, и пошелъ отъ своего козла бѣгать.

— Это терминъ что ли какой-нибудь особенный изъ вашей... профессіи? — брезгливо осведомился полицеймейстеръ.

— Нѣтъ, какой терминъ? — Просто галлюцинировать онъ, маньякъ: козла видитъ — самого обыкновеннаго козла, чер-

наго, съ бороною. Куда онъ, туда за нимъ и козелъ. Вотъ, вы улыбаются... А я сколько слезъ приняла изъ-за этого козла! Издрожалась вся отъ страха...

— Тоже начали его видѣть?

— Нѣтъ, но ужасно это на нервы дѣйствуетъ — долго быть съ человѣкомъ, которому такъ постоянно, упрямо мерещится!.. Онъ видитъ, а вы не видите... это противно и жутко, если часто. Сперва, правда, только смѣшно, а потомъ начинаютъ мысли приходить: а вдругъ ему не чудится, но онъ въ самомъ дѣлѣ что-то такое настоящее видитъ?.. Ну, и скандала тоже вѣчно ждешь, нервы въ постоянномъ напряженіи, — страшно!..

— Скандалъ-то откуда же?

— Ахъ, мало ли этотъ козелъ поклятый штукъ съ нами выкидывалъ?! Помню: повезли мы съ Аделью его въ Петергофъ — показывать фонтаны... Остались обѣдать у тамошняго „Медвѣдя“... Татары блюда подаютъ, а мой Herr Augustus имъ на ноги косится и глаза кровью налилъ: это значить, — уже привидѣлось ему козелъ, за татарами бѣгаетъ... А то ночью вдругъ зареветъ, какъ волъ. Просыпаюсь, ни жива, ни мертва: пожаръ что ли или рѣжутъ его?.. — Что съ вами? Что случилось?.. Сидитъ на кровати, таращится въ одну точку, весь въ холодномъ поту, брыкаетъ въ воздухъ голыми ногами... Der Bock!.. Der Bock!.. Оказывается, козелъ въ гостяхъ былъ, на кровать лѣзъ и чуть было его не забодалъ... На Иматрѣ онъ у меня, отъ козла удирая, чуть въ водопадъ не очутился. Едва-едва мы съ Люціей успѣли поймать его за фалды...

— Однако!

— Мучительный человѣкъ!

— Вы долго его знали?

— Нѣтъ, гдѣ же? Съ Иматрою, шхерами, съ Ялтою, все-

го три недѣли. И то его главный секретарь, который съ нами ѣздилъ, удивлялся, что такъ долго. Это рѣдкость, чтобы онъ взялъ женщину съ собою въ путешествіе. Вѣдь ему во всѣхъ городахъ, по маршруту, куда онъ направляется, заранее готовятъ новую. И непременно, чтобы дѣвушка. Онъ живетъ съ нею нѣсколько дней, а потомъ возненавидитъ и уже лица ея выносить не можетъ. Меня тоже чуть не задушилъ.

— Даже? За что?

Марья Ивановна, какъ ни была разстроена, а улыбнулась.

— За козла принялъ!

— Чортъ знаетъ что!

— Мало что не убилъ, дуракъ!.. И — главное: гдѣ его угораздило, — на Учанъ-Су. Наконьячился по дорогѣ и пошелъ юродствовать. Придрался: почему въ Учанъ-Су воды мало? Это не хорошій видъ, если въ водопадѣ воды нѣтъ, это недобросовѣстность противъ путешественниковъ!.. И, сдуру, и пошути ему: должно быть, говорю, вашъ козелъ здѣсь былъ и, на зло вамъ, всю воду выпилъ!.. А онъ осатанѣлъ: хватъ меня за горло и къ обрыву тащить!.. Я кричу: „Was machen Sie, Exellenz? Lassen Sie mich! Ich bin kein Bock, ich bin Ihr kleines Schäfchen!“ — „Врешь, всѣ вы одна шайка!.. Ты съ нимъ сговорила!..“. Спасибо, проводники отняли!.. И больше, — какъ отрѣзало, — уже не захотѣлъ меня видѣть. Въ тотъ же вечеръ отчалилъ на своей яхтѣ въ Константинополь.

— А зачѣмъ это вы съ нимъ все по водопадамъ скитались? То на Иматру, то на Учанъ-Су?

—Тоже страсть. Какъ же? Помилуйте, — въ Африкѣ на Замбези былъ, въ Полинезію нарочно ѣздилъ смотрѣть какіе-то горячіе каскады... Должно быть, потому нашъ Учанъ-Су такъ его и разобидѣлъ...

— Какая, однако, ваша жизнь! — съ нѣкоторымъ содроганіемъ сказалъ Mathieu le beau. — Зависѣть отъ подобнаго субъекта!..

— Э! что! небрежно возразила Лусьева, — такихъ ли я чудушекъ видала?!.. Про Бастихова слыхали?

— Это московскій? извѣстный?

— Ну, да. О которомъ слухи ходили — и даже до судебного слѣдствія, будто онъ старуху жену отравилъ послѣ того, какъ выманилъ у нея завѣщаніе на все состояніе — движимое и недвижимое, а капиталу то не много, не мало — пятнадцать миліоновъ! Только это вздоръ: куда ему! Доброй души былъ господинъ и, еслибы не склоненъ былъ въ кутежахъ, скандалить, то и цѣны бы ему не было: не характеръ — золото!.. Путался онъ тоже въ компаніи Фоббеля и Сморчевскаго, но былъ много ихъ шире... Налеталъ къ намъ изъ рѣдка изъ Москвы или провинціи, и тогда начинался у Рюлиной такой пиръ горой, такой шабашъ безумный, что, проводивъ Бастихова изъ Петербурга, мы всѣ съ недѣлю никуда не годны бывали — головою маялись.

Однажды всѣхъ насъ, четверыхъ, ближайшихъ рюлинскихъ, — меня, Адель, Жозю, Люську, — онъ выписалъ къ себѣ на подмосковную дачу, — инженеровъ какихъ-то онъ чествовалъ, съ которыми дорогу, что-ли, строилъ или другое что. Цѣлый дворецъ у него тамъ оказался. А въ оранжереяхъ у него акваріумъ — исполинъ — на сто ведеръ — стекла саженыя зеркальныя. Вотъ — однажды, ради инженеровъ этихъ — какую же онъ штуку придумалъ? Воду изъ акваріума выкачалъ, а налилъ его бѣлымъ крымскимъ виномъ, русскимъ шабли. Самъ онъ и трое гостей кругомъ сѣли съ удочками, а

мы — Жозя, Люська, Адель и я — по очереди, въ акваріумѣ за рыбъ плавали.

Удочки настоящія, только на крючкахъ, вмѣсто червяковъ, сторублевки надѣты... Натурально, боишься, чтобы сторублевка не размокла въ винѣ, ловишь ее ртомъ-то, спѣшишь, — ну, хорошо, если зубами приспособишься. Мнѣ и Адели какъ-то счастливо сошла забава эта, ну, а Люську больно царашнуло, а Жозѣ — такъ насквозь губу и прошло — навсегда бѣлый шрамикъ остался... За то каждая по четыре сотенныхъ схватила. И ужъ пьяны же мы выбрались изъ акваріума — вообразить нельзя. Удивительное дѣло. Вино легчайшее, да и не пили мы ничего, только купались, глотнуть пришлось немного. А между тѣмъ, меня едва вынули, потому что я на дно упала... мало-мало не захлебнулась...

Бастаховъ же стоитъ, руки въ карманы, и хохочетъ:

— Мнѣ, говорить, это — наплевать! — что сабли? Его ведро десять рублей стоитъ. Сто ведеръ — тысяча рублей. Нѣтъ, вотъ, я въ другой разъ купанье изъ *pommery sec* закачу...

Другіе его поддерживаютъ:

— Что же сразу-то не закатилъ? Поскупился?

— Ничего не поскупился. Изъ одной эстетики. Такъ какъ сабли цвѣтомъ бѣлѣе, то — для прозрачности... А коль скоро ты сомнѣваешься въ широтѣ моей души...

Насилу его удержали. Потому что уже скомандоваль было молодцамъ своимъ:

— Выкачивай сабли! Тащи шампанскаго!

Только тѣмъ и отговорили, что „рыбки“ уже совершенно пьяны — „заснули“ — и пускать ихъ въ шампанское больше нельзя: „играть“ не смогутъ. И только вино испортятъ, а удовольствія никакого. Согласился.

— Хорошо! Значить, вѣрите мнѣ на слово, что я это могу?

— Вѣримъ! Вѣримъ!

— Ну, такъ знайте же, что я и еще больше могу!

Съ этими словами беретъ въ углу оранжереи заступъ или ломъ какой-то, да — какъ развернется, хватить...

Дззинь—гrrr! Дззинь—гrr!.. Стекло изъ акваріума къ чорту, и хлынуль винопадъ... Сотня-то ведеръ!.. Все потопилъ... Самого его, дурака, чуть не залило.

Гости бѣгутъ, ругаются, вино — по колѣно, тысячныя растенія пропали, нижнія стекла въ оранжереѣ напоромъ вина высадило, во дворъ каскады полились... Что этотъ Бастаховъ себѣ убытку въ одну секунду надѣлалъ, многими тысячами считать надо. А онъ хохочетъ и радъ:

— Понимаете-ли вы теперь меня? Я — сверхчеловѣческій человѣкъ бѣлокурой расы!

Между тѣмъ у самого бородача черная — пречерная: Пугачевъ живой!..

Рѣдко когда-либо я видала Адель такою веселою, какъ когда мы ѣхали отъ этого Бастахова назадъ въ Питеръ. Значить ужъ чисто ограбила человѣка, — отвалилъ, не пожалѣлъ!.

(Фактъ сей относится къ 1895 году. Герой его умеръ лишь недавно въ Ниццѣ, въ глубокой нищетѣ, еще задолго до революціи совершенно разоренный игрою. Существовалъ на жалую пенсію, которую выплачивалъ ему игорный домъ въ Монтекарло. 1928.)

XXIV.

— Фи! возмущился Mathieu le beau, — какое дикое безобразіе! Охъ, ужъ эта Москва!

— Ну, знаете, и въ культурномъ Петербургѣ не лучше... Еще не похуже ли?.. Есть такіе фокусники-чудодѣи, что Москвѣ и не снились... Князь Мерянскій, напримѣръ... Не знаете?

— Одинъ Мерянскій, Гриша, былъ со мною въ Правовѣдѣніи. Неужели онъ?

— Нѣтъ, того звали, помнится, Валеріаномъ... А у насъ онъ былъ „вѣчнымъ шаферомъ“ и „похитителемъ невѣстъ“... Ужасный былъ комедіантъ. Когда онъ меня запримѣтилъ въ театрѣ, то Рюлина съ Аделью прежде, чѣмъ насъ свести, цѣлыхъ три дня учили меня, какъ и что надо, чтобы этому полоумному угодить. Знаете, и смѣшно было, и страшно. Спили мнѣ вѣнчальный туалетъ, одѣли. А онъ, Мерянскій, этотъ, является, какъ будто бы шаферъ — везти невѣсту къ вѣнцу. Съ дорогимъ букетомъ, изящный такой, *tiré a quatre epingles*, но — на лицѣ — трагическій мракъ. Хорошо. Полина Кондратьевна и Адель разыгрываютъ чувствительнѣйшую слезную сцену, словно, въ самомъ дѣлѣ, дочь и сестру вѣнчаться провожаютъ. Въ каретѣ этотъ типъ удивительный начинается объясняться мнѣ въ любви. Я возмущена:

— Какъ, князь? Вы дѣлаете декларацію невѣстѣ вашего лучшаго друга — въ тотъ самый часъ, когда она готова стать его женою и произнести обѣтъ вѣчной вѣрности?!

— О, да! Я подлецъ! я знаю, что я подлецъ и совершаю предательство, которому нѣтъ имени! Но страсть моя сильнѣе меня! Пусть гибнетъ дружба, пусть гибнетъ моя честь, но ты должна быть моею! Не въ церковь я везу тебя, гдѣ напрасно ждетъ обманутый женихъ, а въ свой загородный дворецъ, гдѣ ты будешь хозяйкой и царицей...

Я сопротивляюсь, осыпаю его упреками, онъ настаиваетъ, разливается въ краснорѣчіи. Наконецъ я колеблюсь, убѣждена, сдаюсь, — робко признаюсь, что сама давно его люблю и,

если выхожу замужъ за другого, то лишь потому, что онъ то не являлъ мнѣ своихъ чувствъ и не сватался... Ну, дикіе восторги, блаженство и упоеніе...

— Итакъ, бѣжимъ?

— Бѣжимъ!

На Островахъ онъ имѣлъ дѣйствительно, дворецъ не дворецъ, а дачу — какихъ мало. Прожила я у него трое сутокъ и впрямь въ царицахъ. Чего хочешь, того просишь, обхожденіе самое рыцарское, прислуга рабствуетъ. Но я все время на сторожѣ, потому что, въ первый же день, его дворецкій улучилъ минутку предупредить меня:

— Вы, барышня, поглядывайте за нимъ, чтобы не испугалъ онъ васъ врасплохъ. Онъ, вѣдь, у насъ трагедчикъ, любить себѣ страшныя представоенія давать. Все — ничего, но, какъ скоро вы замѣтите, что началъ онъ отъ зеркала къ зеркалу ходить, за волосы себя трепать глазами ворочать и бормотать разныя оскорбительныя для себя слова, то вы старайтесь тогда уйти отъ него незамѣтно, и мы васъ спрячемъ и благополучно выпроводимъ. А то можетъ быть нехорошо.

Потому что это, видите ли, обозначаетъ, что онъ уже пресытился преступною любовью, впалъ въ раскаяніе, мучится угрызеніями совѣсти и жаждетъ искупить свой ужасный грѣхъ...

Все это обѣщанное онъ разыгралъ, какъ по писанному. Но я, по любопытству посмотрѣть подальше, какъ онъ ломается, пропустила удобный моментъ, когда благоразумно было уйти. А онъ уже заигрался до того, что вретъ:

— Ни я, ни ты недостойны жить! Неумолимый рокъ нашей крови требуетъ! Умремъ вмѣстѣ!

И, глядь, у него въ рукѣ — револьверъ!

Я — какъ завижу и бѣжать! А онъ мнѣ вслѣдъ — бацъ! бацъ!... Не помню, какъ я очутилась въ какой то каморкѣ подъ

лѣстницей... Сижу и трясусь... А наверху — опять выстрѣлы, ревъ какой то звѣриный, топотъ многихъ людей...

Немного времени погодя, приходитъ этотъ самый дворецкій. Я — въ ужасѣ:

— Что у васъ тамъ? что случилось?

Онъ — совершенно спокойно:

— Ничего особеннаго. Не извольте беспокоиться. Князь застрѣлился.

Я обомлѣла и не знаю, какъ на него смотрѣть: что онъ, говоря такое, дуракъ или извергъ?

А онъ хохочетъ:

— Онъ у насъ разъ десять въ годъ стрѣляется. Не бойтесь: насъ съ вами переживетъ. Здоровехонекъ. Сейчасъ мы его связали и спать уложили. Уже задряхъ. Завтра пріѣдетъ профессоръ Томашевскій, приведетъ его въ чувство...

— Значить, слава Богу, обошлось благополучно? онъ себя не ранилъ?

Дворецкій еще пуще — въ смѣхъ:

— Помилуйте, какъ же онъ себя ранить? Хотя и полоумный, а тѣла то своего бѣлаго барскаго, чай, ему жалко...

— Ничего не понимаю! Вы же только что сказали, что онъ стрѣлялъ въ себя?

— Ну, да: въ зеркалѣ стрѣлялъ. Вотъ на зеркала у насъ, въ подобныхъ случаяхъ, дѣйствительно, большой расходъ. Сегодня разошелся, — ужъ очень вы его въ фантазію ввели, — штукъ шесть перекрутилъ простѣнныхъ да трюмо... Что ему стоитъ — отъ милліоновъ то?

— Однако, по мнѣ то онъ стрѣлялъ не въ зеркало?!

— А это ужъ вы самы виноваты, что долго съ нимъ задержались... Я васъ упреждалъ... Да это ничего, вы не жалѣйте, что страха набрались: онъ за это особо заплатитъ... господинъ щедрый, съ пониманіемъ...

— Это прекрасно, но, вѣдь, онъ попасть могъ.

— Гмъ... случилось, что и попадалъ...

— Какъ же тогда?!

— Счастьемъ везло, что легко, безъ увѣчья, по мякотямъ...

Ну, тысячи три-четыре въ зубы, — еще и рады: хоть опять стрѣляй... Маргариту Михайловну знаете?

— Которую? „Тебя, мой другъ Марго“?

— Вотъ-вотъ... Которая жандармскаго полковника подвела подъ растрату и судъ... Спросите у нея, за что она отъ насъ пенсію получаетъ... Пятый годъ княжая пулька въ ней катается...

Я въ негодованіе пришла:

— Въ самомъ дѣлѣ, этого бѣшеннаго вязать надо, только, къ сожалѣнію, вы это дѣлаете слишкомъ поздно!

— Никакъ нѣтъ. Въ самое время. У насъ рассчитано. Ежели скандалъ не до конца, такъ онъ обидится и не дается. А, какъ вошелъ въ удовлетвореніе и сталъ отъ своего безобразія изнемогать, тутъ его бери и крути. И, чѣмъ крѣпче, тѣмъ онъ больше доволенъ... Это у него въ программу входитъ.

Не знаю, сколько сняли съ „похитителя невѣстъ“ Рюлина и Адель за мое похищеніе, — должно быть, много, потому что и я получила очень хорошіе подарки. А, всетаки, я искренно счастлива была, что эта трагикомедія не могла повториться: женщину, однажды чрезъ нее прошедшую, „вѣчный шаферъ“ уже никогда больше не бралъ и даже, встрѣчая, дѣлалъ видъ, будто ея не знаетъ...

— Слышали? вотъ вамъ и петербуржецъ! Нѣтъ, знаете, нашей сестрѣ, безотвѣтно подчиненной мужскимъ капризамъ, все равно, плохо: что безъ культуры, что въ культурѣ!

Полицеймейстеръ крякнулъ-поддакнулъ:

— Н-да-съ. Профессія, можно сказать, енотоя.

(Эпизодъ о „Вѣчномъ шаферѣ“ сообщенъ автору извѣст-

нымъ петербургскимъ психіатромъ, проф. Брониславомъ Викентьевичемъ Томашевскимъ, подъ присмотромъ котораго этотъ психопатъ находился многое время. 1928.)

XXV.

До появленія въ Петербургѣ гонимаго козломъ нѣмецкаго миллионера участіе Марьи Ивановны въ операціяхъ госпожи Рюлиной ограничивалось попрежнему ролью *soupeuse*, — ужи-
нающей и прожигающей жизнь демивъержки, для богатыхъ холостыхъ компаній и — новенькое — фигурантки для „живыхъ картинъ“ въ аѳинскихъ вечерахъ, которыми развлекались графъ Иринскій и другіе маститые гости генеральши*).

— Что же вы представляли? — съ оживленными глазами заинтересовался Mathieu.

Марья Ивановна посмотрѣла на него съ презрительною злостью и нетерпѣливо дернула плечомъ.

— Что я вамъ буду расписывать, — что? Разумѣется, не „Постриженіе монахини“ и не „Первый день въ школѣ“!... Вѣдь разсказывала я вамъ, какая живопись висѣла по стѣнамъ у Рюлиной... Ну, эти самые милые сюжеты и воспроизводились.

— Ахъ, это — какъ намекала вамъ ваша подруга?

— Да, Ольга Брусакова... Если бы я тогда понимала!

— Неловко это? — съ дѣловой прямолинейностью задалъ вопросъ полицеймейстеръ.

Марья Лусьева бросила на него уничтожающій взглядъ и сказала сквозь зубы:

— Попробуйте!

*) *Ломброзо, 419. Parent-Duchatelet, 118—121. Корничъ, 35.*

Полицеймейстеръ крикнулъ и не нашелся отвѣтомъ.

— Нѣтъ, что же? — выручилъ его *Mathieu le beau*. — Тигрій Львовичъ данныхъ для того не имѣетъ... Вы ужъ лучше про себя!...

При первомъ своемъ „дебютѣ“ Маша участвовала въ группѣ „Трехъ Грацій“ — съ Люціей и съ какою-то, совершенно безмолвною на всѣхъ языкахъ, не исключая родного, шведкою, которую Лусьева видѣла только однажды въ жизни, — именно вотъ въ этотъ вечеръ и на этомъ „спектаклѣ“.

— Я не имѣла духа выйти: такъ было ужасно, позорно, скверно... Стою, уже убранная и причесанная по-гречески, какъ надо, — сама Полина Кондратьева голову убирала, — стою передъ дверью этою проклятою, зубами стучу, лихорадка колотить. Ну, вотъ не могу перешагнуть въ ту комнату и не могу!... Полина Кондратьевна, Адель стараются около меня — просятъ, приказываютъ, злятся, грозятъ... не могу! А бить не смѣютъ... зубами старуха скрипитъ, а ни щипнуть, ни ударить нельзя: если зареву, — гостямъ будетъ слышно, графъ губу оттопырить, что *mauvais genre*, — дерутся! Да и какъ же потомъ будетъ меня выпустить — заплаканную? Вѣдь комната — не сцена: все видно, каждый синякъ, всякая царапина на тѣлѣ обозначится; а если за волосы, — прическу смять должны... Ольга тутъ тоже, — она въ тотъ вечеръ „Запарилась“ изображала, картину художника Матвѣева, — сама въ три ручья плачетъ надо мною, а умоляетъ: „Все равно ужъ, Машенька: если ты на это пошла, то судьба такая... надо начать! Ободришь, — что тянуть-то? Передъ смертью не надышишься!... Ступай!...“. Нѣтъ, не могу. Ноги — точно ватныя, колѣни гнутся... Онѣ меня — валерьяномъ, онѣ меня — шампанскимъ, онѣ меня — коньякомъ... Ничего не помогаетъ: нѣтъ силъ, и шабашъ!... И вдругъ —

Люція влетѣла!... Злая, красная, огромная.. — „Долго еще, — кричить, — эта невинность ломаться намѣрена? До утра, что ли, я, по ея милости, мерзнуть буду?“... И затоптала на меня пятками... Никто еще въ жизни на меня не оралъ... У меня кровь такъ къ вискамъ и хлынула! Свѣта я не взвидѣла! Ни стыда, ни страха не осталось въ глазахъ! Завизжала что-то ей въ отвѣтъ и сама не помню, какъ выскочила за дверь, какъ очутилась въ той комнатѣ, передъ занавѣскою, какъ стала въ позу... — вся въ электричествѣ... Люція послѣ удивлялась: „Ну, и обругала же ты меня, дѣвушка! Откуда слова взяла?...“. А я не помню... Потомъ легче стало, привыкла, нѣкоторыя картины даже самой нравились... Я больше въ Тиціанѣ имѣла успѣхъ... Ужъ очень хвалили меня: и богиня-то я, и статуя, и мраморъ живой... Что же? Со всѣмъ освоиться можно. Балерины привыкають же, актрисы тоже, которыя въ опереткѣ и въ фееріяхъ... Разница не велика. И публика у насъ бывала та же самая, — только что меньше ея, да въ комнатѣ, а то весь балетный первый рядъ!..

(Генне-Амъ-Ринъ, 32. — Исторію „живыхъ картинъ“ я изложилъ съ давняго разсказа первоклассной опереточной звѣзды, которая имѣла несчастье состоять въ кабальныхъ отношеніяхъ къ ихъ устроительницѣ, — надо думать, не долговыхъ, потому что женщина эта сама зарабатывала отъ сцены не малыя тысячи и въ средствахъ не нуждалась. Я имѣю право говорить объ этомъ случаѣ, потому что онъ когда-то былъ сообщенъ мнѣ его героинею съ предисловіемъ: „Вотъ напишите повѣсть о моей жизни“. Въ лапы „генеральши“ (обобщаю въ данномъ случаѣ кличку нарицательно) она попала еще консерваторкою черезъ... торговку-разносчицу, у которой покупала кружева и которая въ Москвѣ семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ была, оказывается, всею рода знаменитостью.)

— И часто мучили васъ подобными спектаклями? — спросилъ полицеймейстеръ.

— Въ мѣсяцъ разъ пять или шесть, не больше... это очень дорогая забава.

— И все было шито-крыто? Полиція не беспокоила?

Лусьева пожала плечами и окинула полицеймейстера язвительнымъ взглядомъ, подѣ которымъ тотъ невольно опустилъ глаза и даже какъ будто слегка покраснѣлъ бурнымъ румянцемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — опять поддержалъ его Mathieu le beau, и на этотъ разъ очень некстати, — въ самомъ дѣлѣ, не могла же полиція не знать, что въ домѣ госпожи Рюлиной происходятъ оргіи... ну, хотя бы только подозревать, наконецъ... Достаточно подозрѣнія, чтобы вмѣшаться.

Лусьева возразила медленно и ядовито:

— Въ присутствіи господина полицеймейстера, чтобы не обидѣть его мундира, я отвѣчу вамъ на это только одно: и уши, и глаза одинаково могутъ быть золотомъ завѣшаны.

Полицеймейстеръ угрюмо промолчалъ. Лусьева продолжала, злорадно торжествуя:

— Много я чудесъ видывала на вѣку своемъ — чуда не видала: полиціи, которая взятокъ не брала бы... Присутствующіе, конечно, исключаются.

— И по вполне заслуженному праву, — любезно замѣтилъ Mathieu le beau, — Тигрій Львовичъ извѣстенъ своимъ рыцарствомъ и безкорыстіемъ.

— Ужъ не знаю, извѣстенъ я или нѣтъ, — проворчалъ полицеймейстеръ, — а только что не беру-сь, — это вѣрно. Не беру.

— Такъ за васъ кто-нибудь беретъ! — хладнокровно воз-

разила Лусьева. — Вы-то, можетъ быть, не берете и даже не хотите брать, но — оглянитесь хорошенько назадъ: ужъ навѣрное найдете какого-нибудь притаившагося человѣчка, который за спиною вашею деретъ съ живого и мертваго. Можетъ быть, даже и отъ вашего имени... Не бываетъ, что ли? Какой же обыватель повѣритъ, будто полицеймейстеръ можетъ быть фениксъ безкорыстный? Только постучись да скажи, что надо для полицеймейстера, — никто не усумнится, всякій дастъ. А ужъ особенно у кого хвостикъ замаранъ. Кто виномъ безъ патента торгуетъ, игорный домъ держать, промышляетъ тайною проституціей... Эхъ, вы! Меня самъ Зволянскій*) въ ваннѣ съ шампанскимъ купалъ, а вы хотите, чтобы Рюлина боялась полиціи!...

Полицеймейстеръ густо кашлянулъ и возразилъ тономъ строгимъ, но не слишкомъ рѣшительнымъ и твердымъ:

— Не всѣ же таковы, сударыня...

Лусьева злобно засмѣялась...

— Нѣтъ ужъ, знаете, каковъ попъ, таковъ и приходъ. Что-то я праведниковъ-то въ сѣромъ пальто съ серебряными пуговицами не много видала.

— Я не рѣшусь отрицать... Къ сожалѣнію, вы правы: этотъ порокъ распространенъ въ нашемъ зѣдѣмствѣ, и нѣкоторые изъ моихъ коллегъ и сослуживцевъ, дѣйствительно, обличались въ потворствѣ торговцамъ живымъ товаромъ... и даже... имъ... какъ ни грустно сказать, даже въ соучастіи...

— Чего тамъ — въ соучастіи? — грубо рванула Лусьева. — Кому же и знать, если не вамъ? Въ Кронштадтѣ Головачевъ, въ Николаевѣ Бирилевъ, на чужое имя, прямо открытые публичные дома держали...

*) Директоръ департамента государственной полиціи конца девяностыхъ годовъ.

— Н-да, — подтвердилъ Mathieu le beau, играя карандашомъ, — это было... я читалъ...

— Вы мнѣ лучше вотъ скажите, — настаивала Лусьева. — Ваша полиція про штрафы часто, и тогда ее ревизуютъ изъ Петербурга. Такъ вотъ — была ли хоть одна такая ревизія, чтобы не открыла она печекъ и лавочекъ-то этихъ, связей и дружества между полицейскими и притонами, въ которыхъ развратомъ торгуютъ? Вѣдь это же главный полицейскій доходъ. Развѣ вотъ — игорные дома и клубы еще больше платятъ. Безъ покровительства и потворства полиціи, конечно, Рюлиной не просуществовать бы и дня. Но кому же изъ полиціи было поднять на нее руку, если она сыпала тысячами? И — если бы вы знали — въ карманы какихъ тузовъ! Кому въ охоту лишиться этакого постоянного дохода и закрыть себѣ такую вѣрную кассу страховательную противъ чернаго дня? Проворуетъ тузъ полицейскій, надо пополнить растрату, — къ кому бѣжить за деньгами? Къ „генеральшѣ“! Отдали полицейскаго подъ судъ, прозвать ему предварительное заключеніе, слѣдователь требуетъ залогъ, — опять Рюлина выручаетъ, либо Буластиха, либо Перхунова, либо Юдиновъ... Неправда, что ли?*)

XXVII.

— Не то чтобы неправда, — слабо отбивался упорный полицеймейстеръ, — но ужъ слишкомъ вы обобщаете. Конечно, дружество бываетъ. Даже часто. Но вѣдь подобныя дружества весьма непрочны, — до первой ссоры-съ... И тогда...

— Что же тогда? Все переплетено въ неразрывность, въ круговую поруку. Топить такую „генеральшу“ для полицей-

*) *Дальтонъ*, 75. *Елистратовъ*, 28, 29, 290. *Канкаровичъ*, 84. *Рубиновскій* 22, 23.

скаго значить утопить, за компанію, самого себя. И для „генеральши“ тоже — подвести полицію подь слѣдствіе — ужь чего бы легче! — да вѣдь вмѣстѣ и самоё себя увязишь въ уголовщинѣ такъ, что потомъ ужь и не выльзть... Вы думаете, не бывало доносовъ? И анонимныя письма посылались, и дѣвушки нѣкоторыя, изъ смѣлыхъ, прямо къ властямъ обращались за защитою... Ничего! Сама же полиція и предупреждала тогда Рюлину, что молъ — остерегись маленько! держи ухо востро!... Ну, и выходила „генеральша“, по секретному дознанію, бѣлоснѣжною голубицею, а доносъ оказывался клеветою... А всего чаще подобныя извѣщенія прямо складывались подь сукно, а то и бросались въ корзину. Одна хохлушка, Галею звали, — бойкая была, — чуть-чуть не подвела насъ подь прокурора. — Что же? Правда, пришлось таки Полинѣ Кондратьевнѣ порастрясти банковыя вклады свои, но зато полиція живо обернула дѣло вокругъ пальца, и, въ концѣ концовъ, слѣдствіе осталось съ носомъ, хохлушку признали нервно-больною, психопаткою, и „генеральшѣ“ же отдали на попеченіе...

— Жутко, поди, пришлось бѣдняжкѣ? — спросилъ Mathieu le beau.

— Нѣтъ, ничего. Старуха была ужь очень напугана, опасалась тиранить, чтобы не повторился скандалъ. Хотя и обидно ей было, а все-таки поторопилась сплавить Галю въ провинцію... тамъ она, говорятъ, даже замужъ вышла... Вотъ тебѣ и сумасшедшая!

Голосъ Марьи Ивановны, когда она рассказывала о мнимомъ сумасшествіи Гали, звучалъ какимъ-то неопредѣленнымъ испугомъ, и глаза сдѣлались странные, подозрительные, съ бѣгающимъ въ глубинѣ ихъ тревожнымъ свѣтомъ.

Полицеймейстеръ посмотрѣлъ на нее и подумалъ:

„Сама-то ты, сударыня, что-то — какъ будто — не совѣмъ того... не совѣмъ въ равновѣсін“.

А Лусьева оправилась и продолжала:

— Когда полиція заинтересована въ дѣлѣ, то — хоть семь министровъ на то дѣло войною поиди: всё останутся въ дуракахъ. Какъ же! Слѣдили вѣдь за ними въ то время, какъ Галка-то нажаловалась... усиленно слѣдить было велѣно. Кто вошелъ, кто вышелъ, все было извѣстно. Ну, и, въ концѣ концовъ, что же могли услѣдить? Живетъ себѣ богатая вдова, Полина Кондратьевна Рюлина. Живетъ на доходы съ капитала. Интимно близка къ графу Иринскому, одному изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей въ Петербургѣ. Тогда-то у госпожи Рюлиной былъ завтракъ, обѣдъ или ужинъ, на которомъ присутствовали графъ Иринскій, Сморчевскій, Фоббель... слава тебѣ Господи! не маленькіе люди! за шиворотъ ихъ, такъ вотъ съ бухты-барахты, ни сѣло, ни пало, не возьмешь! А у насъ и куда громче и властнѣе гости заурядъ пировали... Иногда, бывало, такое свѣтило блеснетъ на горизонтѣ нашемъ, что вся обомлѣешь передъ нимъ, дрожмя дрожишь отъ страха, ужъ и не знаешь, какъ его титуловать... Одна Люська у насъ на этотъ счетъ была дорогой человѣкъ — безстрашная: хоть китайскаго богдыхана или шаха персидскаго ей предоставь, — и съ тѣмъ будетъ за панибрата!

Полицеймейстеръ проворчалъ, все еще не сдаваясь:

— Доносы иногда залетають на великія высоты, — тогда полиціи уже не до попустительства-съ: каждому надо свою шкуру спасать, покуда не погибъ, какъ червь, за одно уже незнаніе и неслѣженіе.

Лусьева отрицательно мотнула головою.

— Нѣтъ. Относительно Рюлиной полиція всегда осталась бы права. Съ какой стати было ей слѣдить за квартирою „генеральши“? — Какое можетъ быть дѣло полиціи до гостей въ частной аристократической квартирѣ? Вѣдь не политикой занимались. Откуда подозрѣнія? Рюлина никогда не была на

дурномъ замѣчаніи. Знакомства у нея — блестящія. Скандаловъ громкихъ у нея не случилось. Что же полиціи? Часть города, гдѣ былъ нашъ домъ, — самая шикарная. Пять-шесть человѣкъ гостей — не сборище какое-нибудь, даже если бы и каждый вечеръ, а у насъ — рѣдко больше двухъ разъ въ недѣлю, а чаще — одинъ разъ. Журъ-фиксы тоже у всѣхъ бываютъ: не на что полиціи обратить вниманіе, хотя бы и нѣсколько каретъ у подъѣзда... Да и говорю вамъ: не такіе люди насъ посѣщали, чтобы очень бояться полиціи. Наоборотъ: предъ большинствомъ нашихъ гостей полицію лихорадка била.

— Ну, если бы, — вмѣшался *Mathieu le beau*, — если бы случилось, все-таки, нѣчто, — хотя, по-вашему, и невозможное? Вообразите себѣ счастливо попавшій доносъ, который возымѣлъ дѣйствіе съ быстротой молніи, — мѣстная полиція не успѣла ни слова шепнуть вашей Рюлиной, потому что сама попалась врасплохъ, — и производится внезапная облава? Вѣдь въ такихъ случаяхъ даже принято употреблять въ дѣло полицію не мѣстную, которая можетъ быть заинтересована или куплена, но — нарочно берутъ — чужую, командированную изъ далекихъ окраинныхъ районовъ.

Лусьева съ увѣренностью возразила:

— Ничего не нашли бы. Развѣ что — перевернуть вверхъ дномъ весь домъ, разобрать нѣсколько перегородокъ, ободрать обои, сломать двѣ-три стѣны. Эта комната, — гобеленовая, — гдѣ мы давали представленія, была настолько хорошо замаскирована, что мы сами, дѣвушки, — безъ Полины Кондратьевны и Адели, — днемъ не находили въ нее входа...

— А пресловутыя картины на стѣнахъ?

— Онѣ висѣли въ другой части дома: то была совсѣмъ особая квартира, снятая на чужое имя... Нашъ домъ былъ

небольшой, трехэтажный, всего въ восемь квартиръ. И всѣ онѣ были заняты Рюлиною на разныя имена, и во всѣхъ жили подставные хозяева... тотъ же Ремешко, напримѣръ, факторша одна изъ свѣтскихъ, вообще, господа и госпожи въ такомъ родѣ... На имя же самой генеральши было записано только небольшое помѣщеніе нижняго этажа съ окнами во дворъ, — очень простенькое, небогатое: обыскивайте его, сколько хотите! Тамъ она принимала людей, которые приходили къ ней не по торговлѣ, и незачѣмъ имъ было видѣть верха... Мой отецъ, напримѣръ, былъ очень удивленъ, когда побывалъ съ визитомъ у Рюлиной. „Что же ты, Маша, говорила, будто Полина Кондратьевна ужъ очень хорошо живетъ? Ничего особеннаго, обыкновенная самая обстановка, видать, что женщина не бѣдная, но деньгами вокругъ себя на роскошь не швыряетъ“.

— Однако, сколько видно, она рисковала огромными расходами?

— Да. Я знаю навѣрное, что эти восемь квартиръ стоили ей тринадцать тысячъ рублей въ годъ, и, если бы домохозяинъ набавилъ вдвое, пришлось бы заплатить*). Хозяйкою той квартиры, гдѣ давались „живыя картины“, считалась старушка, дальняя родственница Адели... даже и не помню уже, какъ ее звали!... Я долго — до тѣхъ самыхъ поръ, пока не поселилась у Рюлиной совсѣмъ, принимала ее за экономку какую-нибудь или, какъ говорится, „чуланную приживалку“: хрюзба, изъ ума выжившая!... Вотъ ей бы и пришлось отвѣчать въ первую голову, если бы случился доносъ и обыскъ. Тоже очень хорошее жалованье имѣла**).

*) Дороговизна подобныхъ квартиръ: Кузнецовъ 34.

**) Parent Duchatelet, 474, 475. (Квартиры на чужое имя).

Захваченная рюлинскою мышеловкою, Марья Лусьева утонула въ мутномъ омутѣ, который, со дня на день, все крѣпче сковывалъ ея ноги втягивающей вглубь тиною. По возвращеніи изъ путешествія съ „стальнымъ королемъ“, ея тѣломъ стали торговать уже систематически, какъ товаромъ, дорого таксированнымъ, но въ предложеніи по спросу. На бѣду Маши, въ нѣдрахъ особняка произошла нѣкоторая бурная революція. Изъ кабалы у генеральши вырвалась на волю, съ большимъ для Рюлиной ущербомъ и, на этотъ разъ, въ самомъ дѣлѣ, не безъ великняжескаго участія, козырная дама колоды, та самая Юлія Заренко, о которой Адель когда то рассказывала Машѣ, что она разыгрываетъ изъ себя Фрину и такъ слыветъ въ городѣ. Машѣ пришлось занять ея мѣсто и, такимъ образомъ, повыситься какъ бы въ примадонны генеральшина персонала.

(Кличку „генеральши“ для Рюлиной я взялъ изъ Москвы, гдѣ подъ такимъ именемъ очень долго процвѣтала Рюлина своего рода, въ гостиной которой золотая молодежь и мышинные жеребчики имѣли самыя неожиданныя дамскія встрѣчи. Пригоны ея помѣщались на Никитскомъ и Рождественскомъ бульварахъ. Фирма передавалась въ трехъ поколѣніяхъ, при чемъ утверждали, что съ первой „генеральши“ покойный Всеволодъ Крестовскій написалъ свою фонтъ-Липпе въ „Петербургскихъ трущобахъ“. Кузнецовъ, 246. — Заграничныя примѣры (процессы Леруа, Рисбахскій, Ростертъ и др.) см. у Генне-Амъ-Ринѣ. Когда я впервые печаталъ „Марью Лусьеву“, въ московскихъ газетахъ появилось интересное сообщеніе о домѣ свиданій въ Николаевѣ, устроенномъ похоже на то, какъ описана у меня торговля „генеральши“ Рюлиной. Южныя газеты, перепечатывая извѣстіе, прибавляли, что подобное lieu de retraite aristocratique имѣется и въ Одессѣ: были даже по-

ставлены инициалы коммерсантки, имъ промышляющей. По справкамъ моимъ у одесситовъ, инициалы эти очень популярны въ городѣ. А вотъ что писалъ мнѣ по этому поводу одесскій журналистъ А. Чивонибаръ (авторъ интересной книги „Каторга. Тюрьма. Голодь“): „Дома свиданій, о которыхъ вы спрашиваете, существовали и существуютъ въ Николаевѣ и Одессѣ. Полиція знаетъ и... пока нѣтъ скандала, молчить. Содержательницы „домовъ“ соблазняютъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ обѣщаніемъ выгодъ, — капиталовъ, бриллиантовъ и пр. — и эксплуатируютъ ихъ. Дѣвушки и дамочки — такъ называемыя „частныя“, приходящія. Онѣ — при родителяхъ или при мужѣ; получивъ записку, отлучаются на „дѣло“. Дороговизна жизни, желаніе красиво одѣваться и вообще все болѣе устанавливающаяся „свобода нравовъ“ способствуютъ умноженію числа тайныхъ „честныхъ“ проституттокъ. Содержательница одесскаго дома свиданій Г—бергъ. О ней была напечатана корреспонденція въ „Русск. Словѣ“. Дѣла въ судѣ оканчиваются штрафомъ или арестомъ (небольшимъ); надняхъ въ Одессѣ супружеская парочка оштрафована по 50 р. за это занятіе. 21 сентября 1903 года“. См. также книгу одесскаго журналиста Карменъ — „На днѣ Одессы“. Ростовскія и екатеринославскія газеты въ 1902—1903 году оглашали подвиги какой-то кочующей „баронессы“. Такимъ образомъ, зло это оказывается повсемѣстнымъ въ большихъ русскихъ городахъ, принимая только разные размѣры и окраски.)

Спеціальностью „генеральши“ была торговля исключительно „порядочными“ женщинами хорошей репутаціи, стоящими внѣ подозрѣній въ продажности. Главнымъ орудіемъ вовлеченія ихъ въ развратъ являлся систематическій шантажъ, — разнообразный, вкрадчивый, повелительный, безпощадный. Агентовъ, агентокъ, факторшъ, „ходебщицъ“, собственныхъ сыщиковъ и сыщицъ имѣлась въ распоряженіи Рюлиной очень

изрядная армія, — и дорогая. Были у нея слуги на постоянномъ жалованіи, были на сдѣльной платѣ. Однѣ жертвы ловились на любовь, на обманы обѣщаніемъ жениться, другія заставлялись въ тенета деньгами, кредитомъ, векселями, третьи порабощались какимъ-либо уголовнымъ секретомъ, четвертыя, наконецъ, просто приводились къ убѣжденію, что, при условіи мертвой тайны, которую обѣщала имъ и, дѣйствительно, сохраняла Полина Кондратьевна, ремесло продажной женщины не трудно и доходно. Къ такимъ принадлежала Жозя. Но ихъ въ рюлинскомъ гаремѣ было меньшинство, и „генеральша“ не цѣнила ихъ высоко.

— Подобныя особы слишкомъ легко перескакиваютъ въ откровенныя кокетки. А мнѣ кокетка — ни къ чему: она только цѣну сбиваетъ и моихъ компрометируетъ. Я съ кокетками рукъ марать не хочу: я работаю порядочнымъ товаромъ*),

Старая вѣдьма была положительно гениальна по умѣнію создавать „порядочныя“ обстановки и условія даже для самаго шального, разнузданно-продажнаго разврата: угостить и утѣшить кліента, и оберечь свою рабыню.

— Ужъ у меня этого быть не можетъ, какъ у другихъ, — гордилась она, — чтобы мужъ жену сюрпризомъ встрѣтилъ или знакомый знакомую опозналъ. Никакихъ дурацкихъ альбомовъ и смотринъ на удачу!**) . Я все заранѣе въ расчетъ принимаю. Мнѣ о каждой моей и о всякомъ кліентѣ всегда вся подноготная до послѣдней порошинки извѣстна.

Всего въ кабалѣ у нея было отъ пятнадцати до двадцати женщинъ, разсѣянныхъ въ разныхъ концахъ Петербурга и разсыпанныхъ по разнымъ общественнымъ слоямъ, начиная снизу сбитыми Питеромъ съ толка деревонскими дѣвками, вродѣ вотъ

*) *Мартино*, 66, 67. *Кузнецовъ*, 89. *Канкаровичъ*, 84, 87. *Commence*, 60—63.

**) *Мартино*, 142, *Кузнецовъ*, 37.

этой пѣсенницы безъ голоса, а плясуньи безъ граціи, которую прихоть столичнаго разврата возлюбила подъ именемъ „горничной Люськи“, и кончая вверху превосходительною супругою очень виднаго чиновника, извѣстнаго своею неподкупною честностью и бѣднаго не по мѣсту, которое онъ занималъ. Супруга очень любила мужа, имѣла на него большое вліяніе, но аристовыхъ правилъ его не раздѣляла и тайкомъ побираала взятки, паче всего на свѣтѣ трепеща, что мужъ когда-нибудь и какъ-нибудь о томъ прослышитъ. На этомъ именно и поймала ее одна изъ довѣренныхъ факторшъ Рюлиной. Чиновницѣ дали крупную взятку за дѣло, о которомъ знали заранѣе навѣрное, что она будетъ безсильна его провести; затѣмъ выждали, когда она профинтитъ деньги и окажется безъ гроша, — и тутъ-то приступили: либо подай немедленно всю сумму, либо будемъ жаловаться мужу. Перетрусившая дама заметалась по Петербургу въ поискахъ кредита и тотчасъ же нашла его: благодѣтельная рука другой факторши направила ее къ Полинѣ Кондратьевнѣ, а та уже сумѣла окружить рыбку со всѣхъ сторонъ своею крѣпкою, шелковою сѣтью. Съ тѣхъ поръ чиновница, — вотъ уже который годъ, — получаетъ время отъ времени отъ Рюлиной любезно-условныя предписанія и, въ отвѣтъ на нихъ, не смѣя и пикнуть противъ, садится въ карету и скачетъ, куда велѣно, съ такою исполнительностью, какъ Ольга, Жозя, Люція и Маша.

(Случай этотъ перенесенъ мною въ Петербургѣ изъ Одессы, гдѣ его свидѣтелемъ былъ В. М. Дорошевичъ. Но въ послѣдствіи я имѣлъ наглядныя доказательства, что подобный подпольный полусвѣтъ *des honnêtes pauvres* имѣлъ не одну жертву или жрицу среди дамъ петербургскаго бюро кратическаго круга 1810—1918 г. Что творилось хотя бы вокругъ пресловутой Ольги Штейнъ! 1923.)

ЛЮЦІЯ.

1.

Видную и статную ярославку Люцію, и впрямь на Никольскомъ рынкѣ подхватила одна изъ агентшъ Рюлиной ровно черезъ двѣнадцать часовъ послѣ того, какъ дѣвушка прибыла въ Питеръ на заработки, въ стафъ товаровъ-„аравушекъ“ изъ далекаго Пошехонскаго захолустья. Въ чумазой, еще не опомнившейся отъ желѣзнодорожной тряски и уже опалѣвшей отъ столичнаго шума и толпы, шестнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, неуклюжей до того, что больше походила на медвѣдицу въ платьѣ, чѣмъ на женщину, зоркіе глаза опытной сводни угадали скрытую своеобразную красоту.

Отправленная нищею семьею въ Питеръ, Лужка Куцулупова, подобно другимъ „бѣлохребетницамъ“ (такою кличкою дразнить этихъ весеннихъ странницъ, по бѣлымъ мѣшкамъ, которые они несутъ за плечами), не мечтала найти въ столицѣ что либо лучше поденщины на черную работу по огородамъ. Въмѣсто того, къ своему изумленію и восторгу, неожиданно очутилась прислугою въ уютной вдовьей квартиркѣ на Петербургской Сторонѣ у ласковой хозяйки, которая принялась баловать ее, словно дочь родную. Вымыла, вычесала, вычистила, выгладила, принарядила и повезла на смотрины къ Адели и Полинѣ Кондратьевнѣ. Тѣ одобрили товаръ и приказали дрессировать и шлифовать дѣвку дальше.

Въ какіе нибудь два мѣсяца изъ тощей, загорѣлой, черноногой деревенской навозницы выработалась бѣлорукая, бѣлолицая, пышная дѣвица, настолько привлекательная въ наколѣхъ и передникѣ столичной франтихи-горничной, что Полина Конд-

ратьевна, какъ увидала Лушку въ этомъ одѣяніи, такъ сію же минуту и прикомандировала къ своей особѣ:

— Замѣчательно удачно! Лучше быть нельзя. Какъ разъ то, что надо для любителей *s'encanailler*. И Фоббель влюбитъся, и Сморгчевскій растаетъ, и Панамидзе съ ума сойдетъ.

И вотъ вошла Люція (уже не Лушка!) въ ласковый вертень на Сергіевской якобы служанкою, блаженно недоумѣвая, что это за удивительный городъ такой этотъ Питеръ? Ежели въ немъ подобное золотое житье горничныхъ, то каково же брильянтово живетъ господамъ? Ыла, пила, франтила, труда почти никакого, развлеченій — сколько хочешь. Ыдетъ Адель въ театръ, кататься на Острова, выходитъ на прогулку, — Люцію беретъ съ собою провожатою. Не житье, а масляница!

Восхищенная, переполненная признательностью, дѣвушка смотрѣла на своихъ благодѣтельницъ, Адель съ Полиной Кондратьевной, какъ на вочеловѣченныхъ божества какія то, всемогущія въ безпредѣльной добротѣ, непогрѣшимыя въ безпредѣльной мудрости. Весь деревенскій смыслъ и пошехонскія правила перевернулись въ ея одурманенномъ умишкѣ вверхъ дномъ. О темной далекой семьѣ, о тяжкомъ черномъ трудѣ вспомнила съ ужасомъ и стыдомъ: какъ могла терпѣть — губить себя въ такой низкости? А въ господа увѣровала слѣпо и приковалась къ нимъ собачьей преданностью, безъ разсужденія. Что Полина Кондратьевна съ Аделью велятъ, это, значить, хорошо, что за-прещаютъ, — дурно. Дѣлай, что приказываютъ; спорить, возражать — ты противъ нихъ умомъ не вышла.

2.

Доведенную до того градуса восторженного повиновенія, что велятъ убить — не задумавшись, убьетъ, велятъ съ крыши

прыгнуть — прыгнетъ, ее, съ величайшею легкостью, продали какому то наѣзжему нефтянику-армянину. И подвели такъ ловко, что Лушка-Люція и винить хозяйшекъ не могла въ своемъ паденіи: вышло, будто сама сдурила — отдалась въ подпитіи.

Это приключеніе смутило было Люцію, она струсила: „пропала теперь моя головушка!“ Однако, была уже достаточно развращена городомъ, чтобы рѣшить, что, снявши голову, по волосамъ не плачутъ, и, лишь бы генеральша съ Аделью на нее не гнѣвались, а то — жила безъ грѣха, проживу и въ грѣхѣ. Когда же изъ тысячи рублей, заплаченныхъ армяниномъ за Лушкину невинность, щедрая генеральша отсыпала красавицѣ цѣлую сотенную бумашку для отсылки родителямъ въ деревню, дѣвка сразу утерла недолгія слезы. Этого ей и во снахъ не снилось, чтобы можно было такъ легко добывать этакія деньги!

Къ тому же и жизнь ея, послѣ паденія, чѣмъ бы ухудшиться и омрачиться, измѣнилась еще къ лучшему. Теперь уже только слава осталась, будто она горничная: Полина Кондратьевна съ Аделью приказываютъ держать кокетство такою модою. А, на самомъ то дѣлѣ, никакого различія съ прочими рюлинскими дамами и барышнями: кто ей „вы“, тѣмъ и она „вы“, кто ей „ты“, получай и отъ нея „ты“... Она уже очень хорошо понимала, что хозяйки дорожатъ ею гораздо больше, чѣмъ многими изъ своихъ благородныхъ и образованныхъ кабальницъ, и слѣпая благодарность и преданность ея къ негодайкамъ, обратившимъ въ товаръ ея прекрасное тѣло, не уменьшалась, но росла. Съ живыми картинами ея совѣсть очень легко примирило то обстоятельство, что на первыхъ порахъ, пока не привыкла, съ нею вмѣстѣ выступала Адель, а генеральша уже все-непремѣнно сидѣла зрительницей и восхищалась. Ну, развѣ Адели не стыдно, то чего же ей то, Люціи-Лушкѣ, стыдиться? Быстро вошла въ колею!

Когда Марья Ивановна попала въ кабалу къ генеральшѣ, Люція служила Рюлиной уже пятый годъ и, послѣ Адели, была въ страшномъ домѣ наиболѣе довѣреннымъ лицомъ. И, при всемъ своемъ природномъ добродушіи и весельѣ, можетъ быть, самымъ опаснымъ — по бессознательной готовности и привычкѣ быть машиною, движимою по заводу ея обожаемыми хозяйками. Марья Ивановна была съ Люціей дружна и хороша, и, однако, знала, что, если Полина Кондратьевна завтра прикажетъ этой Люціи избить ее до полусмерти, дѣвка не поморщится, избьетъ, да еще и съ нотаціями, съ руганью: „не серди ангела-генеральшу!“

Силищи она была непомѣрной и совершенно избавляла Рюлину отъ непріятной необходимости держать въ комнатахъ мужскую прислугу, которая, въ случаѣ какого либо скандала, могла бы сыграть роль вышибаль. Но скандалъ въ особнякѣ на Сергіевской былъ дѣломъ рѣдкимъ, почти небывалымъ. Во первыхъ, не такая публика посѣщала генеральшинъ гаремъ, чтобы доводить свое безобразіе до гласнаго скандала. А во вторыхъ, ужъ если она принималась безобразничать, то платила за это удовольствіе столь огромныя деньги, что генеральша съ Аделью, бровью не моргнувъ, наблюдали выходки, за которыя любая хозяйка рублевого публичнаго дома приказала бы вышибаламъ выбросить гостя на улицу.

За то сама то Люція, какъ скоро напивалась, — а приключалось это часто, потому что проклятый домъ разбудилъ въ дѣвкѣ мирно спавшій въ крови ея наслѣдственный мужицкій алкоголизмъ многихъ поколѣній, — становилась она на часъ-другой хуже всякаго уличнаго буйна, и, покуда не проспится, лучше къ ней и не подходи: взбѣсившійся слонъ какой то!

А на завтра съ ужасомъ вспоминаетъ, чего она натворила

и наговорила, плачетъ, просить прощенія, валяется въ ногахъ, съ покорностью принимаетъ брань и карательныя генеральшины оплеухи. Пьянству своему Люція и сама была не рада и не разъ умоляла Рюлину:

— Ваше превосходительство, да запретите мнѣ вовсе пить. Я знаю, что, ежели вы мнѣ запретите, я вина въ ротъ не возьму.

Но запрещать для Рюлиной было не выгодно. Главнымъ образомъ, изъ за доходнѣйшаго кліента, капиталиста-промышленника Фоббея. Этотъ угрюмый шведъ, горькій пьяница и, — чортъ его знаетъ, то ли онъ былъ садистъ, то ли мазохистъ, — предпочиталъ Люцію и Ольгу Брусакову, всѣмъ остальнымъ „рюлинскимъ“, какъ единственныхъ, способныхъ безъ плутовства „выдержать его марку“. Ради него, главнымъ образомъ, и терпѣла еще генеральша Ольгу Брусакову, — иначе давно спустила бы ее съ рукъ, какъ подержанный товаръ, уже неприличный для первоклассной рюлинской фирмы.

Въ своемъ охотничьемъ домикѣ за Лахтою Фаббель, вдвоемъ съ Люціей или Ольгою, либо втроемъ съ обѣими, пропадалъ иногда по нѣскольку сутокъ. Какъ проводились тамъ дни и ночи, женщины не любили откровенничать даже предъ подругами. Но, за нихъ, краснорѣчиво вопіяли синяки и царапины, испещрявшія тѣла ихъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ добавить, что и очень красивый, апостольски бородатый ликъ Фаббея, на завтра послѣ лахтинскихъ ночей, обычно забавлялъ питерскій дѣловой мірокъ либо плохо закрашеннымъ фонаремъ подъ глазомъ, либо расплюснутымъ въ лепешку носомъ. Шведъ находилъ эти маленькія непріятности нисколько не мѣшающими большому удовольствію. Въ числѣ брелоковъ, болтавшихся на его часовой цѣпочкѣ, онъ носилъ, въ драго-

цѣнной оправѣ, свой собственный зубъ, выбитый какою то лютою негритянкою въ Сано Доминго. Какъ же было лишить этого звѣря такой звѣрихи, какъ Люція?

XXX.

„ПОДВАЛЬНЫЯ БАРЫШНИ“

1.

Очень замѣтнымъ, почти господствующимъ элементомъ въ персоналѣ рюлинскихъ кабальницъ были „подвальные барышни“: типъ, мало знакомый людямъ, чуждымъ былого петербургскаго быта.

„Подвальные барышни“ — это дѣвье населеніе катакомбъ, простирающихся подъ колоссальными зданіями разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и учреждений: дочери, сестры, племянницы швейцаровъ, курьеровъ, департаментскихъ сторожей и тому подобной служилой мелочи.

Женская іерархія служилаго Петербурга дѣлилась на три нисходящія категоріи: 1) „наши министерскія дамы (начиная супругою министра и кончая женою начальника отдѣленія, включительно); 2 — „наши чиновницы; и 3) жены (и, конечно, дочери и сестры) старшихъ служащихъ“. Эта третья — уже низшая каста, но, всетаки, какая ни есть, еще „каста“. Подвальные же барышни развивались уже внѣ этой іерархіи, во внѣкастовой безднѣ. Были даже не „прислугою вѣдомства“, но лишь чѣмъ то, семейно приписаннымъ и числящимся „при“ прислугѣ.

Служба мужчинъ, ютившихся, подобно гномамъ, въ казенныхъ подвалахъ, была хорошая: довольно легкая и обязательно чистая. Она спокойно протекла въ холодныхъ, про-

сторныхъ, свѣтлыхъ залахъ министерствъ, въ сѣроглубыхъ департаментскихъ корридорахъ, на величественныхъ парадныхъ лѣстницахъ и подъѣздахъ. Отъ людей, къ ней допускаемыхъ, требовалась, прежде всего, нѣкоторая декоративность: внушительная, бравая наружность, опрятность, щеголеватость, — дабы человѣкъ видомъ своимъ начальство отъ себя не отвращалъ, а на публику не наводилъ унынія. Поэтому смѣло можно сказать, что население подземнаго Петербурга, по крайней мѣрѣ, мужское, было изъ красивѣйшихъ физически во всей столицѣ и, конечно, производило таковую же породу — потомство. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, подвалы поставляли веселящемуся городу столько жрицъ демимонда и красивыхъ балетныхъ фей.

Декоративная служба создавала и декоративный семейный бытъ. Недавній мужикъ или отставной солдатъ, подвальный обитель переставалъ быть мужикомъ или отставнымъ солдатомъ, какъ скоро удостоивался швейцарской ливреи или курьерскаго мундира съ галуномъ вѣдомства. Онъ дѣлался — уже, такъ сказать, избраннымъ и превозвышеннымъ изъ всѣхъ мужиковъ и отставныхъ солдатъ, самъ себя въ такомъ великолѣпнѣ видѣлъ и мыслилъ, самъ о себѣ такъ понималъ. И того же высокаго мнѣнія о немъ была семья, имъ кормимая:

Авдѣй Трифоновичъ — не простой человѣкъ, не „вольный“, онъ казенный. У него мундиръ, у него жалованье отъ казны, у него, хоть уголъ, да казенная фатера. Ничего этого у простыхъ и вольныхъ не бываетъ, — стало быть, не простые и мы. Мы выше. Не господа, но почти, какъ господа. А захотимъ натужиться, выжать изъ сундука деньги, — такъ будемъ и совѣмъ, какъ есть, на господскую стать.

И тужились.

Дочери Евы одинаковы на всѣхъ ступеняхъ общества, во всякомъ рангѣ и состояніи. Мода и подраженіе — законы,

управляющіе женскимъ міромъ равно въ шалашномъ станѣ папуасовъ и въ раззолоченныхъ дворцахъ европейскихъ столицъ. Министерскія дамы копируютъ женъ и дочерей министровъ, наши чиновницы — министерскихъ дамъ, жены служащихъ — нашихъ чиновницъ и такъ далѣе, со ступеньки на ступеньку. Этотъ законъ послѣдовательности въ подражаніи, дойдя до подвальной барышни, создавалъ и для нея искушеніе, повелительное до необходимости — „подходить подъ помощникъ-экзекуторову дочь“. И, такъ какъ помощникъ-экзекуторова дочь хоть и плохенькая, бѣдненькая, а все же „барышня“: училась въ гимназіи, играла на фортепіано, бывала въ театрахъ и имѣла вечеринки на недѣлѣ, въ родѣ журфиксовъ, „по причинѣ жениховъ“, — то и подвалъ тянулся изъ послѣднихъ своихъ силъ и средствъ, чтобы доставить своимъ барышнямъ какіе-нибудь суррогаты помощникъ-экзекуторскихъ радостей. Двухголосный вой жены и дочери: ужли пропадать въ необразованіи? — весьма скоро заставлялъ самаго неподатливаго вахтера или швейцара раскупорить завѣтную небогатую кубышку. Да, подвальные отцы и сами любили баловать свою молодежь и вести ее на господскую ногу.

Любопытно, что эти слуги казенныхъ учрежденій не любили и презирали слугъ частнаго найма, избѣгали якшаться съ „лакусами“ и считали себя несравненно выше ихъ, какъ „людей продажныхъ“. Ставъ слугою казеннаго учрежденія, сторожъ или швейцаръ вполнѣ увѣренъ былъ, что онъ „въ люди вышелъ“, а дѣтямъ его падо выходить ужъ въ „господа“.

2.

Въ довоенномъ Петербургѣ многіе воспитательные пріюты, а изъ городскихъ училищъ нѣкоторые были поставлены такъ

хорошо, что въ послѣднія девятилѣтія XIX вѣка имъ стали до-
вѣрять подготовительное догимназическое образованіе дѣтей
своихъ даже многія зажиточныя и вполне интеллигентныя
семьи. (Заслуга, главнымъ образомъ, незабвеннаго М. М.
Стасюлевича!) Казалось бы страннымъ: какъ, на ряду съ
этими обстоятельными и хорошими школами, могли еще су-
ществовать, — при томъ, не прозябая, но процвѣтая, — разные
шарлатанскіе „пансіоны съ музыкой“, сравнительно даже не-
дешевые? Кому они были нужны? Кто въ нихъ учился? Со-
держательница одного такого пансіона, дама необычайнаго
ума и столь же необычайной безсовѣстности, отвѣчала на этотъ
ѣдкій вопросъ съ холоднымъ цинизмомъ:

— Нужны всѣмъ, кому надо намѣнять на грошъ пята-
ковъ.

— То есть?

— Невѣждамъ, которые хотятъ купить способность ка-
заться образованными въ теченіе пятиминутнаго разговора.
„Хамкамъ“, которыя желаютъ, чтобы ихъ хоть на пять ми-
нутъ принимали за „интеллигентокъ“.

„Подвальная барышня“ была главною и постоянною
полицею-кормицею такихъ обманныхъ муштровщицъ-педа-
гогичекъ. Подите, бывало, въ какойнибудь петербургскій
клубный маскарадъ, — средней руки, изъ приличныхъ. Если
къ вамъ подходила маска съ довольно складною рѣчью, люби-
тельница распространиться о чувствахъ языкомъ переводнаго
бульварнаго романа, охотница ввертывать въ разговоръ за-
ученныя французскія словечки съ русскимъ, но не совершенне
сквернымъ, произношеніемъ и пересыпать громкія фразы
стишками, съ обязательнымъ примѣчаніемъ въ скобкахъ: „какъ
сказалъ Бальмонтъ“, „какъ, помните, у Брюсова“, — вы могли
держать вѣрное пари, что васъ интригуетъ „подвальная ба-
рышня“, недавно покинувшая „пансіонъ съ музыкой“ и не

успѣвшая позабыть его недолгую и нехитрую муштру. А для по-
вѣрки стоило прислушаться: какъ только этакая маска раз-
горячится, увлекаясь своимъ умнымъ краснорѣчіемъ, то и пой-
дутъ у нея скользить съ языка предательскіе „тротуаръ“,
„ропертуаръ“, „еронавтъ“, „велисапедъ“ и даже „фрыштикъ“
—этотъ ужасный двухсотлѣтній любимецъ петербургскихъ полу-
низовъ.

Журфиксы помощникъ-эксекуторовой дочки для подваль-
ной барышни были недостижими по дрянности квартиръ и
патріархальной старозавѣтности родителей. Но ихъ замѣняли
Лѣтній и Таврическій сады, Александровскій скверъ, гулянья
Михайловскаго манежа и Народнаго Дома, позже — кинема-
тографы. Была подвальная барышня, какъ голь, на выдумки
хитра: знакомилась и дружила съ хористками, статистками,
швеями на театрѣ, горничными актрисъ. А потому, поискать,
то у нея всегда найдется въ сумочкѣ театральная контромарка;
она, что называется, легла и встала въ циркъ и кинематографъ;
она торчала, какъ своя, за кулисами, была вхожа за всегдатын-
ницею въ плохенькіе клубы; капельдинеры контрабандно про-
пускали ее на свободныя мѣста:

— Только для васъ-съ, потому какъ знаю ваше упоеніе къ
искусству-съ.

Она слышала Собинова, Шаляпина, обожала Сѣверскаго,
Вертинскаго, надъ ея кроватью были припшплены фотографи-
ческія карточки Насти Вальцевой и „Асточки“ Нильсенъ. На
вечеринкахъ у подругъ она танцевала танго и кэкъ-уокъ. Слѣ-
дила по газетамъ, какіе вышли въ свѣтъ новыя модныя танцы,
какія предвидятся сенсаціонныя фильмы, а также — кто въ
„Петербургской Газетѣ“ названъ „о азаръ“ изъ столичныхъ
красавицъ на послѣднемъ посольскомъ балу и въ какихъ эти
озарныя дамы были туалетахъ.

Шаляпинъ отпѣлъ, танго оттанцовано... Домой! Короткая, волшебная сказка жизни кончена; ждетъ скучная, скверная, скудная правда. Подвальную барышню подвозятъ, — бываетъ; что на заводскомъ рысакѣ, а то и, подымай выше, на рольройсѣ, — къ громадному корлусу „вѣдомства“. Стыдясь передъ провожатыми обнаружить свое плебейское жилье, она выходитъ на углу, бѣжить-ныряетъ въ ворота, — и вотъ онъ вновь, родимый подвалъ!

О, какъ онъ душень, грязень, тѣсенъ! какъ противно храпятъ за перегородками сосѣди! какъ тошны отголоски интимной семейности, наполняющіе эти вѣковые, промозглые отъ дыханія плебейскихъ поколѣній, своды!..

Лежить подвальная барышня на своей жесткой и не слишкомъ то опрятной постели, лежитъ безсонная, нервная, возбужденная, смотритъ во тьму лихорадочными глазами, думаетъ:

— Да, развѣ это жизнь?!

— Хрр... хрр... хрр...

— Марья... хрр... Маша... супруга..., Машенька...

— Хрр... хрр... хрр...

— Жизнь-то тамъ, откуда я сейчасъ пришла, а это — чортъ знаетъ, что! Не люди — свиньи... Какъ бишь Собинъ пѣлъ-то? Да!

Въ блаженствѣ потонули...

Въ бла-жен-ствѣ по-то-ну-ли...

— Опять подлецы грязнымъ бѣльемъ весь коридоръ завалили? Продохнуть нечѣмъ...

— Хрр... хрр... хрр...

— Супруга... Машенька...

— Господи! Да неужели же на всю жизнь здѣсь? Нѣтъ,

довольно! Нѣтъ больше никакой моей возможности! Уйду я отъ васъ, свиней, уйду, уйду, уйду...

Куда? Да не все ли равно? Лишь бы туда, гдѣ нѣтъ храпящихъ, бормочущихъ, цѣлующихся съ женами сосѣдей, не ревутъ благимъ ночнымъ матомъ золотушныя ребятишки, не пахнутъ мокрыми дѣтскими пеленками и устоявшимися щами... Туда, гдѣ сіяетъ электричество, гремитъ оркестръ, ходятъ нарядныя дамы, называемыя „о азаръ“, и мужчины въ смокингахъ съ гвоздикой или орхидеей въ петлицѣ... Туда, гдѣ, если не самъ Собиновъ, то, по крайней мѣрѣ, граммофонъ, напѣтый Собиновымъ, побѣдоносно поетъ о двухъ счастливицахъ, для которыхъ — звѣзды, море и весь міръ:

Въ блаженствѣ потонули,

Въ блаж-жен-ствѣ по-т-то-нууууу-улли!...

И вотъ тутъ то, откуда ни возмись, выныриваетъ предъ подвальной барышней добрый помощникъ, блудный бѣсъ Асмодей, во образѣ ли ласковой сводки, во образѣ ли какойнибудь развеселой подружки вродѣ рюлинской Жюзи, во образѣ ли подлеца-„пробочника“ Ремешки, — и беретъ ее за руку, итратъ соблазняющими глазами и манить:

— Пойдемъ!...

Въ петербургской протитуціи сравнительно мало женщинъ мѣстнаго происхожденія. Столичный развратъ обслуживается, по преимуществу, провинціей. Но изъ коренныхъ проституттокъ-петербуржанокъ добрую треть формировали бывшія подвальные барышни: ходебщицы, сводни, маклерши и факторши домовъ свиданій выдѣли въ этихъ „полуинтеллигенткахъ“ самую легкую и хлѣбную свою добычу. Онѣ подготовлялись къ паденію и жаждою лучшаго быта, и преждевременнымъ половымъ опытомъ, которымъ поучалъ ихъ тѣсный уютъ подвала, гдѣ семью отъ семьи отдѣляди перегородки, слишкомъ тонкія и матеріально, и морально.

— Я, — угрюмо признавалась автору этой книги проститутка изъ бывшихъ „подвальныхъ барышень“, — плотской секретъ знаю чуть ли не отъ материнскихъ сосцевъ, по одиннадцатому году была оцѣлована всѣми мальчишками въ корпусѣ, а въ скоромъ времени стали вязаться ко мнѣ и взрослые. Мать то, покойница, точить-точить, бывало: „Ой, Капка, берегись! ой, держи ухо востро!“ Да... тѣло то уберечь до поры до времени, при умѣ, возможно: я себя, похваюсь, содержала въ строгости до двадцати лѣтъ... А душу какъ уберечь, чтобы — что слышу, не знала, что вижу, не понимала?.. А ходебщицы начали меня подстергать, можно сказать, съ ангельскаго младенческаго возраста, потому что видѣли, что я общаю вырос-ти красива.

За всѣми нами, которыя хорошенькія въ дѣтствѣ, эти окаянные вѣдьмы имѣютъ свое наблюденіе. По пяти, по шести лѣтъ ждуть, кружать-увиваются коршуньемъ, выжидаютъ своего терминау...

XXXI.

Но далеко не однѣ глупыя дикарки, вродѣ Люціи, и озлобленныя полуинтеллигентки изъ подваловъ легко сбивались на торный путь убѣжденія, что въ тайной проституціи, направляемой искусною рукою такой благодѣтельницы, какъ генеральша Рюлина, открывается для женщины отнюдь не позоръ, а, напротивъ, наилегчайшая возможность жить въ сытости и довольствѣ, нарядною, беззаботною, и, при счастьѣ, даже сдѣлать фортуны и карьеру, плѣнивъ какого нибудь туза съ капиталомъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ, который, — чѣмъ чортъ не шутить возьметъ, да и плюнетъ на предразсудки, женится. Адель хвалилась, — и не лгала, — называя по именамъ балеринъ, актрисъ французскаго театра, свѣтскихъ

авантюристокъ, нашедшихъ свое счастье черезъ особнякъ на Сергіевской: а теперь онѣ богатыя и могущественныя любовницы, а инныя и законныя жены, банкировъ, адвокатовъ и докторовъ съ огромною практикою, высоко поставленныхъ чиновниковъ... министровъ... великихъ князей!

Маша Лусьева уже не застала въ числѣ рюлинскихъ кабатницъ главную гордость генеральши, знаменутую, почти легендарную красавицу изъ красавицъ, златокудрую Женю Мюнхенову. Она то, впрочемъ, была тоже безъ рода, безъ племени. Загадочное происхожденіе ея такъ и осталось темнымъ, хотя, въ короткій періодъ ея петербургской славы и преуспѣянія — до возвышенія въ „невѣнчанная великія княгини“ включительно — къ выясненію ея генеалогіи прилагали стараніе и друзья, и того пуще враги. Дознано было только вотъ что.

ЖЕНЯ МЮНХЕНОВА

1.

Въ 1863 году, совсѣмъ наканунѣ польскаго повстанья, въ глухой литовской деревнѣ съ названіемъ, обладающимъ столькими согласными, что и поляки имъ давятся, родилось въ крестьянской хатѣ внѣбрачное дитя, дѣвочка, и, по желанію матери, было наречено Евгеніей: въ честь мѣстной владѣлицы-магнатки, графини Евгеніи-Маріи-Алоизіи-Августы и пр. и пр. Щавской. Мать новорожденной служила графинѣ камеристкой, слыла любимицей госпожи и пользовалась ея довѣренностью. Но незаконная беременность сей дѣвицы, къ тому же немолодой уже, возмутила цѣломудренную графиню. Преступной Анелькѣ, лишенной милостей госпожи, пришлось покинуть замокъ и выселиться на деревню, въ родную семью, отъ которой

она, было, давно отстала, такъ какъ уже нѣсколько лѣтъ сопровождала графиню въ путешествіяхъ по Европѣ.

Казалось бы, что возвращеніе заблудшей овцы въ родной хлѣвъ, въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ, не обѣщало ей благосклоннаго приѣма. Однако, къ изумленію сосѣдей, виноватая Анелька была встрѣчена въ семьѣ съ распростертыми объятіями. Беззаконную роженицу не только не обидѣли грубымъ словомъ, не говоря уже — побоями, но окружили такимъ бережнымъ и учтивымъ уходомъ, какого никогда не видали, — и думать о немъ не умѣли, — законно замужнія сестры и жены братьевъ опальной покоюшки.

Причинъ тому, обсуждая черезчуръ ужъ христіанскую благость Хрщей, сосѣди находили три. Во первыхъ, Анелька, чуть не двадцать лѣтъ состоя при графинѣ, скопила капиталецъ. И, дѣйствительно, съ ея вселеніемъ въ семью, Хрщи зажили куда лучше прежняго, — прямо такъ, панками. Во вторыхъ, отцомъ ожидаемаго Анелькою ребенка подозрѣвался управляющій лѣсными дачами графини, форстмейстеръ Александръ Вальтеръ, родомъ шведъ, молодой и въ высшей степени приличный господинъ, тоже фаворитъ госпожи, особенно послѣ того, какъ, подъ ея вліяніемъ, онъ перешелъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ католическое. Въ третьихъ, всѣ были увѣрены, что гнѣвъ графини на Анельку больше показной, приличія ради, и, стало быть, недолгій, и вскорѣ Анелька опять будетъ въ милости и силѣ.

Дѣйствительно, разлука съ любимой служанкою и отсутствіе ея привычнаго ухода такъ разоторчили впечатлительную графиню, что она даже заболѣла, впала въ хандру и нѣсколько недѣль ни сама изъ замка не выѣзжала, ни къ себѣ не принимала никого, кромѣ мѣстнаго ксендза, своего духовника. Объ изгнанной же Анелькѣ и заочно заботилась. На сколько, что къ сроку родовъ выписала для нея изъ Вильна

ученую акушерку. Къ большому собственному благополучію, потому что Анелька то родила съ величайшею легкостью, едва повизжавъ часть-другой, но графиню, слишкомъ переволновавшуюся за нее, схватила въ ту ночь жесточайшая холерина, и, за отсутствіемъ врача, акушеркѣ, вызвавшейся его замѣнить, пришлось возиться съ больной пани пораздо больше, чѣмъ съ здоровенной родильницей-служанкой.

Затѣмъ сосѣдскія прѣдвидѣнія оправдались. Прощенная Анелька возвратилась въ замокъ и стала къ госпожѣ еще ближе прежняго. Нѣсколько недѣль спустя, графиня опять отбыла за границу, увозя съ собою и вѣрную служанку. Дочка Анельки осталась на попеченіи Хрщей.

Матери и дочери не суждено было когда либо увидѣться. Разразившееся повстаніе навсегда закрыло графинѣ Щавской возвратъ на родину. Она была сильно компрометтирована. Ея имѣнія Муравьевъ конфисковалъ, двухъ близкихъ родственниковъ повѣсилъ, нѣсколькихъ сослалъ въ Сибирь и дальнія русскія губерніи. Куда то въ невѣдомую глушь препровожденъ былъ и ксендзъ, духовникъ графини. Шведъ Александръ Вальтеръ замѣшался въ повстанье, командовалъ бандою и, въ стычкѣ съ казаками, получилъ смертельную пулю. А незадолго до Франко-Прусской войны парижскія газеты возвѣстили о скоропостижной кончинѣ графини Евгеніи-Маріи-Алоизіи-Августы и пр., и пр. Щавской, которой красота и любезность чаровали де столицу міра слишкомъ сорокъ лѣтъ, возблиставъ еще при дворѣ Карла X и благополучно досіявъ въ неуываеваемости... до конца Второй Имперіи! Апоплексическій ударъ убралъ эту прочную обольстительницу съ сего свѣта на тотъ въ возрастъ шестидесяти трехъ лѣтъ. Неразлучная слуга и спутница ея, Анелька, умерла нѣсколько раньше.

Дочка, покинутая Анелькою въ деревнѣ съ неудобопроизносимымъ названіемъ, росла, такимъ образомъ, круглою сиро-

тою. По великодушному распоряженію графини, панская контора платила Хрщамъ за содержаніи дѣвочки довольно щедро, — для деревни. Но послѣ повстанія, съ конфискаціей имѣнія, выдачи прекратились. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, прекратилось и бережное отношеніе Хрщей къ дѣвочкѣ. Стала она лишнимъ ртомъ въ семьѣ, обузой.

Пяти лѣтъ Женя гусей пасетъ, восьми — скотину. Дѣтство босое, въ лохмотьяхъ, впроголодь, грубое дѣтство. Любопытно, однако: въ суровой средѣ, гдѣ такъ тяжелы карающія руки и такъ легко „сдирають шкуру“ съ ребенка за малѣйшую провинность. Женю никогда не били. Этому впослѣдствіи она сама дивилась, какъ чуду. Видно, было что то въ этомъ ребенкѣ, что останавливало поднятую на него сердитую руку. И еще: оборванная чуть не до наготы, босоногая, всегда съ животными — гораздо больше, чѣмъ съ людьми, — Женя, все-таки, ухитрялась какъ то оставаться чистою тѣломъ и, среди вшивыхъ ровесниковъ и ровесницъ, одна не знала паразитовъ ни въ волосахъ, ни въ одеждѣ.

— Ишь, шведское отродье! завистливо бранила Женю одна изъ тетокъ, особенно ее не любившая, — и вошь то ея не хочетъ, не беретъ!

Въ томъ, что Женя „шведское отродье“, съ возрастомъ ея не стало уже никакого сомнѣнія. Съ ея лица гордо сіяли прекрасные синіе глаза Александра Вальтера, его золотые кудри вились надъ ея высокимъ лбомъ, — та же мощная стройность тѣла, та же смѣлая, легкая походка, та же благородная осанка, та же благосклонность взгляда и ласковость улыбки, за которыя по покойному шведу вздыхали едва ли не всѣ паненки въ околицѣ верстъ на пятьдесятъ. Но напрасно. До своего грѣхопаденія съ Анелькой Вальтеръ жилъ среди соблазнительныхъ литовскихъ и польскихъ красавицъ истинно Іосифомъ библейскимъ: ни единаго романа, — даже въ сплетняхъ! И не мало

удивлялись въ околоткѣ тому, что этотъ серьезный, меланхолическій даже, красавецъ, брезгливо-чистый, словно честно вѣрующій монахъ, сдѣлалъ столь странный выборъ изъ числа усердно гонявшихся за нимъ, какъ невѣсть, чаявшихъ жениха, такъ женъ Пентефрія, чаявшихъ любовника: оскандалился съ покоювкой, — притомъ, нисколько некрасивою и уже далеко за тридцать, пожалуй, и во всѣ сорокъ лѣтъ!

И — пусть Женя такъ выразительно ярко уродилась „вся въ отца“! Однако, должна же была бы и мать хоть сколько нибудь отразиться въ дочери. Между тѣмъ, въ ангельскомъ личикѣ и изящной фигуркѣ Жени ни одна черта не обличала наслѣдства отъ дебелой, смуглой, курносой Анельки, съ ея татарскими глазами и густымъ конскимъ хвостомъ, чернымъ и жесткимъ, въ качествѣ волосъ. Если ужъ кого напоминали маленькія ручки и ножки дѣвочки и вся ея точеная скульптурность, то никакъ не тяжеловѣсную Анельку, но по удивительной игрѣ природы, ея госпожу и благодѣтельницу, великолѣпную графиню Евгенію-Марію-Алоизію-Августу и пр. Щавскую.

Отсюда взялась легенда, будто отцемъ то Жени, — конечно, такъ, — былъ Александръ Вальтеръ, но въ матеряхъ — Анелька только приняла грѣхъ на себя, а, на самомъ дѣлѣ, дѣвочкѣ дала жизнь, увлекшаяся красавцемъ-шведомъ, графиня. Анелька же служила только ширмою для тайной связи, которую ея сіятельство, бывъ сластолюбива, но надменна, считала для себя унизительною. Увѣряли, будто и виленская ученая акушерка проговорила однажды, что наилучшій свой гонораръ за практику она получила въ нѣкоемъ захолустномъ графскомъ замкѣ за то, что помогла горничной графини разрѣшиться отъ бремени... подушкой!

Кромѣ нѣкотораго сходства Жени съ графинею, за легенду говорили также и нравы Евгеніи-Маріи-Алоизіи-Августы

и пр. Сіятельная таки повеселилась на своемъ вѣку. Дважды была замужемъ, — въ третій бракъ ей не позволили вступить взрослые сыновья и дочери, сами уже семейные и дѣтныя. Молоду графиня была очень хороша собою, и парижская свѣтская хроника не мало вниманія посвящала ея амурамъ. Героями ихъ слыли интереснѣйшіе люди Парижа, — то дипломатъ, то поэтъ, то политическій трибунъ, — въ эпохи Карла X, Луи Филиппа и Луи Наполеона. Остатки замѣчательной красоты графиня сохранила и въ пожилые годы, хотя сильно располнѣвшая, но съ свѣжимъ лицомъ подъ густымъ и волнистымъ серебромъ блестяще бѣлыхъ волосъ, — рано посѣдѣвъ, она ихъ не красила изъ своеобразнаго кокетства, — и съ весьма достаточнымъ запасомъ молодого огня въ яркихъ темныхъ глазахъ.

Словомъ, въ томъ, что эта отцвѣтшая побѣдительница сердце еще не хотѣла считать свою женскую жизнь конченною и, съ деревенской скуки, свела романчикъ съ красивымъ лѣсничимъ, не было ничего невѣроятнаго. Но, въ годъ рожденія Жени, графиня стукнуло 56 лѣтъ! Родить въ этомъ возрастѣ почти невѣроятное чудо для женщины... развѣ, что она — библейская Сарра, да, вѣдь, и для той потребовалось сверхъестественное вмѣшательство! А потому легенду меньшинство принимало, большинство отвергало.

3.

Легенда принесла Женѣ то счастье или несчастье, что ею заинтересовался вновь назначенный въ парохію молодой ксендзь. Нашелъ дѣвочку похожую на златокудраго ангела, вскудлаченнаго вѣтромъ, покуда слеталъ съ неба. Женѣ шель двѣнадцатый годъ, а грамотъ она еще не знала. Поиспытавъ

разговоромъ, ксендзъ нашель ее одаренною умственно почти въ той же мѣрѣ, какъ красотою, и рѣшилъ дать ей образованіе. Человѣкъ онъ былъ хорошій, честный, съ самыми благими на-мѣреніями, но дѣвочка, подростая, все хорошѣла, все дѣлалась интереснѣе, и, — на пятнадцатомъ году ея, — не выдержалъ ксендзъ искушеній озлобленной безбрачіемъ плоти: сорвался!.. По околотку загудѣла сплетня, кто то донесъ, ксендза вызвала консисторія и, послѣ жестокой головомойки, перевела его, съ эпитимею, въ другую парохію. А Женю Хрщи спровадили отъ срама въ Вильно къ какой то тамошней своей родственницѣ съ наказомъ не возвращаться. Чтобы, значить, коли не сдержала себя дѣвка, пропала, то, стало быть, судьба ея такая, но — пусть пропадаетъ подальше, въ городѣ, гдѣ имъ, раз-вратнымъ, водъ, а отъ насъ, деревенскихъ, проваливай, го-лубка, съ глазъ долой, чтобы твоимъ духомъ на вѣкъ не пахло!

Виленская родственница, кухарка въ господскомъ домѣ, встрѣтила Женю болѣе, чѣмъ неласково, — даже не приняла ее переночевать. Дѣвушка скиталась по незнакомому чужому городу, не зная, что съ собою дѣлать. Денегъ у нея было немножко, — ксендзъ, уѣзжая, успѣлъ ей сунуть, а она имѣла благоразуміе припрятать отъ Хрщей, — но она была такъ де-ревенски наивна, робка и дика, что не посмѣла попроситься въ гостиницу и поопасилась укрыться въ корчму. Такъ и про-ходила, безпріютная и бессонная, всю короткую лѣтнюю ночь, благо погода стояла ясная и теплая.

Поутру, у Острой Браны, приглядѣлась къ Женѣ одна изъ богомолкъ и привязалась съ разговоромъ. Женя, по при-родѣ сдержанная и осторожная, о себѣ сообщила богомолкѣ мало, а богомолка — ей, что пришла къ Острой Брамѣ отслу-жить напутственный молебень передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ ее ждетъ очень хорошее мѣсто у богатыхъ поль-скихъ пановъ, недавно перебравшихся изъ Вильна въ столицу

и теперь вызывающихъ къ себѣ ее, старую свою прислугу. Разказы словоохотливой женщины о Петербургѣ внушили Женѣ мысль поѣхать съ нею.

— Я такъ сообразила, — объясняла она впослѣдствіи, — жить мнѣ, здѣсь ли, тамъ ли, все равно, не на что. Она говоритъ, что въ Петербургѣ легче найти мѣсто, чѣмъ въ Вильнѣ. Такъ, чѣмъ проѣсть свои рублишки на виленскихъ бубликахъ, истрачу-ка я ихъ лучше на билетъ до Петербурга, — авось, мнѣ тамъ улыбнется какое нибудь счастье. Если же нѣтъ, то — бросаться ли въ Вилію, бросаться ли въ Неву, результатъ одинъ. А, по крайней мѣрѣ, передъ смертью посмотрю, какой это такой есть на свѣтѣ Петербурга, которымъ такъ много хвалятся москаля, да и изъ нашего Мицкевича панъ ксендзъ Казимежъ читалъ мнѣ чудесные стихи...

Богомолка охотно согласилась принять Женю въ компанію и даже обѣщала свое покровительство — устроить ее служкою къ тѣмъ же панамъ, или въ ихъ знакомствѣ. Поѣхали. Обѣ — налегкѣ: у Жени — крохотный узелокъ, у спутницы — никакого ручного багажа, но сундакъ въ багажномъ вагонѣ. Женщина, какъ будто, была не плохая и искренно расположилась къ Женѣ. Но въ Псковѣ приключилось несчастье. Женщина вышла купить провизіи, замѣшкалась и прибѣжала къ вагону, когда поѣздъ былъ уже въ ходу, и сѣсть ее не пустили. Она успѣла бросить Женѣ въ окно пакетикъ съ ѣдой, но Женины деньги и билетъ остались у нея. О билетѣ контролеръ, по свидѣтельству прочихъ пассажировъ, принялъ въ уваженіе несчастный случай, и до Петербурга Женя доѣхала. Но на Варшавскомъ вокзалѣ сошла съ поѣзда безъ единого гроша въ карманѣ, безъ единой знакомой души въ городѣ и безъ единого русскаго слова на языкѣ.

Полякъ кондукторъ посоветовалъ ей ждать спутницу на вокзалѣ слѣдующими поѣздами изъ Пскова. Ждала. Поѣзда

приходили, но спутница не являлась. Такъ промаялась Женья почти сутки. Наконецъ, ея жданьемъ заинтересовалась буфетчица третьяго класса, немножко говорившая по польски. Узнавъ дѣло, она не захотѣла пугать дѣвочку, но, про себя, была увѣрена, что ждать напрасно: наскочила деревенщина на поѣздную мошенницу! Видя Женю совершенно изнеможенною, добрая женщина отвела ее къ себѣ на квартиру — выспаться, а тамъ видно будетъ, что Богъ дастъ!

— А здѣсь тебѣ торчать нечего. Псковскіе поѣзда всѣ пришли, и новыхъ до завтра не будетъ. Ты уже и такъ намозолила глаза жандармамъ: еще заберутъ тебя, глупую, — выпутывайся потомъ...

Подозрѣнія буфетчицы были не справедливы: впоследствии, дорожная спутница нашла Женю въ Петербургѣ и возвратила ей билетъ и деньги. Чѣмъ составила свое собственное счастье: обрадованная Женья, уже богатая и могущественная, вознаградила виленскую знакомку, за доказанную честность, буквально сторицею. Но, покуда что, вышло плохо.

Женья, съ усталости и волненія, заспалась, скептическая буфетчица пожалѣла ея сна, находя ненужнымъ будить ради безнадежной встрѣчи. Который то изъ утреннихъ поѣздовъ привезъ виленскую женщину, но ей, опоздавшей на сутки противъ назначеннаго господами срока и, съ того, совсѣмъ потерявшей голову, и въ мысли не пришло пораспросить о Женѣ на вокзалѣ. Получила, второпяхъ, изъ багажа свой сундукъ, сѣла на извозчика и укатила. И, такимъ образомъ, повисла одинокая Женья въ смрадномъ воздухѣ лѣтняго Петербурга безъ всякой поддержки, кромѣ тоненькаго-тоненькаго волосочка — симпатіи, которую восчувствовала къ ней жалостливая буфетчица.

А гдѣ тонко, тамъ и рвется. Жалѣть то красавицу — „полечку“ буфетчица жалѣла, но, разглядѣвъ, что „полечка“ беременна, добродѣтельно смутилась, что пустила къ себѣ „такую“. Дала Женѣ, для успокоенія своей совѣсти, три рубля и выпроводила ее на всѣ четыре вѣтри.

Женя, твердо убѣжденная въ томъ, что ея виленская знакомка въ Петербургѣ, рѣшила искать ее такимъ остроумнымъ способомъ:

— Она благочестивая. Въ Вильнѣ служила напутственный молебенъ у Острой Браны. Значить, здѣсь непременно будетъ ходить въ костелъ. Пойду и я — стану у костела и буду ждать. Если не дождусь ея самой, то, можетъ быть, разговорюсь съ какой нибудь землячкой, которая мнѣ поможетъ ее найти...

Вѣжливо отблагодаривъ буфетчицу за гостепріимство, Женя просила, на прощанье, указать ей дорогу къ польскому костелу. Гдѣ именно польскій костелъ, буфетчица не знала, но назвала ей главный католическій храмъ св. Екатерины на Невскомъ и даже такъ сдобрилась, что дала Женѣ мальчика — проводить до Невского... Впослѣдствіи этотъ мальчикъ получилъ за проводы тысячу рублей!

На паперти св. Екатерины Женя знакомки не дождалась, конечно, а дождалась того, что ее арестовалъ было городской за прошеніе милостыни. Кое кто, прислушавшись, вступился за Женю, объясняя, что, обращаясь къ входящимъ и выходящимъ богомольцамъ, она не милостыни просить, а ищетъ какую то свою родственницу... Закигѣлъ споръ, стала собираться толпа. Безсловесная по русски, Женя, съ испуга, и по польски то заговорила скверно, сбиваясь на родной жмудскій

языкъ, котораго, какъ на зло, никто изъ свидѣтелей сцены не понималъ...

— Ну, — рѣшилъ околоточный, — канителиться намъ некогда. Маршъ въ участокъ. Тамъ запротоколимъ и разберемъ.

Судьба Жени хотѣла, чтобы въ это время проходила мимо храма св. Екатерины „крестница“ генеральши Рюлиной и *sousmaitresse* ея особняка, Адель, тогда еще совсѣмъ молодая, не болѣе, какъ лѣтъ 23—25-и. Совершая свою обычную предъобѣденную прогулку по Невскому, она замѣтила толпу, подошла посмотрѣть-послушать, поразилась красотою Жени и мигомъ осѣнилась вдохновеніемъ на геніальный планъ. По жмудски она не говорила, но жила въ Ковнѣ, Гроднѣ, Сувалкахъ, и поняла Женю лучше, чѣмъ прочая публика...

— Ну, вотъ! — радостно заговорила она по польски, пробиваясь сквозь толпу, — ты, Женья, ищешь насъ, а мы сбились съ нощъ, ища тебя...

И продолжала по русски — къ околоточному:

— Отпустите это бѣдное дитя, господинъ офицеръ. Оно ни въ чемъ не виновато и говорить чистую правду. Женщина, которую она ищетъ, знакомка моей крестной. Она только что пріѣхала изъ Вильна и теперь мечется по Петербургу въ такихъ же попыхахъ, разыскивая свою потерянную спутницу... Такъ что, разъ недоразумѣніе выяснено, позвольте мнѣ взять этого младенца съ собою и дальнѣйшую отвѣтственность за нее принять на себя... Вотъ моя визитная карточка и адресъ... Или, если этого мало, то — какъ вамъ угодно — пройдемъ вмѣстѣ съ нею къ крестной...

Но околоточный, взглянувъ на карточку съ N дома въ лучшей части Сергіевской, видя передъ собою даму, безукоризненно элегантную, хорошаго аристократическаго тона, не изъяснилъ никакихъ сомнѣній, а, напротивъ, извинился, что,

по обязанности строгой службы, невольно долженъ былъ напугать заблудившуюся овечку...

И вотъ Женья, ошеломленная, въ полномъ непониманіи, что съ нею творится, во снѣ она или на яву, поспѣшно усажена въ шикарнѣйшую пролетку лихача и вихремъ мчится, — куда? не вѣдаетъ! — оборвашка оборвашкою, кудлашка кудлашкою, рядомъ съ шикарнѣйшею красавицей-дамой, которая представляется ея одурманенному воображенію не иначе, какъ благодѣтельной феей, во время прилетѣвшей, чтобы вырвать ее изъ когтей злыхъ чертей...

А не болѣе, какъ три года, спустя, Женья обитала въ собственномъ скорѣе дворцѣ, чѣмъ домѣ, на Англійской набережной, слыла въ насмѣшливо завистливой столичной сплетнѣ не вѣнчанною великою княгиней и растила дочку ярко выраженного романовскаго типа, въ которой августѣйшій родитель души не чаялъ. И, въ льстивую ли угоду ему, по эстетическому ли, въ самомъ дѣлѣ восторгу къ красавицѣ, большой милліонеръ и большой чудакъ, банкиръ Мюнхеновъ, вдохновенный поэтъ въ душѣ и лютый аферистъ въ своей конторѣ, удочерилъ Женю и завѣщалъ ей значительную часть своего состоянія.

„Затѣмъ, — объяснялъ онъ, — что желаю увѣковѣчить свою скромную, ничѣмъ не прославленную и обреченную забвенію, фамилію, сливъ ее съ твоей безсмертной красотой.“ Дѣйствительно, хороша была эта Женья Мюнхенова даже сверхчеловѣческою какою то, божественною, олимпійскою, что ли, почти страшною въ обаятельной силѣ своей, Афродитиною красотой. Ни одинъ портретъ ея, ни одинъ бюстъ не удался художникамъ, хотя кто только изъ знаменитостей послѣднихъ двухъ десятилѣтій прошлаго вѣка, не писалъ или не лѣпилъ Женю! А фотографія лишала красокъ, обращала въ мертвое тѣло, не вспыренутое живою водою.

Несравненность и, может быть, невоспроизводимость своей красоты Женья сама лучше всѣхъ знала. Однажды, вновь прибывшій въ Петербургъ секретарь французскаго посольства, воображая быть любезнымъ, спросилъ ее, много ли такихъ прекрасныхъ женщинъ въ Россіи? Женья очень спокойно поправила:

— Вы, вѣроятно, хотѣли сказать — на земномъ шарѣ?

А въ другой разъ, въ общемъ разговорѣ о красавицахъ Петербурга, съ такимъ же спокойствіемъ высказалась:

— Красивыхъ женщинъ въ Петербургѣ — одна: я. Но есть двѣ-три хорошенькія. Напримѣръ, Зинаида Богарне, Марія Петина, Елена Мравина...

То есть — самыя прославленныя и великолѣпныя богини красоты въ старомъ Петербургѣ!

Въ различіе съ многими красавицами, Женья Мюнхенова была и умственно одарена богато на зависть. Въ восемнадцать, двадцать лѣтъ ея, никто изъ вновь ее узнавшихъ не хотѣлъ вѣрить, что она еще недавно, босоногою дѣвчонкою, пасла гусей и утокъ на берегахъ Виліи. Женья съ поразительной легкостью, овладѣла русскимъ, французскимъ и англійскимъ языками, много, охотно и толково читала и умѣла интересно поддерживать рѣшительно всякій разговоръ, возникавшій въ ея салонѣ. Память о ксендзѣ, погубителѣ ея дѣвчества оттолкнула ее отъ католическаго духовенства и церкви и сдѣлала вольнодумкою. Но католическая наслѣдственность и закваска сказывались въ Женьѣ чрезвычайнымъ интересомъ къ мистическимъ явленіямъ и ученіямъ вѣка. Въ этой области она была настоящій профессоръ, но нельзя сказать, чтобы изъ легковѣрныхъ, — напротивъ, со спиритическимъ, наприимѣръ, движеніемъ, очень сильнымъ въ то время, она вела самую скептическую полемику.

Проблиставъ такимъ образомъ три или четыре зимы, Женья Мюнхенова скрылась съ петербургскаго горизонта такъ же вне-

запно, какъ надъ нимъ возсіяла. Говорили, будто она бросила своего высочайшаго почти что супруга ради какого то офицера — даже не гвардейскаго, а изъ провинціальныхъ армейцевъ. Если это и было, то должно быть, не надолго, потому что вскорѣ Женья начала мелькая то здѣсь, то тамъ за границую, одинокая, въ скромныхъ буржуазныхъ условіяхъ жизни и, по видимому, очень стараясь не привлекать къ себѣ общественнаго вниманія. Но съ ея лучезарною красотою это было мудрено: всюду тянулся блестящій слѣдъ, какъ за яркимъ метеоромъ. Наконецъ и того добилаься, — исчезла безслѣдно.

Быль слухъ, что обманула Женья надежду банкира Мюнхенова сохранить въ ней фамилію свою, — вышла въ Триестъ замужъ за богатаго левантинца, красавца и авантюриста, какихъ мало. Но овдовѣла, а, по смерти мужа, котораго, кажется, очень любила, замкнулась, словно въ монастырѣ, въ пустынномъ имѣніи, гдѣ то не то въ Киликіи, не то въ Сиріи, и усиленно предавалась... изученію оккультныхъ наукъ!... Дочку ея отецъ воспиталъ, подъ новымъ исхлопотаннымъ именемъ, въ лучшемъ изъ провинціальныхъ институтовъ.

XXXII.

Имя Жени Мюнхеновой произносилось въ особнякѣ на Сергіевской съ симпатіей и уваженіемъ даже до благословенія. За то о другой подобной же удачницѣ, пресловутой Юліѣ Сергѣевнѣ Заренко, чуть-чуть было не выскочившей въ морганатическія супруги престарѣлаго prince'a Gogo, вспоминали не иначе, какъ съ проклятіями и только что не со скрежетомъ зубовымъ. Эта продувная красавица ухитрилась вырваться изъ рюлинскихъ когтей, мало, что не поплатившись за свободу ни единою копейкою, но еще и съ генеральши содравъ тридцать тысячъ рублей. А не то, — грозила, — одного моего слова

prince'у достаточно, чтобы разорить всю вашу паскудную механику и расточить кліентуру.

Юлію Заренко Маша Лусьева еще успѣла однажды встрѣтить у Рюлиной и даже участвовала съ нею въ живой картинѣ. Юлія изображала Фрину, а Маша, Люція и какая то смуглая Зиночка ея рабынь. Заренко была безспорно прекрасна, но изъ-подъ красоты въ ней сквозила прожженная дѣловиха вродѣ Адели, только еще много усовершенствованная. Машѣ она нисколько не понравилась. Тѣмъ болѣе, что партнерокъ своихъ по живой картинѣ надменная красавица трактовала такъ презрительно, словно онѣ, и въ самомъ дѣлѣ, закрѣпощены были ей въ вѣчное и потомственное владѣніе...

Въ короткій періодъ величія и блеска Юліи Заренко, когда она, вертя своимъ всемогущимъ prince'омъ, какъ волчюмъ, грабила и взяточничала въ двухъ управляемыхъ имъ вѣдомствахъ, Полина Кондратьевна съ Аделью — какъ только не изсохли въ щепки, какъ не сбѣсились до водобоязни отъ безсильной злобы и зависти! За то ужъ какъ же и ликовали онѣ потомъ, — визжали отъ радости! — когда окаянное „Юлькино“ счастье, вдругъ, неожиданно-негаданно, лопнуло, какъ мыльный пузырь, въ скандалѣ чудовищномъ... небываломъ! неслыханномъ!!... Если генеральша не устроила по этому случаю фестиваля съ иллюминаціей особняка, то исключительно изъ боязни, не принялъ бы такую демонстрацію въ насмѣшку на свой счетъ самъ prince Gogo, который, тѣмъ временемъ, лежалъ, избитый до полусмерти прежнимъ любовникомъ Юліи, медвѣдемъ весьма демократическаго происхожденія и таковыхъ же мускуловъ.

(Исторію Юліи Заренко читатель можетъ найти подробно рассказанною въ моемъ романѣ „Безъ сердца“ (Берлинъ. Изд. „Грани“. 1923.) А. А.)

Хозяйки и приказчицы нѣсколькихъ модныхъ магазиновъ, мелкіе дисконтеры и ростовщицы, проходимцы изъ биржевыхъ зайцевъ, аукціонныхъ и ломбардныхъ маклаковъ, состояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Рюлиной, хотя въ великолѣпномъ особнякѣ ея на Сергіевской никто изъ этой братіи не появлялся. Для черной работы по своей куплѣ-продажѣ „генеральша“ имѣла особую квартиру — гдѣ-то въ людныхъ и толкучихъ улицахъ, кишацихъ мѣшаннымъ народомъ, не то у Чернышева моста, не то на Вознесенкомъ проспектѣ. Эту декоративную „контору“ прикрывала своимъ именемъ и жалкимъ положеніемъ больная сестра Полины Кондратьевны, глупая, дряхлая, безногая старуха, которую Адель и Полина Кондратьевна ежедневно навѣщали, встрѣчаясь у нея съ нужными людьми и обдѣлывая текущіе дѣла-дѣлишки. Для видимости старуха вела какую-то маленькую торговлю и занималась некрупнымъ дисконтомъ.

Орава пособниковъ доставляла Рюлиной свѣдѣнія о женщинахъ, запутавшихся денежно, съ зарѣзомъ крайней нужды — до ножа у горла или револьвера къ виску. „Использовать сюжетъ“ было дѣломъ ея самой, Адели или какой-нибудь довѣренной факторши. Между акушерками содержательницами секретныхъ родильныхъ пріютовъ, бабками, знахарками, врачами, не брезгающими абортною практикою, Рюлина тоже была богата своими людьми*).

— Потому что, — откровенничала она, — это — лучше чего не надо, если у хорошей дѣвушки останется позади ангельская душка. А ежели еще и съ могилкою не очень правильно, — тогда ужъ совсѣмъ, какъ есть, благодать Божья.

Именно такимъ страшнымъ узломъ была завязана въ

*) Parent Duchatelet. 473.

грозномъ шкапу Полины Кондратьевны Ольга Брусакова. Въ средѣ бракоразводныхъ адвокатовъ, свахъ, консисторскихъ ходоатаевъ по семейнымъ дѣламъ, — всюду водились ищейки. Ловля женщинъ практиковалась не только въ одномъ Петербургѣ, но и въ провинціи. Одну изъ самыхъ успѣшныхъ и выгодныхъ своихъ красавицъ Рюлина получила изъ Закавказья: обольщенная гувернантка, она отбывала срокъ тюремнаго заключенія за покушеніе на убійство новой любовницы своего любовника; тюрьма сдѣлала ее мертвою для родной окраины, — впереди, по выходѣ изъ заключенія предвидѣлась безпомощная нужда*)... никто не поддержитъ „уголовную подсудимую“, всѣ будутъ только пальцами показывать!... Нашлась, однако, и при тюрьмѣ старательная особа: ссулила бѣдняжкѣ денегъ на проѣздъ въ Петербургъ и снабдила ее рекомендаціей къ Полинѣ Кондратьевнѣ. Одна рюлинская факторша болѣе высокаго полета даже не безызвѣстна и уважаема въ филантропическихъ кружкахъ**). Ея спеціальностью было выслѣживать красивыхъ женщинъ, выздоравливающихъ по больницамъ***).

— Я для своихъ душечекъ денегъ не жалѣю****), — хвасталась „генеральша“. — Я Фани прямо изъ клиники взяла, съ койки, послѣ тифа, кости да кожа, голова бритая, уродъ уродомъ, даже глаза желтые. Но вижу: откормить ее, — будетъ прокъ изъ дѣвки, — ну, и сдѣлай твое одолженіе! Къ знаменитости ее возила. Говорить: хорошо на Кавказъ, — превосходно! послала съ довѣренною на Кавказъ. Мало поправилась. Велѣла ей проѣхать въ Сухумъ къ самому Остроумову. Этотъ говорить: хорошо на Принцевы Острова! Отлично: выдержала ее два мѣсяца на Принцевыхъ Островахъ! Въ моемъ

*) *Генне-Амъ-Ринъ*, 77. *Живаревъ*, 7.

**) *Parent Duchatelet*, 474.

***) *Живаревъ*, 7.

****) *Кузнецовъ*, 32.

деликатномъ дѣлѣ расходовъ бояться — доходовъ не видать. Я убытковъ отъ моихъ душечекъ не недѣюсь: отработаютъ! Есть съ кого!

И, дѣйствительно, кліентура „генеральши“ была огромнѣйшая, такъ что весьма часто у нея не доставало своихъ „бѣлыхъ невольницъ“ и надо было занимать ихъ у другихъ промышленницъ тѣмъ же товаромъ, у Буластовой, Перхуновой, Юдиной, о которыхъ раньше сообщали Маня Адель и Ольга. Въ то время какъ Рюлина обслуживала по своей темной специальности самые верхи и сливки столичнаго общества, кліентура этихъ другихъ госпожъ была много сѣрѣе, работали онѣ откровеннѣе, мельче и шире, коготками не брезговали; сводничество ихъ грубѣе въ приемахъ, а рабство у нихъ было много жесточе и тяжелѣе. О самодурствѣ Буластихи ходили грозные рассказы.

Она довольно часто посѣщала Рюлину, — и даже не въ ея „конторѣ“, а въ самомъ домѣ: двухъ промышленницъ связывали не только нѣкоторыя общія аферы по живому товару, но еще и лютая страсть къ игрѣ: обѣ были завзятые картежницы и постоянныя партнерши... Про женщинъ, закабаленныхъ Буластовою, даже Полина Кондратьевна говорила не безъ жалости:

— Я понимаю: чтобы женщина работала, — заставь ее. Если она лѣнится, упрямится, носъ подымаетъ, капризничаетъ, сплетничаетъ, дерзить, доносить, — не жалѣй, накажи! Но зачѣмъ безъ вины издѣваться надъ человѣкомъ? зачѣмъ безъ надобности тиранить и обижать? А у Прасковьи Семеновны ужъ характеръ такой злобный: безъ всякой пользы для себя, такъ, по пристрастію одному, портить жизнь дѣвкамъ... Мучительница, палачиха!... Положимъ, что съ нея добраго и взять? Отроду хамка, да еще и пьяница!...

Разумѣется, всѣ женщины Рюлиной очень скоро дѣлались извѣстными одна другой, но не только считалось неловкимъ, а

строго запрещалось показывать знакомство внѣ стѣнъ рюлинскаго дома; чтобы дружить, требовалось разрѣшеніе „генеральши“*). Это правило соблюдалось очень тщательно. Рюлина находила, что если жертвы ея начать интимничать между собою, то изъ пріязни ихъ не выйдетъ никакой прибыли для нея, а другъ друга онѣ могутъ компрометировать какою-либо неосторожностью.

— Знаете, душечки, — философствовала она, — гдѣ бабы дружбы, тамъ и бабы ссоры. А если двѣ бабы хорошо поссорятся, то и оглянуться не успѣешь, какъ такого наговорятъ, что въ болтовнѣ ихней не только я, грѣшная, — цѣлый совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ завязнеть!...

Машѣ и Ольгѣ случилось быть приглашенными на одну свадьбу, — и въ великолѣпной начальницѣ, посаженной матери молодыхъ, онѣ узнали свою товарку-чинсницу. Еще вчера она, подѣ именемъ Фаустины, позировала вмѣстѣ съ ними для какихъ-то не то турецкихъ, не то персидскихъ дипломатовъ въ картинѣ подѣ поэтическимъ названіемъ „Бахчисарайскій фонтанъ“. У величавой матроны даже бровь не дрогнула, когда ей представили барышень; Ольга съ Машею тоже отлично выдержали роль, будто имѣли счастье встрѣтить чиновницу въ первый разъ. Имя и фамилію ея онѣ, и въ самомъ дѣлѣ, только при этомъ капризномъ случаѣ узнали. Въ рюлинской компаніи считалось очень нечестнымъ и предательскимъ, находясь „на работѣ“, назвать подругу не условнымъ ея, но настоящимъ именемъ и, наоборотъ, при встрѣчѣ въ обществѣ, окликнуть ее не настоящимъ именемъ, а условнымъ. Да!... „И у ада есть законъ“... „Die Hölle selbst hat ihre Rechte“.

*) *Елистратовъ, 265, Живаревъ, 16, 17.*

На второй годъ крѣпостной зависимости отъ Рюлиной Машѣ суждено было пережить большое несчастье: отецъ ея, возвращаясь домой со службы, — когда переходилъ Симеоновскую, — былъ сбитъ шалымъ велосипедистомъ подъ конку и не всталъ уже. Смерть старика, конечно, вызвала жестокий семейный разгромъ, но Маша, со стыдомъ за себя, сознавала, что въ наступившемъ ужасѣ есть для нея и одна радостная точка: отецъ умеръ, не узнавъ о дочери позорной правды, которую было такъ трудно отъ него скрывать.

— Твое положеніе, Марья, было еще подлѣе моего, — говорила Ольга Брусакова. — Мнѣ хоть не надо играть комедій дома, при своихъ. Мать моя давно все знаетъ... потатчица и соучастница! Ей что? Было бы въ карманѣ пять рублей на „мушку“ въ Нѣмецкомъ клубѣ, а то — я хоть гуляй нагишомъ по Невскому!... Отецъ... кажется, въ одной квартирѣ живетъ, а, ей Богу, я его вотъ уже лѣтъ десять не видала по-человѣчески... въ семьѣ то есть. Если онъ не на службѣ, значить, въ билліардной, въ трактирѣ Соловьева. Если не въ трактирѣ, значить, лежитъ безъ заднихъ ногъ, пьяный, въ своемъ чуланчикѣ, спить. А твой старикъ — настоящий былъ, хорошій, честный, довѣрчивый... стыдно такого!... И хотѣлось же ему счастья для тебя, и вѣровалъ же онъ въ „генеральшу“ нашу, что она, — благодѣтельница, — тебѣ, какъ кладъ нашлась!... нечего сказать, умѣла очки втереть!... Нѣтъ, это — скажи слава Богу, что его такъ внезапно зашибло!... Это Господня милость къ вамъ обоимъ.

По просьбѣ Рюлиной, графъ Иринскій оказалъ давленіе на какую-то важную питерскую пружину, и младшія сироты были приняты въ закрытое учебное заведеніе на казенный счетъ, но не въ Петербургъ, что для Лусьевой было и къ лучшему. А

Машу Полина Кондратьевна заставила поселиться у нея. Положеніе дѣвушки стало хуже — не по дурному обращенію и не по увеличенной требовательности, но — съ большею оцутительностью почувствовала она теперь свое превращеніе изъ свободнаго человѣка въ живую вещь. Машѣ не на что было жаловаться въ матеріальномъ отношеніи, жила она въ довольствѣ, ни въ чемъ не получая отказа. Иногда Рюлина даже баловала ее маленькими подарками — настоящими, которые не ставились въ счетъ. Но зато, съ переѣздомъ къ Полинѣ Кондратьевнѣ, на рукахъ у Лусьевой никогда не оставалось много карманныхъ денегъ; паспортъ ея, послѣ того, какъ былъ отданъ для прописки, Рюлина тоже не возвратила ей, а заперла въ свою знаменитую шкатулку; какъ-то само собою сдѣлалось, что Маша перестала уходить изъ дома безъ спроса, когда ей хотѣлось, а, отпрашиваясь, должна была говорить, куда идетъ, зачѣмъ и надолго ли, и, если опаздывала противъ обѣщаннаго срока, то получала жесточайшія половомойки. Ей велѣно было отстать отъ всѣхъ знакомствъ ея прежняго, не рюлинскаго круга, и понятно, что къ себѣ въ гости, въ домъ Полины Кондратьевны, она никого изъ постороннихъ не могла, да, впрочемъ, и не рѣшилась бы пригласить. Мало-по-малу, тоже какъ-то незамѣтно, ввелось, что, чуть соберется Маша на прогулку, — глядь, и Адель съ нею, либо Люція, либо Жозя, либо кто-нибудь изъ факторшъ и довѣренной прислуги, а если некому отлучиться, то старуха и Машу оставляетъ дома.

— Берегутъ тебя очень, Люлюшенька, — откровенничала Люція, съ которою Маша, тоже съ тѣхъ поръ, какъ жила у Рюлиной, сошлась пріятельски. Лусьева, какъ большинство женщинъ, не умѣла жить безъ „друга“, а Ольгу она теперь видала рѣдко, Жозю ненавидѣла, какъ ловушку-предательницу, Адели же боялась. На „ты“ Люція сама заговорила съ нею, давая понять, что здѣсь и теперь онѣ — въ ровняхъ, и чтобы Маша не

вздумала обращаться съ нею какъ съ прислугою. Впрочемъ, о томъ же и Адель предупредила:

— Ты, Люлюшка, конечно, сумѣешь поставить себя въ хорошія отношенія съ Люціей?... Надѣюсь, ты понимаешь, что она остается на положеніи горничной исключительно по своей дѣброй волѣ: только потому, что ей удастся эта роль. Она сама отлично знаетъ, что превратится въ барышню для нея значить потерять успѣхъ... Удивительно много стало въ Петербургѣ охотниковъ *s'encanailler*, какъ говорится!*)... Но, среди насъ, между своими, она, само собою разумѣется, не слуга, а — какъ всѣ... Полина Кондратьевна очень высоко ее ставитъ... совѣтую это соображать!...

Къ счастью Маши, Люція оказалась дѣвкою кроткаго нрава, — изъ тѣхъ лѣнивыхъ русскихъ натуръ, въ которыхъ странно, но отлично уживаются доброта и распутство, одинаково развиваясь изъ неспособности къ „прозрѣнію внутрь себя“, то есть полнаго невниманія къ внутренней жизни.

— Очень берегутъ тебя, Люлюшка, — рассказывала она. — Боятся, не стали бы сбивать тебя отъ насъ, переманивать... Ну, и любвишка чтобы не завелась на сторонѣ, — потому, что наша сестра въ такомъ разѣ дѣлается дура!... Очень ужъ ты на точкѣ: сейчасъ, — Адель прямо такъ и говорить, — вся ихъ коммерція только и держится, что нами — ты да я, остальные не въ спросѣ...

Въ одичъ зимній день Полину Кондратьевну неожиданно посѣтила, не въ обычай утромъ, а не вечеромъ, — ея „коллега по профессіи“, Прасковья Семеновна Буластова. Тутъ Маша впервые разглядѣла это легендарную особу по близости. На видъ Буластиха показалась ей не столько страшною, сколько вульгарною: огромная толстѣйшая бабица-купчиха, лѣтъ со-

(* *Кузнецовъ, 10.*

рока восьми, разряженная безумно и дорого и чрезвычайно безвкусно, въ камняхъ всюду, гдѣ только можно было приткнуть или повѣсить камушекъ. Она бесѣдовала съ Рюлиною и съ Аделью, запершись втроемъ, но, должно быть, не особенно пріятно, потому что уѣхала недовольная, надутая.

— Знаешь, зачѣмъ была? — шепнула потомъ Машѣ Люція. — Я подслушала: ко мнѣ въ комнату изъ кабинета, черезъ вентиляторъ, звучить... Тебя торговать хотѣла.

— Какъ меня торговать? — изумилась и встревожилась Маша.

— Обыкновенно, какъ: чтобы отдать тебя къ ней, въ ея дѣло, на ея полное распоряженіе.

— Да я не хочу!... — совсѣмъ уже испугалась Лусьева. — Что ты! Богъ съ тобою! Я къ ней не пойду...

— Отдадутъ, такъ пойдешь, — равнодушно возразила Люція.

— Да какъ же можно?

— А почему нельзя? Предложить Буластиха нашей хорошаго отступного, та и продасть*).

— Какъ это — продавать? — волновалась Лусьева. — Не вещи мы! Я не корова, не лошадь, чтобы такъ, будто на базарѣ!... Это — когда крѣпостные были, тогда людьми торговали, а теперь ихъ не покупаютъ и не продаютъ!

Люція, ваяясь на Машиной кровати, зѣвнула и сказала протяжно и поучительно:

— Да не тебя, дура! — пакетъ твой продадутъ.

Маша озадачилась.

— Пакетъ?

— Твой пакетъ — тотъ самый, который о тебѣ у старухи составленъ и въ шкатулкѣ лежитъ. Понимаешь? Буластиха

*) Кузнецовъ, 96, 122, 186, 247.

ей — деньги, а наша Буластихъ — пакетъ... только и всего! Ну, а ты, извѣстное дѣло, — къ пакету этому прилипшая, потому что тамъ въ пакетѣ вся твоя жизнь... „Права“ твои продадутъ, — смекаешь? Всю аттестацію!... Теперь ты зависима отъ нашей, потому что у нея твой пакетъ, и должна ты по пакету дѣлать все, что она прикажетъ. А когда у нашей твоего пакета не станетъ, тебѣ на нее уже плевать, потому что въ пакетѣ сила, и слушаться ты будешь ужъ той толсторожей, Буластихи...

Она тяжело ударила Машу по спинѣ и захохотала.

— Что? оробѣла? Вонъ она, какая машина-механика!... Только ты не бойся! Наша Буластихъ отказала наотрѣзъ. Та большія тысячи предлагала, старуха было и подаваться начала, да Адель пошла дыбками въ разбивъ, что самимъ дороже.

Маша улучила случай переговорить о новомъ своемъ страхѣ съ Ольгою Брусаковою.

— Да, это бываетъ, — хмуро подтвердила та. — Перепродажа шантажа... частая исторія. И Буластихъ сейчасъ ты, дѣйствительно, была бы очень къ рукѣ... Она безъ примадонны осталась... Ея знаменитая „Княжна“ заболѣла: женское что-то, въ Еленинской больницѣ лежитъ...

— А чѣмъ она знаменитая?

— Тѣмъ, что заправская княжна, съ родословною чуть не отъ Гостомысла.

— Красивая?

— Никогда не случалось встрѣчаться. Говорятъ, что нѣтъ... Да врутъ, должно быть, потому что въ буластовскомъ дѣлѣ „Княжна“ — вотъ какъ ты у Рюлиной — идетъ всегда въ первую голову... Ты не опасайся: тебя не продадутъ. Тобой здѣсь очень дорожатъ. Я не zapomню, чтобы „генеральша“ носилась съ кѣмъ-либо изъ насъ, какъ съ тобою. Она изъ-за тебя даже и ко мнѣ стала любезнѣе... Право!

— Ужъ очень страшно, Оля!... Про эту Буластиху ходять такія легенды...

— Да, у Рюлиной — надзоръ, а тамъ — острогъ, да еще и съ застѣнкомъ!*)... Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ. У насъ бывали дѣвушки, перекупленныя отъ Буластихи. Онѣ и вспоминать боялись, каково имъ сладко жить. — Одна, изъ казачекъ, Фіаметой звали, — богатаго купца дочь, только отъ родителей проклята за офицера, — такъ вотъ эта Фіамета, бывало, очень смѣшила насъ за ужинами: если на столѣ стоитъ зернистая икра, — она и къ закускѣ не подойдетъ; видѣтъ зернистой икры не могла, не то что ѣсть... Адель даже и кавалеръзъ такъ предупреждала: ежели Фіамета въ компаніи, то уговоръ, — чтобы зернистой икры не было...

— А Буластиха при чемъ?

— А вотъ видишь ли: пошалили однажды буластовскія дѣвушки, захотѣли подразнить хозяйку, — вытащили у нея изъ буфета два фунта зернистой икры и съѣли. Прасковья Семеновна хватилась: „Гдѣ икра? кто взялъ?...“. Подружки струсили, — говорятъ Фіаметѣ: „Ты зачинница, ты на себя и бери!... Отвѣтъ не великъ: зернистая икра сейчасъ два рубля фунтъ...“. Фіаметта заявляетъ: „Виновата, Прасковья Семеновна, мой грѣхъ!...“. А той не икра и дорога, всего только того и надо, чтобы къ жертвѣ придратъся... Обрадовалась, тиранство-то въ ней разыгралось... „Ахъ, — пищитъ, — это ты, Фіаметточка? Вотъ не ожидала!... Что же? Ты развѣ такъ любишь зернистую икру?“ — „Очень люблю, Прасковья Семеновна...“. — „Дурочка, такъ ты бы давно сказала! Я тебя угощу!...“. И приказываетъ своей Ѳедосѣ Гавриловнѣ, — это у нея управляющая, какъ у насъ Адель, только совсѣмъ простая баба, и характеромъ, говорятъ, Продъ, да и видомъ ужаснѣй-

*) *Елистратовъ, 265, Жуваревъ, 17, 18.*

шая... вчужѣ смотрѣть жутко! — приказываетъ принести еще два фунта икры... Та приносить... „Вали на полѣ!...“. Вывалила... Прасковья Семеновна — туфли съ себя долой и становится въ икру босыми ножищами: „Ѣшь!...“. Фіаметта такъ и вскочила: „Что вы? Очумѣли?...“. А Ѳедосья Гавриловна ее сзади кулачищемъ по затылку — разѣ!.. Фіаметта и съ ногъ долой, прямо къ икрѣ носомъ... „Помилуйте!...“. — Два!... „Никогда больше не буду! простите, _миленькая!“ — „Тогда прошу, когда отъ икры ни зернышка не останется! А покуда не доѣшь, бить будемъ!...“ Вотъ какіе дьяволы!... „Жри! — кричитъ, — да безъ передышки!“. И ничего не подѣлаешь: сожрала!... Потому что, едва голову подниметъ, Ѳедосья ее трахъ!... Не диво, что послѣ такого угощенія на икру смотрѣть не захочешь!...

Адель только повѣствовала:

— Жила у насъ одна буластовская, Клавденька... Та, бывало, все по ночамъ съ постели срывалась. „Куда ты?...“. — „Прасковья Семеновна кличутъ!...“. — „Очнись, глупая...“. — „Пусти, пусти!... щипать станеть!...“.

Рюлина узнала о смущеніи Марьи Ивановны и лично ее успокоила:

— Слово тебѣ даю, что этого не будетъ. Зачѣмъ? Я совершенно тобою довольна. Если бы я хотѣла съ тобою разстаться, то уже разсталась бы: Буластова мнѣ за тебя пятнадцать тысячъ надавала.

XXXV.

Есть натуры, женскія въ особенности, которымъ всякая властность, хотя бы и самая порочная, нравится и импонируетъ, въ которыхъ чувство принадлежности быстро переходитъ въ привычку и, при не совсѣмъ дурномъ обращеніи, даже во что-

то въ родѣ привязанности. Лусьева была изъ такихъ. Она по-работилась Рюлиной съ дѣтскою легкостью и вскорѣ стала въ ея домѣ настолько же позорно своею, какъ Адель и Люція. Ея давно уже не стерегли, слѣдить за нею внѣ дома тоже перестали, — мало того: когда въ домѣ появилась новая „крестница“ Полины Кондратьевны, бѣленькая и глупенькая нѣмочка, едва перешагнувшая за шестнадцать лѣтъ, Рюлина поручила надзоръ за нею Машѣ, — такъ увѣрилась старуха, что заглубленной до конца дѣвушкѣ некуда идти, да уже и нѣтъ у нея воли на уходъ. Нельзя человѣку, очутившемуся въ позорномъ и гибельномъ положеніи, жить безъ надежды выйти изъ него когда-нибудь. Хранили этотъ миражъ будущаго и невольницы „генеральши“. Онѣ не разъ слыхали отъ своей повелительницы и вѣрили, что Полина Кондратьевна уже устала вести свое огромное и трудное предпріятіе и намѣрена вскорѣ забастовать, а при забастовкѣ сломаетъ свой роковой шкафъ, сожжетъ въ каминѣ роковые пакеты и отпустить всѣхъ на волю*).

— Она бы давно ликвидировала, да все проигрываетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, — умная, ловкая, властная старуха имѣла чуть ли не единственную слабую струнку въ характерѣ, — зато и господствовала же надъ нею струна эта! Демонъ игры владѣлъ Рюлиной безпрекословно. Несмотря на очень значительный доходъ, она никакъ не могла собрать капитала для жизни рентою, о которой мечтала уже лѣтъ пятнадцать. То разоряла биржа, то обижали карты и тотализаторъ, то ошипывала рулетка.

— Хотя бы вы любовника завели на старости лѣтъ, — извила ее Адель, — чтобы билъ васъ и не позволялъ вамъ просчитываться!

И старуха, которая въ другихъ случаяхъ не терпѣла —

*) Живаревъ, 26.

куда ужъ насмѣшекъ надъ собою! — взгляда безъ почтенія, жеста неуважительнаго, — на этотъ выговоръ конфузилась, от-малчивалась, отсмѣивалась,

— Не надо ворчать, Адель! Если выиграю, пойдетъ тебѣ же на приданое.

— Смотрите: моихъ не продуйте! — безнадежно возражала Адель.

Ей искренно хотѣлось, чтобы игра не сбивала старуху съ пути къ ликвидаціи. Она находила, что пора имъ сойти съ опасной сцены.

— Не всегда счастье. Такъ нельзя надѣяться, что можно процвѣтать вѣчно. Столько конкурентовъ, каждый день новыя... Положимъ, по дѣлу, намъ никто изъ нихъ не опасенъ. Но въ профессію начинаетъ влѣзать такая шваль... отъ нихъ всего сквернаго слѣдуетъ ждать!... Каждый день возможенъ доносъ, скандалъ, и все полетитъ къ чорту!... Да наконецъ надо же когда-нибудь и просто остепениться! Я совсѣмъ не намѣрена покончить свою жизнь въ этихъ милыхъ трудахъ... Я отдала имъ болѣе двадцати лѣтъ жизни... Въ день моего четверть-вѣкового юбилея я говорю: баста! — и складываю оружіе... Пора жить! — жить, чортъ возьми, а не прокисать въ работѣ!

Маша долго не могла повѣрить, что Адели уже сорокъ лѣтъ: до того казалась моложавая, крѣпкая и здорова эта красивая женщина, скованная лѣтъ на девяносто жизни.

— Бываютъ же такія желѣзныя! — завидовали ей всѣ. — Она и спитъ-то въ полглаза, точно кошка, — право!

— Если надо, хоть трое сутокъ могу не спать! — похвальнолась сама Адель.

Она была педантично воздержанна въ своемъ общемъ житейскомъ режимѣ, — сколько позволяла профессія, разумѣется. Вина она выпивала обязательно полъ-литра въ день, одного и того же, краснаго, довольно высокой марки, и ужъ больше нель-

зя было заставить ее выпить никакими просьбами, — хоть насильно въ ротъ лей. Но спаивать цѣлыя компаніи и самой среди нихъ разыгрывать полупьяную — была великая мастерица. Рестораторы ее обожали, потому что не было въ Петербургѣ равной искусницы опустошить всѣ близъ стоящія бутылки на столѣ, не выпивъ изъ нихъ ни глотка... Совершенно исключительная физическая сила, ловкость и гибкость ея приводили рюлинскихъ женщинъ въ изумленіе.

(Паранъ Дюшатле, составляя главу о здоровьи проститутокъ, былъ очень изумленъ несоотвѣтствіемъ данныхъ о предметѣ у болѣе раннихъ изслѣдователей. Въ то время, какъ одни оплакивали горькими слезами участь несчастныхъ, осужденныхъ на преждевременное истощеніе, болѣзни, скорую чахотку, раннюю смерть, другіе объявляли проституттокъ чуть ли не самыми крѣпкими женщинами во Франціи, „железное здоровье“ которыхъ никогда не уступаетъ ихъ позорному промыслу, за исключеніемъ, конечно, вліянія извѣстной болѣзни!.. Странное разногласіе объяснилось очень просто; одни источники составились цѣликомъ по наблюденіямъ врачей надъ нищенствующими низами класса, другіе — исключительно надъ его сытыми верхами. Паранъ Дюшатле, кажется, первый сумѣлъ раздѣлить проституціонную массу на сословія, или категоріи, — распредѣлилъ своеобразную аристократію и буржуазію „нарядныхъ“ съ бѣдствующею поденщиною и босячествующимъ пролетаріатомъ „убогихъ“. Не говоря уже о демимондѣ, — даже между Настею изъ пьесы „На днѣ“ и обитательницами первокласснаго „дома“ физическая разница не меньше, чѣмъ между Костылевскою ночлежкою, гдѣ задыхается первая, и зеркальными залами и атласными спальнями, гдѣ нравственно стгниваютъ вторыя. См. Parent Duchatelet 582. Ломброзо, 296—299.)

— Мнѣ бы въ циркѣ гимнасткою быть или наѣздницею, — говорила она. — Жалѣю, что смолоду не занялась...

— Это она закалилась, подмерзая въ корзинѣ на моемъ крыльцѣ!... — объясняла Полина Кондратьевна, вспоминая, что нѣкогда нашла Адель, трехнедѣльнымъ ребенкомъ, на подъѣздѣ барскаго дворца въ подмосковной усадьбѣ графа Иринскаго. Происхожденіе подкидыша, однако, было выяснено, и родители Адели приведены въ извѣстность.

— Порода хорошая! — хвалилась собою Адель. — Здоровая, южная кровь!

— Но вѣдь маменька ваша, сказываютъ, была изъ волоколамокъ, — вотъ, что лѣтомъ приходятъ малину убирать? — язвила ее Ольга Брусакова.

Адель невозмутимо возражала:

— Зато родитель французъ, провансалецъ. Онъ до сихъ поръ служить главнымъ управляющимъ у графини Лотосовой... то есть числится и жалованье отличнѣйшее получаетъ, а ужъ какая можетъ быть въ его годы служба! Графинѣ восемьдесятъ пять, ему семьдесятъ... развалины!... Такъ, — награжденъ свыше мѣръ въ воздаяніе за прежнюю любовь и заслуги. Она его, говорятъ, у самой Ригольбонш отбила и въ Россію увезла!... Замужъ за него хотѣла выйти, да графъ развода не далъ, а когда онъ померъ, уже и охота прошла.

Адель выросла у Полины Кондратьевны за дочь и, кажется, никогда съ нею не разставалась. Она была единственною привязанностью Рюлиной, женщины безъ родственниковъ, совершенно одинокой. Старуха даже ревновала ее, если у Адели заводилась какая-нибудь не дѣловая дружба. Влюблена Адель по собственному своему признанію, не была ни разу и ко всякому амурному томленію относилась съ большимъ презрѣніемъ*).

*) Ломброзо, 314—320. (*Femmes de marbre*).

— Блажь!

— Ну, а вдругъ влюбишься?

— Нельзя влюбиться. Глупое слово! Можетъ только блажь найти.

— Ну, хорошо, пускай блажь!... Какъ ты будешь, если блажь найдеть?

Адель усмѣхнулась.

— Переселюсь на нѣсколько дней въ шестой номеръ и не вернусь, покуда не просвѣтлѣютъ мозги... Такъ, знаешь, чтобы о мужчинѣ и думать противно было... Вотъ, — какъ Фіаметтѣ про икру...

Въ шестомъ номерѣ жилъ Ремешко и два его товарища, тоже причастныхъ къ дѣлу госпожи Рюлиной.

XXXVI.

Какъ ни гадокъ былъ рюлинскій адъ, какими презрѣнными и несчастными ни почитали себя закабаленные въ немъ рабыни, однако и имъ на столичной лѣстницѣ промысла ихъ оставалось еще — на кого смотрѣть свысока, кѣмъ брезговать, кого презирать, — по заслугамъ, какъ тварей, опустившихся въ порокъ безконечно глубже, чѣмъ онѣ, гніющихъ въ такой нравственной низости, что, кажется, сама грязь, которой служили эти позорныя существа, удивлялась имъ и отвращалась отъ нихъ съ тошнотою. Мужчины шестого номера всѣми женщинами дома Рюлиной были ненавидимы. Что за птицу представлялъ собою „пробочникъ“ Ремешко, уже было рассказано подробно. А онъ былъ, сравнительно, самый порядочный изъ трехъ, то есть, по крайней мѣрѣ, и будетъ вѣрнѣе, самый осторожный: памятовалъ что, все-таки, — не ровень часъ — въ любовь можетъ хлопнуть револьверная пуля, а на ребра обрушить-

ся костоломная дубина разсвирѣпѣвшего родственника, жениха или любовника которой-нибудь изъ погубленныхъ имъ жертвъ. Приличнѣйшій на видѣ, солидный, умѣлый разыгрывать роль богатаго человѣка, которымъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, кажется, былъ когда-то, онъ работалъ по преимуществу въ мелкихъ буржуазныхъ и чиновничьихъ семьяхъ. Громкая фамилія, великосвѣтскія манеры и репутація милліонера обволакивали Лусьевыхъ, Брусаковыхъ и имъ подобныхъ какъ сладкій дурманъ и покоряли Ремешкѣ дѣвушекъ и женщинъ тщеславной мѣщанской среды съ быстротою, которой позавидовалъ бы самъ Донъ Жуанъ испанскій. Онъ часто уѣзжалъ въ провинцію и возвращался оттуда почти всегда въ компаніи какой-нибудь хорошенькой дурочки, которую, сыгравъ предварительно болѣе или менѣе чувствительную любовную драму, благополучно передавалъ въ когти Полины Кондратьевны за вознагражденіе — нельзя сказать чтобы очень щедрое. Компрометирующіе „пакеты“, которыми Рюлина держала въ рукахъ рабынь своихъ, имѣлись у нея и на мужчинъ изъ шестого номера, но — хранились не въ домашнемъ несгораемомъ шкафу, а въ *coffre-fort* какого-то заграничнаго банка.

— Друзья мои! — говорила она господамъ этимъ, — вы должны быть моими тѣлохранителями и беречь меня, какъ зѣницу ока. Потому что — не дай вамъ Богъ того, чтобы я умерла насильственною смертью либо испытала нападеніе какое-нибудь или, вообще, какъ-нибудь подозрительно этакъ скончала жизнь свою въ одночасье. Потому что у меня такое распоряженіе сдѣлано: если я убита или погибну внезапно — постараются добрые люди тихою смертью известить меня, — то пакеты ваши сію же минуту вручаются прокурорскому надзору и жандармамъ... Поняли?

Прохвосты понимали... Поэтому рабство ихъ было еще прочнѣе и, въ смыслѣ зависимости, много униженнѣе жен-

скаго, и самую подлость свою приходилось имъ продавать Рютиной по самой дешевой цѣнѣ.

— Эхъ, Марья Ивановна! — возразилъ Ремешко, когда Лусьева, однажды, и со зла, и немножко спьяна, принялась было ругать его за свою гибель. — Развѣ я виноватъ? Мое дѣло подневольное. Я — рабъ хуже всѣхъ здѣшнихъ рабовъ. Не то что дѣвушку завлечь, а прикажутъ мнѣ задушить васъ и тѣло ваше въ Неву съ камнемъ бросить, я и въ этомъ спорить не посмѣю... А что я, будто бы, за деньги васъ продалъ, то скажу вамъ — вотъ, какъ Богъ святъ: сколько ни злосчастлива судьба ваша, но, все же, вы въ тысячной обстановкѣ живете, тысячнымъ кредитомъ пользуетесь. Хоть и петля, да шелковая. Мнѣ же — за все ваше дѣло — выбросила Аделъка двѣ сторублевки... въ тотъ же вечеръ я ихъ Петровскомъ клубѣ спустилъ...

Эти люди, промышлявшіе предательствомъ въ любви, гнили въ гущѣ общества, какъ темная пододонная сила, внѣ закона, труда и заработка. Матеріально они зависѣли отъ Полины Кондратьевны не менѣе, чѣмъ по силѣ ея изболочительныхъ документовъ. Въ любой моментъ она могла оставить ихъ безъ крова, пищи и одежды — буквально на произволъ судьбы, какъ людей, которымъ некуда идти, лишенныхъ всѣхъ правъ не фактомъ судебного приговора, но инстинктомъ животнаго самосохраненія. Они должны были прятаться отъ жизни, какъ волки въ лѣсу, потому что волкъ подлежитъ истребленію уже за то, что онъ волкъ, и, какія покаянія ни принеси онъ, какія готовности ни заяви, никто не повѣритъ, что онъ — только большая собака. Да и въ волкахъ-то — какъ волки-одиночки, которые угрюмо боятся другихъ волковъ и должны промышлять добычу каждый за себя самого, не смѣя приставать къ стаѣ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ отвѣтить не то что удовлетворительно, но даже хоть сколько-нибудь вѣроятно на первый вопросъ, который

встрѣчаетъ человѣка въ каждой корпораціи, хотя бы даже и жувальнической:

— Кто ты такой?

Достаточно сказать, что всѣ трое были страстные игроки и недурные шулера, но не смѣли метать въ клубахъ, чтобы не влетѣть въ исторію, потому что исторія вызоветъ слѣжку. Одинъ былъ пьяница, но, зная себя буйнымъ во хмелю, въ ротъ не бралъ вина иначе, какъ въ одиночку: боялся, не наскандалить бы и не дать бы скандаломъ руководящей нити для слѣжки.

XXXVII.

У рабынь Рюлиной были шансы — когда-нибудь откупиться на волю, при помощи какого-нибудь влюбленного богача, способного отвалить одновременно кушъ, достаточно жирный, чтобы оптомъ удовлетворить аппетиты „генеральши“, рассчитанные на долгую розницу. Были шансы — уйти на богатое содержаніе или даже въ замужество и, обязавшись хорошо обезпеченными векселями, платить Рюлиной лишь ежегодный, своего рода оброкъ. Были шансы — раздобывшись деньгами, скрыться за границу. Но три раба шестой квартиры были лишены и этихъ возможностей. Въ одну изъ своихъ провинціальныхъ поѣздокъ Ремешко плѣнилъ гдѣ-то на Волгѣ многомилліонную вдову-купчиху и рѣшилъ было — покончить со всѣми своими похождениями, жениться и остепениться въ лонѣ супружескихъ капиталовъ. Примчался къ Рюлиной — торговаться о свободѣ, и — Люція съ Машею подслушали черезъ лѣдушникъ разговоръ удивительный. Полина Кондратьевна весьма похвалила „пробочника“, что не скрылъ отъ нея своихъ матримоніальныхъ затѣй, и очень совѣтовала — не упускать случая,

непремѣнно жениться. Но выдать Ремешкѣ его „пакетъ“ — компрометирующіе документы — отказала наотрѣзъ.

— Ни за пятьсотъ тысячъ.

— Вы назвали эту цифру какъ невозможную, — говорилъ отчаянный, весь зеленый Ремешко, — но я готовъ больше дать... Не обѣщать, а дать, — вѣрите?

— Почему же не вѣрить? — хладнокровно возражала старуха, — состояніе твоей невѣсты мнѣ извѣстно. Захочетъ заплатить, такъ заплатитъ, а заставить — ты сумѣешь. Но я сказала не „пятьсотъ тысячъ“. И такъ какъ ты не понялъ, то я прибавлю: ни за милліонъ!

— Полина Кондратьевна! Подобнаго капитала вы не успѣете составить, какъ бы хорошо ни шла ваша торговля. Съ пятьюстами тысячами вы можете забастовать...

— Гдѣ? на Сахалинѣ? — сухо оборвала его старуха. — Мой милый, права и возможности умереть спокойно и въ своей постели я не продамъ ни за какія деньги. Я желаю быть хозяйкою своей жизни, а не лакеемъ, какъ ты. Можешь обобрать эту саратовскую тумбу хоть догола, — подѣлиться ты, конечно, со мною долженъ и подѣлишься хорошо, какъ я захочу и найду нужнымъ, — но о документахъ своихъ и думать перестань: они для тебя не продажны.

— Полина Кондратьевна! Вы отказываетесь отъ своего счастья и губите мое!

— Оставь, пожалуйста. Яйца курицу не учать. До тѣхъ поръ, покуда твои документы въ моихъ рукахъ, ты — мой рабъ. Какъ только они очутятся въ твоихъ или уничтожены будутъ, роли наши мѣняются. Ты слишкомъ во многомъ участвовалъ и черезчуръ много знаешь, голубчикъ. Небось, и доказательствами зачесся, улики подобралъ.

— Клянусь вамъ, — какое хотите обязательство выдамъ,

что никогда не стану вредить вамъ, лишь бы документы перешли ко мнѣ.

— Я тоже, пожалуй, поклянусь, что никогда вредить тебѣ не стану, но документы останутся у меня.

Старуха засмѣялась.

— Умный человѣкъ, а глупости говоришь. Ну, чего стоитъ такое обѣщаніе? За кѣмъ сила, того и воля. Если изъ двухъ человѣкъ одному необходимо бояться другого, то я предпочитаю, чтобы боялся ты, а не я... А жениться — это ты ловко задумалъ... женись! Ничего не имѣю противъ того, чтобы ты разбогатѣлъ. Супруга съ милліонами — вещь полезная. И тебѣ, и намъ будетъ хорошо.

— Для васъ, что ли, жениться-то? — грубо огрызнулся Ремешко. — Чтобы вы эти милліоны изъ меня потомъ, годъ за годомъ, высасывали, чрезъ документы мои? Нѣтъ, покорно благодарю! Овчинка выдѣлки не стоитъ! Сами знаете, что жениться мнѣ значить еще новую уголовщину на себя взгромоздить... Рисковать собою лишь для того, чтобы ваши доходы новымъ оброкомъ своимъ увеличить, я не намѣренъ-съ, нѣтъ! Оступного заплачу — сколько угодно, а въ оброчники не пойду!

— Какъ тебѣ угодно. Ты хорошо знаешь, что я на этотъ доходъ не рассчитывала, — слѣдовательно, отказаться отъ него мнѣ ровно ничего не стоитъ. Если бы съ неба валилось, подобрала бы, съ великою благодарностью. Но, если ты надѣялся милліонами ковриги своей настолько меня ослѣпить, чтобы я дуру свалаяла, то — весьма ошибся въ расчетахъ, голубчикъ! Меня, братъ, золотымъ блескомъ не удивишь. Я на своемъ вѣку всего видѣла: и милліонами ворочала, и на Сѣнной за полтинникъ съ первымъ встрѣчнымъ ходила. Да! Такъ, стало быть, изволь работать, что и какъ я тебѣ велю, твоей собственной изобрѣтательности мнѣ совсѣмъ не надо... Поци-

пать же ковригу валяй! дѣло не вредное! Пожуируй въ свое удовольствіе, а барыши — на дѣлежку. Третъ — твоя, двѣ — мои.

— Двѣ трети — вамъ? За что же бы это? — злобно усмѣхнулся Ремешко.

— За то, голубчикъ, чтобы я не мѣшала тебѣ, чтобы коврига твоя не узнала, что ты за цаца.

XXXVIII.

Женщины Рюлиной относились къ мужчинамъ шестого номера — приблизительно такъ же, какъ къ нимъ самимъ относились ихъ гости-покупатели: ими пользовались и гнушались. Ни одинъ изъ этихъ продажныхъ самцовъ не умѣлъ выскочить въ сутенеры. Да и понятно. Сутенеръ тѣмъ и побѣждаетъ проститутку, что она видитъ въ немъ человѣка, объявившаго себя внѣ всякаго закона и повиновенія: между нимъ и дѣйствительностью нѣтъ ничего, кромѣ его воли, за которую онъ кого угодно на финскій ножъ насадить и самъ готовъ подъ ножъ идти. Въ сутенерѣ живетъ демонъ анархіи, страшный для всякаго, кому приходится съ нимъ считаться: это — защитникъ-разбойникъ. Онъ способенъ изувѣчить свою женщину и даже почитаетъ такое бойло шикомъ своего рода, но — кромѣ него самого — уже никто больше той женщины не тронь. Гость, полиція, хозяева женщины — для него кровные враги, съ которыми онъ состоитъ лишь въ перемиріи, куда нѣтъ вызова съ ихъ стороны, но никогда не въ мирѣ. Разумѣется, на такую роль совершенно не годились жалкіе рабы, трепетавшіе при одномъ суровомъ взглядѣ Адели, при одномъ имени Полины Кондратьевны. Въ жизни „воспитанницъ“ Рюлиной не было ни искры даже и той бѣдной поэзіи, скорбной и мучительной,

которую носить въ себѣ каждая уличная проститутка, вѣрная своему полудикому „коту“.

А, между тѣмъ, всѣ три проститута эти были специалисты по уловленію женщинъ, и каждый изъ нихъ, на вѣку своемъ, сбиль съ дуги не одинъ ихъ десятокъ. Одинъ изъ товарищей Ремешко даже имѣлъ кличку „Графчикъ“, потому что когда-то давно, служа лакеемъ въ домѣ графа N, ухитрился влюбить въ себя графскую дочку. Забеременѣвъ, несчастная выбросилась съ третьяго этажа и убила. „Графчикъ“ съ хвастовствомъ показывалъ окно на Литейной, откуда упала на тротуаръ его несчастная возлюбленная. Это былъ мерзавецъ опасный и разносторонній, одинаково ловкій въ подвалѣ провести романъ съ хорошенькою швейкою, въ качествѣ честнаго и солиднаго труженика-мастерового, а въ бельэтажѣ блеснуть лондонскимъ фракомъ и офицерскимъ мундиромъ. Въ провинціи онъ не стѣснялся щеголять въ гвардейскихъ формахъ и настолько хорошо зналъ военный бытъ, имена и нравы, правду и сплетни, что въ самозванствѣ своемъ никогда не то что не попался, но даже и подозрѣній не возбуждалъ. Онъ отлично говорилъ по-румынски, по-армянски, и не скрывалъ, что долго былъ факторомъ по переправкѣ живого товара изъ Одессы въ Константинополь и, въ этой милой профессіи, натворилъ какихъ-то совсѣмъ сверхъестественныхъ звѣрствъ.

— По моей шеѣ три государства тоскуютъ! — хвастался онъ.

Третій проститутъ, по кличкѣ „Студентъ“, имѣлъ специально разыгрывать передового человѣка, развивателя, пропагандиста. Красавецъ съ нѣжнымъ, женственнымъ личикомъ, онъ въ свои почти уже сорокъ лѣтъ глядѣлъ еще двадцатипятилѣтнимъ юношею, былъ мастеръ поговорить на „брошюрныя“ темы и, бродя по скверамъ, садамъ, дачнымъ мѣстамъ, пожиралъ сердца боннъ, гувернантокъ, учительницъ, одиноких ба-

рышень изъ замкнутыхъ, скучныхъ, полуинтеллигентныхъ семей. Опредѣлись этотъ человѣкъ въ шпионы, изъ него могъ бы выйти страшный провокаторъ. Но для „Студента“ была закрыта даже эта карьера, въ которой за усердіе и ловкость получилъ нѣкогда отпущеніе грѣховъ самъ Ванька Каинъ. Напротивъ: до наглости безстрашный предъ физическими опасностями своего ремесла — предъ кулаками или дубиною разъяренного мужа, револьверомъ брата, финскимъ ножомъ любовника, — „Студентъ“ былъ единственнымъ человѣкомъ въ домѣ Рюлиной, котораго не только угрозою, но простымъ разговоромъ о полиціи, судѣ, прокурорѣ, тюрьмѣ, каторгѣ и т. п. можно было довести до паническаго ужаса, до истерического припадка. Этимъ пользовались, чтобы дразнить его, какъ юродиваго. Вообще, его считали немножко помѣшаннымъ, да едва ли онъ уже и не былъ таковъ. Въ немъ чувствовался человѣкъ, когда-то перенесшій страшную опасность и навсегда напуганный ею. Въ домашнемъ быту, когда „Студентъ“ освобождался отъ своей интеллигентной роли, онъ проявлялъ привычки и манеры, говорившія свѣдущему человѣку о долгомъ и печальномъ тюремномъ прошломъ. „Графчикъ“ въ частыхъ своихъ ссорахъ со „Студентомъ“, — всѣ три сожителя, въ свободное время, только и дѣлали, что лаялись между собою, — ругалъ его „острожною Каткою“. Эта выразительная кличка объясняла, почему воспитанницы Рюлиной брезговали „Студентомъ“ еще больше, чѣмъ двумя его товарищами. Тѣ были хоть мерзавцы, но все же — самцы, а не полусамки, какъ этотъ несчастный отбросъ житейской накипи — нивѣсть изъ какого сквернаго ея котла. Окликнутый на улицѣ, онъ снималъ шляпу неуловимо быстрымъ, холопски поспѣшнымъ жестомъ раба, привычнаго, что за покрытую голову начальственный кулакъ бьетъ по мордѣ безъ милосердія.

— Дуракъ! — издѣвался надъ „Студентомъ“ „Графчикъ“,

— по одному тому, какъ ты кланяешься, въ тебѣ не вовсе глупый сыщикъ долженъ сахалинца признать!

Жилъ „Студентъ“, конечно, по подложному или чужому виду, какъ и его товарищъ „Графчикъ“. Но послѣдній былъ болтливъ и охотно рассказывалъ многія свои похождения. „Студента“ же біографію и настоящее имѣ знала во всемъ свѣтѣ только Полина Кондратьевна, да, быть можетъ, отчасти Адель.

— Ты отъ меня, голубчикъ мой, никуда не укроешься, — шипѣла Рюлина, когда бывала недовольна „Студентомъ“. — Только тебѣ и жизни, что у меня подъ крыломъ. Сбѣжишь — на краю свѣта найду тебя! Развѣ на луну улетишь, а то подобныхъ тебѣ соколиковъ даже Америка выдаетъ.

XXXIX.

При всей своей нелюбви дѣлиться Аделью съ кѣмъ-либо старуха, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посылала ее въ Москву къ отцу, о которомъ былъ слухъ, что онъ очень денежный человекъ.

— Старикъ, — рассказывала Адель, — очень удивился и обрадовался, что у него такая красивая дочь. Сразу мнѣ повѣрилъ, да нельзя и не повѣрить: я вылитый его портретъ... Но — вотъ матери моей никакъ не могъ припомнить. „Ахъ, — говорить, — *chérie!* ихъ у меня тогда столько было!..“. — „Да потряхните памятью: Аленой звали...“. — „*Mais oui, mon enfant! Toujours, comme ça: les Alionas et les Axinias... une grosse foule de pauvres creatures!..*“. — „Такъ и не знаете?“. — „Помилуй, *ma petite*, какъ ты хочешь, чтобы я зналъ? Вѣдь я управлялъ вотчиною въ десять тысячъ душъ!.. Да! И обо мнѣ даже одинъ вашъ извѣстный сочинитель драму написалъ!.. Про меня и про графиню! Ба! Я самъ видѣлъ:

въ театрѣ представляли — и очень хорошо. Вотъ какой я былъ молодецъ!.. Гдѣ же было считать ихъ всѣхъ, *les Alionas et les Axinias*?!..“ . Подарилъ мнѣ, однако, образъ Святой Цециліи и локонъ волосъ. „Это, — говоритъ, — кудри моей матери, а твоей бабушки... *une déesse! une sainte à genoux, mon enfant!* Это принесетъ тебѣ счастье...“ . И плачетъ... Бонна его или лектрисса, что ли, все мимо насъ шнырить, разряженная такая, морда надутая, стѣсть меня хочетъ... Я было подластиться къ ней хотѣла: „Что вы, миленькая, противъ меня имѣете? Вы не бойтесь: я, какъ пріѣхала, такъ и уѣду... не отбивать хочу вашего старика: я дочь!..“ . — „Вижу, — отвѣчаетъ, — что дочь, обличье обозначаетъ... да ужъ больно много васъ, сыновей-дочерей, къ нему шляется... Я свой хабаръ оберегать должна, — пускать перестану. Кто васъ знаетъ, зачѣмъ? Онъ старикъ слабый...“ . Ну, а потомъ мы съ нею очень сошлись. Преумная баба оказалась и теперь даже помогаетъ намъ немножко по дѣламъ, когда случаются въ Москвѣ... И вообразите: сколько насъ, „дочерей-сыновей“, къ старику ни являлось, онъ всѣмъ, оказывается, дарилъ по Святой Цециліи и по локону своей матери... Надо полагать, бабушка моя была въ родѣ Анны Чилингъ, — вотъ, которая въ газетахъ рекламы своимъ волосамъ печатаешь, а то и сама Юлія Пастрана!..

У Адели былъ женихъ — настоящий женихъ, дѣловой, *un vrai homme d'affaires*: изящный и довольно красивый, тоже лѣтъ сорока, французъ, коммивояжеръ крупной парфюмерной фирмы, очень хорошо освѣдомленный о профессіи своей невѣсты, потому что былъ давнимъ поставщикомъ на знаменитую модистку Юдионъ, поставщицу Рюлиной. Но французскій буржуа, покуда дѣлаетъ карьеру, не имѣетъ предразсудковъ насчетъ происхожденія капитала. Цѣломудренныя негодованія

осѣняють его вмѣстѣ съ рентою. А до тѣхъ поръ —
les affaires sont les affaires.

— Когда у меня будетъ сто тысячъ рублей, — мечтала Адель, — я скажу всѣмъ вамъ *mes adieux!*.. Мы съ Этьеномъ обвѣнчаемся и уѣдемъ жить въ Монпелье; это его родной городъ, и онъ надѣется приобрести тамъ очень выгодно превосходную фабрику душистаго мыла... Современемъ онъ будетъ депутатомъ, а я первую дамою въ округѣ!..

Но надежды ея то и дѣло разбивались проигрышами Рюлиной, какъ о подводные камни.

— Ахъ, если бы не эта проклятая страсть! — вздыхала Адель. — Полина Кондратьевна — я не знаю, на что способна!.. просто, кажется, міръ покорила бы! Я выросла при ней, воспитана ею, съ пятнадцати лѣтъ работаю съ нею вмѣстѣ, и, — кромѣ игры проклятой: биржи, рулетки, тотализатора, картъ, — не могу назвать ни одного ея ложнаго шага!.. Вина она не пьетъ, ѣстъ — не гурманствуетъ, мужчины для нея не существуютъ... самый восхитительный темпераментъ, идеальный характеръ для дѣла!.. Но вотъ — все грабитъ игра!.. И, при томъ, какая несчастная игра!.. Бываетъ, что ей мѣсяцами не везетъ... Случалось, что мы закладывали брильянты!.. Да!.. У Юдиои — состояніе, у Перхуновой — капиталъ, Буластиху можно считать въ сотняхъ тысячъ, а у насъ самая шикарная кліентура и дѣла идутъ блестяще всѣхъ, но мы закладываемъ брильянты!

Картежные вечера, и по очень крупной, устраивались довольно часто въ домѣ самой Рюлиной — въ одной изъ квартиръ нижняго этажа, обращенныхъ во дворъ. Буластиха, Перхунова, Юдиои и наиболѣе фаворитныя факторши Рюлиной бывали при этомъ частыми, а иныя и напредѣнными участниками.

Въ одну изъ такихъ игорныхъ ночей Машу, поздно вернувшуюся съ бѣленькой нѣмочкою изъ театра и давно уже спавшую крѣпкимъ сномъ въ своей „каютѣ“, разбудила заспанная, зѣвающая Люція.

— Вставай, одѣвайся... тебя требуетъ Полина Кондратьевна.

— Чего ей? — недовольная, сонная, зѣвала въ отвѣтъ Маша.

— Песъ ее знаетъ зачѣмъ... Приказываетъ Аделька по слуховой трубѣ, чтобы ты одѣлась лучше и шла внизъ, въ восьмой номеръ... Надо быть, графскіе нагрянули...

— Шляются... безсонные черти!

Когда Марья Ивановна, принарядившись, явилась на зовъ, ее прежде всего ошибъ пьяный, дымный воздухъ комнаты, словно тутъ кутила цѣлая команда пожарныхъ. Ей бросился въ глаза рядъ развернутыхъ, исписаннымъ мѣломъ, ломберныхъ столовъ и въ особенности одинъ, у котораго стояла Адель, — съ двумя электрическими лампами-шандалами, съ грудой картъ на немъ и подъ нимъ. Надъ богатымъ, но уже очень опустошеннымъ, закусочнымъ столомъ возвышалась, въ табачномъ туманѣ, какъ нѣкое красное облако, широкая выпуклая спина тучной женщины въ пунцовомъ шелку. Марья Ивановна, съ обычнымъ испугомъ, узнала Буластову. Та, — на шумъ платья Лусьевой, — повернула къ ней красное, въ тонъ туалета, толстое лицо, заулыбалась, закивала. Сердце у Маши дрогнуло... Адель, хмурая и блѣдная, стоя у карточного стола, злобно чертила по сукну мѣломъ. На Машу она не подняла глазъ, только, заслышавъ ее, нервно передернула плечами. Были тутъ и Перхунова, и Юдишь, и еще нѣсколько женщинъ, незнакомыхъ Машѣ. Всѣ онѣ казались полу-

пьяными и утомленными. Но всѣхъ страшиѣ была сама хозяйка — Полина Кондратьевна. Она сидѣла въ глубокомъ креслѣ, совсѣмъ обезсилѣвшая, точно разваренная, даже свинцовая какая-то лица; полусѣдой чубъ ея развивался на лбу и налилъ мокрыми косичками, по румянамъ на щекахъ проползли черныя борозды, глаза тупо и тускло таращились въ одну точку.

— Марья, — сказала она слабымъ, не своимъ голосомъ, впервые за всѣ три года называя Лусьеву по имени. — Я, Марья, того... Ну, да что ужъ тутъ!... не везетъ! Вотъ, Прасковья Семеновна, извольте получать... при свидѣтеляхъ...

— Такъ точно, душенька Полина Кондратьевна, при свидѣтеляхъ!.. — отозвалась Буластова тонкимъ и веселымъ голосомъ, ловя съ тарелки вилкою румяный кусокъ семги. — Все по чести и въ аккуратѣ!..

— Какъ слѣдуетъ!.. — сипло поддакнула какая-то изъ „дамъ“...

Полина Кондратьевна обвела всѣхъ своимъ мертвымъ взглядомъ и продолжала:

— Такъ вотъ... я, Марья, отъ тебя отказываюсь, ты мнѣ больше не слуга... Теперь будетъ твоя госпожа Прасковья Семенова... цѣлуй ручку.

Кровь хлынула въ голову Машѣ. Такъ и отшатнуло ее... Буластиха улыбалась ей, жуя семгу маслянистымъ ртомъ, и протягивала тяжеловѣсную, мясистую, въ кольцахъ лапу.

— Цѣлуй, скорѣе цѣлуй... — слышался за спиною Маши быстрый, трепетный шапотъ взволнованной Адели.

Маша, едва соображая, что съ нею сдѣлали, что она сама дѣлаетъ, нагнулась къ протянутой рукѣ.

— Испужались? — сказала Буластова съ тою же торжествующею и жеманною улыбкою, голосомъ сдобнымъ, звонкимъ и пѣвучимъ, какъ у охтенки. — А вы не пужайтесь. У

меня вамъ, душенька, будетъ оченно какъ прекрасно... Бумаженки и причандалы ейныя у васъ, Аделичка, будутъ? — обратилась она къ Адели.

— Ключи дайте! — грубо крикнула та на безпомощную Полину Кондратьевну. Старуха, молча, трясущеюся рукою, вынула изъ сумочки на поясѣ связку ключей.

— Пожалуйте, примите!.. — отрывисто и мрачно обратилась Адель къ Буластовой.

— Оедосья Гавриловна, — хозяйски приказала Буластова одной гостьѣ, высокой и плечистой бабѣ-гренадеру, утрюмой съ виду и даже не безъ усовъ. — Сядь, голубушка, рядомъ съ барышней, возьми ее за ручку, покуда мы не вернемся.

— Не отнимемъ ее у васъ, — обидѣлась Адель. — Что это вы, право, Прасковья Семеновна.

Та возражала уже на ходу.

— Ахъ, милая, какъ вы могли подумать? Развѣ я отъ васъ надѣюсь? А бываетъ, что бѣгаютъ...

— Куда отъ насъ бѣжать? Ей бѣжать совсѣмъ некуда.

— Конечное дѣло, что некуда. Да, вѣдь, глупы онѣ, дѣвки, соображенія не имѣютъ. Мало ли что имъ въ фантазію вступить? Домъ же у васъ громаднѣйшій, имѣетъ многіе выходы, богатѣйшее помѣщеніе... Выскочить барышня на улицу, — возись съ нею!.. Другія тоже, случается, стекла бьютъ, скандалы дѣлаютъ...

— Не таковская.

— Ахъ, не скажите! Ахъ, ангелъ мой, и очень вы мнѣ этого не говорите! Ни одна дѣвушка сама характера своего не знаетъ, и, чего вы можете отъ нея съ большою внезапностью ожидать, этого вы напередъ знать никакъ не въ своемъ состояніи.

Баба-гренадеръ исполнила повелѣніе хозяйки въ точно-

сти и, для вѣрности, даже обняла Машу за талію, такъ что, сидя съ нею плечомъ къ плечу, перепуганная, ошалѣвшая дѣвушка чувствовала себя въ желѣзномъ обручѣ. И вдругъ она — выхремъ въ головѣ — вспомнила всѣ страшные толки, всѣ грязныя сплетни, всѣ возмутительные слухи, что доходили на Сергіевскую о Буластихиномъ домѣ вообще, а, въ особенности, объ этой вотъ Оедосѣ Гавриловнѣ, которая теперь заключила ее въ живыя оковы и дышетъ на нее виннымъ паромъ. И жутко ей стало до озноба и стука зубоваго: вотъ когда душенька то совсѣмъ пропала, волокутъ черти въ адъ!

Рюлина смотрѣла на Машу, качала головою и говорила:

— Ужъ извини, Марья, — никогда я не думала такъ съ тобою разстаться, но, видно, такая твоя судьба... Жаль мнѣ тебя отдавать, ужасно жаль!.. Не будетъ у меня другой такой слуги... Бить меня некому, старую дуру!..

— Зачѣмъ вы меня продали, Полина Кондратьевна? — зарыдала дѣвушка.

Старуха сконфузилась и ничего не отвѣчала, — только развела руками.

— Онѣ васъ не продали, — толсто каплянувъ, сказала басомъ баба-гренадеръ, — мы васъ въ карты выиграли.

Гости захохотали.

Маша обомлѣла. Этакой подлости надъ собой она уже никакъ не ожидала и сразу не могла даже охватить ее умомъ. Уставилась, молча, на генеральшу дикими глазами, но Рюлина, подъ ея не понимающимъ взглядомъ, лишь посизѣла вся въ лицѣ и еще глубже осунулась въ своемъ креслѣ.

Въ каретѣ, увозившей Машу навсегда отъ Рюлиной, между двухъ мощныхъ тѣлохранительницъ, Буластова опять повторила:

— Не пужайтесь, убѣдительно васъ прошу! Ежели вы будете противъ меня разсудительная и аккуратная, — какъ въ

раю проживете, неприятностейъ отъ меня не узнаете. Я, васъ, Марья Ивановна, очень цѣню. Я за васъ, — вотъ какъ вы есть, въ однѣхъ шубкѣ-платишкѣ, безъ всякаго приданаго, на девятнадцать тыщъ шла. Кабы вышла не моя карта, я должна была платить девятнадцать тыщъ... Опосля того васъ очень можно сберегать... Вы не пугайтесь...

(Не помню, кто изъ критиковъ „Марьи Лусьевой“ въ первомъ ея изданіи усумнился въ правдоподобіи этой сцены — проигрыша „живого товара“ въ карты. Между тѣмъ, это случай обыкновенный и даже частый, — правда, больше на низахъ проституціи, гдѣ хозяйки вообще смотрятъ на своихъ кабальницъ, какъ на живой мѣновой или денежный знакъ. Фактъ же проигрыша, такъ сказать, „примадонны“ шикарнаго заведенія я взялъ вотъ изъ какого происшествія. Въ началѣ 80-хъ годовъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей тогдашней Москвы, студентъ-техникъ П. Н. Кр-ч-т-въ, безъ ума, безъ памяти влюбился въ красавицу-проститутку, Зину Косую, закабаленную пресловутымъ публичнымъ домомъ Стоецкой. Кр. былъ человѣкъ очень состоятельный, однако хозяйка заведенія, замѣтивъ, что онъ влюбленъ серьезно, заломила съ него за Зину такой опромный выкупъ, что К. спасовалъ: не подь силу! Промышленница эта (къ слову отмѣтить, сама женщина еще молодая, красивая и даже изящная) была лютая картежница. Вотъ, Кр. и извѣстный драматическій актеръ Ѳ. П. Горевъ и взманили ее на крупную игру. Сначала Кр. былъ въ сильномъ проигрышѣ, но у жадной бандорши разгорѣлись глаза на большее, она не забастовала во время, счастье ей измѣнило, и Кр. пошелъ ее крушить. Въ нѣсколько минутъ она продула восемнадцать тысячъ рублей (отсюда я и взялъ цѣну Марьи Лусьевой). Струсилъ и запросилъ пардона. Кр. объявилъ, что готовъ ей простить проигрышъ, но — пожалуйста Зину! На томъ и сошлись. Сожительство Кр. съ выкупленной такимъ способомъ

Зиной продолжалось нѣсколько лѣтъ. Это была всей Москвѣ извѣстная, замѣчательно красивая, картинная пара. Однако, и этотъ романическій союзъ осужденъ былъ однажды лопнуть—и, кажется, по винѣ Елены Николаевны (настоящее имя Косой Зиной). Не знаю, что съ нею потомъ стало: едва ли не возвратилась къ прежней профессіи, по которой, живя съ Кр., довольно прозрачно скучала. Кр. вскорѣ женился на молодой драматической актрисѣ, сестрѣ одной изъ самыхъ яркихъ звѣздъ русскаго театра, замѣчательной красавицѣ великорусскаго типа, но и въ сую долю не такъ даровитой, какъ сестра. Бракъ этотъ тоже оказался непрочнымъ. Супруги разошлись, а затѣмъ, по разрывѣ, оба были какъ то очень быстро загублены туберкулезомъ, что очень изумило Москву, потому что, казалось бы на видъ, какъ мужу, такъ женѣ, своего богатырскаго здоровья во сто тѣтъ не изжить. Ср. также Ломброзо 132—134. Кузнецовъ 96, 122, 186, 247.)

Конецъ первой части.

КУПОНЪ
для полученія преміи
№ 16.

Къ книгѣ Александра Амфитеатрова
Марья Лусьева.

Собирайте наши купоны для полученія преміи

Дабы еще болѣе заинтересовать нашихъ г-дъ подписчиковъ, мы рѣшили въ этомъ году, несмотря на крайнюю дешевизну нашихъ изданій, дать нашимъ подписчикамъ еще и

КОЛОСАЛЬНЫЯ преміи.

Въ каждой книгѣ „Б. Н. Л.” начиная съ книги № 25 — 48, выходящихъ съ 5. февр. 1928 г. — по 20 января 1929 г. будетъ находиться купонъ для полученія преміи.

Собравшій всѣ 24 купона по предъявленію ихъ въ конторѣ издательства или за границей у представителей, получить папку

съ многокрасочными репродукціями картинъ извѣстныхъ-шихъ художниковъ числомъ 6—7.

Репродукціи эти будутъ большого размѣра и наклеены каждая въ отдѣльности на толстый художественный картонъ.

Цѣль премій возбудить въ читателяхъ еще большій интересъ къ книгѣ.

Книга должна побѣдить многія нежелательныя явленія въ нашей обыденной жизни.

Купонъ собирать и носить выходя книги № 48 прилагать все купоны въ издательство или къ представителямъ. Вырывать все листы.

Pa 2535 y

